

Королевство
Меджитов Вади

16+

Вадим Меджитов

Королевство

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Меджитов В.

Королевство / В. Меджитов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Жизнь для юной Эвелинн складывается крайне удачно. Ведь она никто иная, как принцесса королевства Варран, одного из самых преуспевающих и зажиточных государств в этом мире. Так бы тихо, спокойно и совершенно незаметно она и провела бы всю свою сознательную жизнь, если бы не громкое событие, от мысли о котором у многих девушек захватывает дух. Замужество. А если сама любовь бывает только в сказках, если весь мир так системен и логичен по своей сути, то остается лишь положиться на судьбу и встретить опасность лицом к лицу, как и подобает настоящей гордой принцессе. Верно?

Содержание

Часть 1

Если уж совсем честно, то я не в сильном восторге от любых гендерных столкновений. Или как они там называются... я не психолог.

В общем...

Если кто-то начинает говорить, что родиться мужчиной лучше, а другой возражает, что у женщин гораздо больше преимуществ, если *внимательно присмотреться*... короче, разгорается та еще ссора. Один выхватывает аргументы из здравого смысла, поражая своего противника ледяными копьями рассудка, а другой бросается в контратаку с примерами из жизни, поливая все вокруг жарким огнем эмоций. Типичная битва льда и пламени, стороннему наблюдателю остается лишь запастись попкорном и быстро-быстро делать заметки в блокноте – из них потом может получиться отличная книга. Или все семь, если растянуть концовку до безобразия.

Важно то, что оба они будут абсолютно неправы. В итоге.

Ведь миром правят не мужчины и не женщины. Мир определяет не здравый смысл и не эмоции. Все это лишь совокупность факторов, которые ведут к одному образному целому. Тому, что все обычно ненавидят, презирают, но с чем сталкиваются на любом этапе своего жизненного пути.

Система.

1

Свое детство и первые годы взросления я провела в королевстве Варран. Там же я родилась, там же правили мои коронованные родители, там же я получила свое первое имя.

Родители решили назвать меня Эвелинн, что в переводе с одного из языков древности означало «воронье крыло» и что, как многим казалось, отражало мою сущность, а также удачно сочеталось с цветом моих длинных вьющихся волос. Насчет сущности я до сих пор не понимаю, что имелось в виду – вряд ли сравнение с вороной является пределом мечтаний любой нормальной девушки.

А через некоторое время мне и вовсе начало казаться, что родители решили особо не церемониться с выбором имени, потому что я была самым младшим ребенком в нашей огромной семье, да и еще и девочкой. Уверенность в этом лишь окрепла, когда я обнаружила в личной библиотеке матери, что находилась в ее опочивальне, книгу, повествующую о приключениях темной волшебницы по имени Эвелинн. Это была сказка с хорошей и доброй концовкой, но автору, видимо, наскучило писать однотипные книги для детей, поэтому он исхитрился и вставил свою мораль, которая красной нитью проходила между строк, – дескать, в минуты кризиса добро всегда побеждает зло, но во времена спокойные зло учится подменять понятия и нещадно эксплуатировать добро.

Мне эта книга очень нравилась – она была, самой что ни на есть, системной. И жизненной. А также никто из моих знакомых так и не заметил плохо скрытую сатиру автора, что почему-то доставляло мне особое извращенное удовольствие. Именно поэтому я смирилась с поспешным выбором своих родителей, которые руководствовались бульварной книжкой (автор, чтобы прокормиться, написал множество подобных книг) и цветом моих волос. Если бы я была на самом деле злой волшебницей, то с вершины своего могущества я бы отнеслась к ним довольно снисходительно. Превратила бы в лягушек, к примеру.

Насчет имени я довольно быстро перестала беспокоиться – начиная с того момента, как мне исполнилось восемь лет. Именно тогда родители официально (официальность заключалась в том, что я ужинала с родителями одна, а не в присутствии братьев и сестер) сообщили мне, что мое основное предназначение в этой жизни – это выйти замуж. Сказав это, они почтительно

замолчали, так что атмосфера вокруг напомнила мне о похоронах моей отдаленной родственницы. Тогда я также не понимала, что я здесь делаю, кто все эти люди и почему все вокруг так заунывно. Но через некоторое время пошел дождь, все вострепнулись и потянулись к раскинутым неподалеку шатрам. Под ними было сухо, тепло, а в воздухе раздавался приятный запах свежеприготовленной еды. По тому, как все набросились на различные яства, как начали наполнять свои кубки пенистым пивом, как обсуждали со скорбным видом веселые случаи из жизни, я поняла, что не одна чувствовала себя не в своей тарелке. Увидев нечто привычное и радужное взору, как недавно приготовленная и очень вкусная еда, все разом взбодрились, и жизнь снова окрасилась в яркие и понятные оттенки.

И это было системно.

В тот момент, когда родители, казалось, понимающе и благосклонно смотрели на меня, я опять начала чувствовать неприятную слабость, некую отрешенность, как бывает тогда, когда оказываешься не в своей тарелке. Самое неприятное, что родители чувствовали ровно то же самое, и я, подняв глаза кверху, вздохнула – дождь сегодня явно не собирался.

Родители расценили этот жест как закатывание глаз, свойственное девушкам из просто-народья, но в последнее время прочно входящее в арсенал манипулятивной мимики у придворных дам, что заставило их нервничать еще больше. Дело в том, что отец, как и многие короли, уделял свои воспитательные часы в основном мальчикам, что напрямую вытекало из традиций и патриархального уклада воспитания королевской молодежи. Девочки оставались на попечении у матери, учителей и друзей, а так как мать очень часто уделяла свое внимание экономическим вопросам в разрезе развития государства, то девочки были вольны делать, что их душенькам захочется. Главное было не нарушать двух основных правил – не поднимать восстание и не выходить замуж за простолюдина.

Именно поэтому родители и нервничали – буквально с детства я вела себя не так, как другие девочки моего возраста. Я была несистемной в их глазах, что приводило к постоянным косым взглядам в мою сторону и непониманию, почему при столь большой свободе я как будто ограничивала свои варианты времяпровождения. Это было крайне нелогично и немного пугало – постепенно взрослея и постигнув основы обучения (умение писать и считать), многие девочки королевского рода проводили свое время, развлекаясь в городах или посещая королевские семьи союзных стран. Они буквально не могли вынести и дня, сидя дома, их тянуло к новым встречам, ощущениям и страстям.

Родители потворствовали их вольной жизни, улыбаясь про себя и как будто говоря: «Эх, это же молодость... надо нагуляться, чтобы потом осесть... стать серьезным... но сначала надо вкусить саму жизнь». Мне это слегка напоминало веселые пиры у мужчин, которые они устраивали перед тем, как идти в бой. Но там было все понятно – ты веселишься один-два дня, чтобы заглушить страх, чтобы влиться в эту систему воинственного бесстрашия, без которой воинской дух любой армии начнет стремительно падать. И хоть сами войны казались мне крайне бессмысленным времяпровождением, которое сочетало в себе одновременно потерю ценных людских ресурсов и инвестирование капитала в бесполезные по своей сути военные разработки, но пиры приравнялись к традициям. А традиции я любила, особенно те, в течение которых можно вкусно поесть.

Но традиция нагуляться перед замужеством? Традиция ли это вообще? Реально ли она помогала заглушить страх перед тем, что всю оставшуюся жизнь, начиная с шестнадцати лет, придется провести под одной крышей с нелюбимым тебе человеком? Ведь когда ты ведешь разгульную жизнь, то твое сознание признает лишь страсть, а те мужчины, за которых выдавали замуж благородных девиц, были куда старше этих самых девиц. А если твое сознание ограничено, то как ты можешь принять более опытного, более умного человека? Ведь все непонятное чаще всего отвергается, возводится в ранг нелюбимого.

Как оказалось потом, я полностью и бесповоротно ошибалась. Удар был довольно сильным, но он был настолько системным, что мне приходилось лишь грустно улыбаться глубоко внутри себя. И это был еще один пример, почему все так не любят системы – когда ты думаешь, что обдумал практически все варианты, выбрал свой идеальный путь, когда ты мнишь себя выше остальных людей... именно в этот момент тебе приходит горькое разочарование, и ты понимаешь, что в своих мыслях ты зашел слишком далеко, что тебя давно было пора поставить на место. Потому что предела совершенству нет и потому что система похожа на обоюдоострый меч без гарды – сражаться с помощью нее решительно невозможно.

Но, к счастью, все эти высокомерные мысли о том, что таким разгульным поведением девушки лишь загоняют себя в отчаянное положение, начали появляться лишь потом, ближе к шестнадцати годам. И жизнь очень быстро поставила меня на мое законное место. Ведь кто я такая, чтобы судить других людей?

Но до шестнадцати лет, до той странной поры, когда меня отправляли свататься в удаленные королевства, я заботилась лишь об одном – чтобы получать от жизни удовольствие. Проблема, которую видели во мне окружающие, заключалась в том, что мои способы получения удовольствия явно отличались от общепринятых.

Лежать целый день в кровати в обнимку с прекрасно написанной книгой? Легко. Закупаться в разных частях города, чтобы потом с поварихой приготовить нечто особенное, что не входит в повседневное меню? Запросто. Возиться с иголкой и ниткой, пытаюсь сшить радужный гобелен? Полагаю, вы поняли.

Лишь потом я поняла, почему все так странно на меня смотрели. Дело в том, что все эти занятия никак не могли мне помочь успешно царствовать, по крайней мере, в первые годы. С людьми я сходилась трудно, торговаться не любила и не умела, в выпивке ничего веселого не находила, а от большого скопления народа и криков у меня начинала кружиться голова – особенно когда нужно было стоять в этой толпе в тяжелом платье и на каблуках, изображая участливое выражение лица. Нет, платья я любила, но неорганизованные, бесцельные мероприятия наводили на меня крайнюю тоску.

Помню, тогда, сидя за трапезным столом, я, стараясь выглядеть спокойной и уравновешенной, положила себе на тарелку немного мясных рёбрышек, зачерпнула из ближайшей кастрюли картофельного пюре, а затем спокойно посмотрела на своих родителей и спросила, налагает ли на меня это объявление какие-то обязательства до наступления совершеннолетнего возраста. Сказано это было немного официально, но я не собиралась снижать градуса. В мою чашку я при общем молчании налила компота из молодых яблок, не пролив при этом ни капли. С победоносным видом я снова посмотрела на родителей, они слегка замаялись, но отец уже вовсю стрелял глазами в мою тарелку. Я знала, что он пробыл в дороге весь день, был ужасно голоден, и заметила, как он начал умоляюще взирать на свою жену. Та вздохнула, встала, положила мужу еду на тарелку, а затем, обернувшись ко мне, мягко улыбнулась.

И ответила, что до шестнадцати лет ничего не меняется, что я могу заниматься, чем я захочу. Отец, усердно работая ложкой, многозначительно кивнул. Атмосфера в зале слегка разрядилась.

Я также принялась за еду, мимоходом задавая краткие вопросы о моем предполагаемом замужестве. Ответы, к моему крайнему удивлению, меня удовлетворили, даже очень – в них проскальзывала логика. Как оказалось, жениха невесте ищут лишь после достижения ей пятнадцати лет, причем мне в данном случае не надо было предпринимать никаких усилий. Раньше искать никого не будут, потому что политическая карта мира постоянно перекраивается из-за постоянных войн, а мужская жизнь по той же причине не имеет определенной продолжительности, особенно если рассматривать королевских отпрысков, которых всегда поджидают государственные перевороты, войны, семейные дразги и прочие радости жизни.

Далее невеста отправляется в так называемое свадебное путешествие, чтобы посетить дом своего избранника. А затем... тут родители быстро переглянулись, потом мать пожала плечами и сказала, что если все будет хорошо, то будет совершен выгодный династический брак, а дальше уже по ситуации...

Тут я на секунду застыла. Если «по ситуации» было еще относительно понятно¹, то вот невзначай брошенная фраза «если все будет хорошо...». Но родители почему-то раздраженно замолчали мой вполне справедливый вопрос, сославшись на то, что я еще слишком мала и что потом мне самой все будет ясно.

И тогда я ощутила неприятный укол в районе сердца. Как будто меня ущипнули и сразу же отпустили. Такое неприятное щемящее чувство у меня появлялось всегда, когда мне говорили нечто несистемное, но я еще не могла понять, почему оно является таковым.

И как оказалось впоследствии, это чувство возникло у меня неспроста. Но это я осознала лишь спустя восемь беззаботных и беспечных лет.

2

Зрелости я достигла буквально одним скачком, для себя совершенно незаметно.

Отец в то время был крайне занят – надвигалась очередная война, необходимо было усиливать границы, договариваться с союзниками, поднимать налоги... в общем, дел было и правда невпроворот. Меня в данном случае успокаивало лишь то, что на мне не лежала ответственность по укреплению союзнических отношений с другими странами в качестве невесты на выданье.

К счастью, те времена, когда принцессы, участвующие в процессе династического обмена, играли немаловажную роль, прошли. Еще буквально полвека назад, если принцу более сильной в военном и экономическом смыслах страны, не нравилась его будущая спутница жизни, он мог легко лоббировать разрыв союзнических отношений и отмену всех обещаний о помощи в грядущих войнах. Мне почему-то казалось, что такие решения, а они были вовсе немаловажными, принимались загодя, а из бедных девушек делали коз отпущения. Довольно жестоко, если учесть, что на девушку вешалась столько сильная психологическая вина, что, дескать, ее обаяния и женственности не хватило, и теперь из-за нее существование целой нации было подставлено под угрозу. Думаю, существенная часть статистической выборки касательно самоубийств женщин того времени происходила как раз из-за этого – искусственно навязанное чувство вины. А куда идет знать – за тем тянутся и простолюдины, это обычная система, выражающаяся в эффекте домино. Но опять же, к счастью, сейчас такого происходит гораздо меньше – разум восторжествовал над политическим беспорядком, и теперь все решения касательно военных, политических и экономических союзов обсуждаются за круглым столом, а династические браки остались в качестве милой рудиментарной традиции. Возможно, еще через пару сотню лет человечество дойдет до того, что девушки из королевской семьи будут выходить замуж за представителей обеспеченной аристократии внутри страны, из которой они родом, а уж затем возможно даже... о ужас!.. за простолюдинов. Но о последнем даже подумывать страшно.

Честно говоря, из-за сложившейся ситуации вокруг королевского бракосочетания, когда надо мной уже не висел столь большой груз ответственности, я слегка ленилась. Родители не осмеливались говорить со мной на столь щекотливую тему, но иногда² бросали на меня столь укоризненные взгляды, словно хотели разбудить во мне нечто эфемерное и фантастиче-

¹ Точнее, не понятно, но понятно, что ни черта не понятно. Людям приятно, даже когда понятно, что ничего не понятно. Это вносит свою определенность в жизнь.

² Это «иногда» возникало довольно часто, потому что большую часть своего свободного времени я проводила дома, в замке.

ское вроде совести. Но совестливостью я, к счастью, не была заражена, а подвисший в воздухе вопрос, повторюсь, был столь щекотливый и двусмысленный, что я могла легко обернуть его против их самих же, если бы захотела.

Возможно, родители пытались воздействовать на меня через моих сестер³, но ни одна из них не была близка со мной, держались со мной прохладно.

Если говорить кратко, то дело было в любовных отношениях. Точнее... что следовало в начале этих любовных отношений. Ну, я имею в виду флирт, всякие там ужимки, взгляды из-под ресниц и прочая дребедень. И это... которое то. То самое. Вы поняли.

Я, в принципе, в глубине души это очень поддерживала, просто у меня не было желания этим заниматься. Но поддержка моя была небезосновательна – если просмотреть страницы далекой истории, то сначала молодые люди пытались поступать честно, по крайней мере, насколько могли.

Ценились такие качества, как чистота, целомудрие, добропорядочность и благочестие. Сейчас значения этих слов затеряны для многих людей в недрах словарей, но раньше все любили играть в пресловутое рыцарство.

Логика была проста – если девушка королевского рода могла выйти замуж только за представителя того же королевского рода, но другой страны, то любовных отношений до непосредственно самого бракосочетания у нее и быть не могло. Был, конечно, вариант разгульной жизни с простолюдинами, но это жестко предавалось анафеме по причине того, что девушка после таких связей была «энергетически испорчена». Почему так считали, осталось загадкой – возможно, это было косвенное влияние религиозных течений, которые набирали силу, или это была простая политическая предосторожность, чтобы милая девочка в пылу страсти не подняла восстание. Вряд ли, конечно, но мало ли что. Любовь и не такое может.

Как бы то ни было, но с недавних пор на эти запреты не только перестали обращать внимание, но стали и всячески поддерживать то, за что раньше могли возвести на костер⁴. Причина была довольно странной, и трактовалась она каждым по-разному, но я считаю, что это было нужно для более быстрого снятия психологического барьера при встрече двух не совсем... опытных людей. Касательно опыта проблема была решена очень быстро и эффективно, ведь теперь юным и милым принцессам совершенно не возбранялось совершать променады под бледным светом луны с представителем не столь знатного рода. В основном к принцессам липли молодые люди с жилкой карьериста, ведь некоторые дамы сорили деньгами, что пылью. Реже с принцессой прогуливался молодой поэт, вдохновляющийся ее неземной красотой и царственной аурой на новые литературные свершения, а совсем редко крайне влюбчивые юноши, которые старались отдать девушке самую дорогую, но в то же время и самую бесполезную вещь на свете – свое сердце. Последние обычно очень сильно разочаровывались, потому что принцессы никогда и ни под каким предлогом не вышли бы замуж за простолюдина. Дело было не в меркантильности, не в холодном расчете, просто зачем обижать родителей, которые хотели тебе самого лучшего? Да и есть нормально также хотелось. И спать не в шалаше с подстилкой из клопов. И слушать нормальную литературную речь, а не выкрики рабочих в шесть утра. В общем, вы поняли. Приятно было поваляться в грязи, зная, что впереди тебя ожидает приятная и теплая ванная.

Обладая столь невозбранной свободой, принцессы меняли своих любовников как перчатки. И уже потом, встречаясь со своим избранником, знали, что к чему и не строили ложных иллюзий, что все будет мило и сказочно. Доказательством тому было, к примеру, то, что девушки брали с собой прочные и крайне дорогие кусочки белой материи, которую в просто-

³ Братья почему-то постоянно избегали меня, а обсуждение этого вопроса со мной заставил бы их биться в страхе под кроватью как минимум месяц.

⁴ Такие случаи реально были, но не в законодательном плане – просто правитель был малость сумасшедшим, свою дочку он хотел сжечь еще после того, как она не доела свой ужин. Просто потом нашлась причина повесомее, вот и все.

народье называли ватой. Нет, а вдруг ваш избранник сильно храпит? А на следующую ночь можно без зазрения совести спросить, есть ли рядом свободная комната, переехать туда и жить себе припеваючи. Семейная жизнь, если ты принцесса, была примерно такой же, что и у простолюдинов, просто куда богаче и интереснее.

Поэтому, если сравнивать со всеми, то я действительно изрядно ленилась, выходя из дома порой, чтобы поучиться гончарному мастерству на окраине города, чтобы выпить чашечку чая со знакомой учительницей истории, чтобы посетить ярмарку, куда съезжались кондитеры со всего королевства... в общем, я и правда вела довольно беспечную жизнь и в то время даже имела наглость говорить себе, что пусть само все образуется, пусть все решится за меня! Дескать, что тут сложного, все уже давно определено, поэтому остается лишь ждать и надеяться, что будущий муж может выговорить слово «противоестественный» без ошибки. Или что он хоть как-то знаком с запятыми.

Поэтому в этом деле я целиком и полностью отдалась на волю судьбе.

И ошиблась, хоть я и не старалась оказаться в итоге правой. Ошибка состояла в том, что я не учла еще одно правило системы.

Даже если ты сперва не видишь, даже если ты думаешь, что все просчитал, даже если тебе все равно, у жизни найдется, чем тебя задеть. Ибо один важнейших элементов системы – это цена. За все приходится платить, просто те мастера, которые профессионально лавируют сквозь жизненные потоки, не обращают внимания на цену, ибо они не надеются, не рассчитывают, не ждут, а просто действуют так, как считают правильным.

И в итоге это «так» и оказывается правильным, ибо они так считают.

3

Первое мое свадебное путешествие состоялось через полгода после наступления моего совершеннолетия. Королевство Лавандия располагалось буквально в паре дней пути верхом от нашего королевства, и я вздохнула с облегчением – мой домашний образ жизни не подготовил меня к дальним переездам.

Мне выделили пару стражников из личной охраны дворца, чьи родственники жили в Лавандии, личную помощницу, чье имя я забыла практически сразу, как она представилась, и мальчика-поваренка на всякий случай, если придется ночевать под открытым небом. Конечно, выбранный маршрут не предполагал столь экстремальной ночевки, но поговаривали, что на дорогах водятся разбойники, которые обирали бедных (и не очень) путников, как липку. Вряд ли это можно было считать правдой, ведь королевские дороги между большими городами тщательно охранялись с помощью охранных постов, а их географическое расположение было выбрано таким образом, чтобы исключить возможность засад и подготовленных ловушек. Правда, то же самое нельзя было сказать о прочих тропинках, которыми пользовались в основном бедняки-простолюдины, составлявшие восемьдесят процентов населения всех королевств, но... каждому свое, ведь так?

Мальчишка пытался разговорить меня по пути, но я не обращала на него внимания – детей я не очень любила, почему-то от них я быстро уставала и чувствовала себя неловко. Думаю, это из-за того, что они были крайне несистемными созданиями, манипуляция ими происходила через сильные правдивые эмоции, а я не любила врать в эмоциональном плане и подстраиваться под других людей. Любви к маленьким верещащим созданиям у меня тоже ни капли не возникало, лишь желание сбежать подальше, отдышаться и окунуться с головой в интересную книжку. Мне говорили, правда, что со своими детьми такого не будет, что когда родится своя кровиночка, то... я старалась не думать об этом – столь сильной была тошнота, подступавшая к горлу, когда эта мысль начинала оседать в голове. Почему так происходило,

я также старалась не анализировать, понимая, что это попросту бесполезно. Будь, как будет, решила я.

Но я не ненавидела детей, вовсе нет. По крайней мере я старалась так думать. Мальчишку-поваренка, к примеру, меня попросили пристроить на кухне в Лавандии – это королевство славилось своими кулинарными изысками. И я собиралась это обещание сдержать, прежде всего из-за моих симпатий к Люси, королевской поварихе у меня дома. Она хорошо относилась ко мне с детства, учила меня вкусно готовить, хотя никто ее этого не просил... в общем, я была ей признательна хотя бы за хорошее отношение. И если она хотела пристроить этого мальчика, то почему нет? Мне было не сложно, да и просьба была логичной – выучившись, парень будет нарасхват во многих королевствах. Хорошие повара ценились ровно столько же, сколь и хорошие воины, иногда даже больше. Кто же не любит вкусно поесть?

Путешествие прошло довольно гладко, без происшествий. Для моих спутников оно, возможно, показалось довольно скучным и унылым из-за моей отрешенности и немногословия, но они могли беседовать друг с другом, а мою замкнутость они всегда могли списать на нервы перед будущей свадьбой. В принципе, мне было все равно, что они думали про меня.

В замок моего жениха мы попали под вечер. Я заметила краем глаза, как мои стражники и мальчик с облегчением слезают со своих коней, отряхивают нагрудники от пыли, разминают отекавшие от долгой поездки конечности. Потом они виновато посмотрели на меня, передали поводья подошедшему конюшему.

Я старалась вести себя достойно. Спустившись, я оправила свои дорожные одежды, взмахом руки и коротким наставлением отпустила своих вояк, которым явно не терпелось смыться в сторону ближайшего трактира, а сама направилась за подбежавшим ко мне слугой, который должен был препроводить меня в мои временные покои – в них я буду спать, пока не произойдет обряд бракосочетания. После него я, согласно обычаям, переселюсь в опочивальню мужа.

За мной, сторбившись от тяжести сумок, которые они сняли с лошадей, направились моя помощница и мальчик. На самом деле я взяла с собой не так много вещей – часть моего гардероба на первое время, немного личных вещей и небольшие, но довольно дорогие изысканные подарки для моего будущего мужа. Последнее было необходимо согласно этикету.

Мой следующий гардероб я должна была составить вместе с моим мужем, если, конечно, он захочет этим заниматься. Все равно одеваться в придворные одежды своего королевства после замужества было неприлично – кому нравится видеть рядом с собой белую ворону, которая упорно держится традиций своего королевства?

Меня препроводили в гостевую королевскую комнату. Я поблагодарила слугу, отпустила мальчика, попросив того зайти через пару дней ко мне, а сама вместе со своей помощницей принялась раскладывать вещи из сумок. Через некоторое время помощница ушла узнавать, где в замке располагается ванная комната для королевских особ, а также столовая, где можно перекусить после долгой дороги – я не хотела следовать этикету в данном случае и просить место у королевского обеденного стола. Честно говоря, мне просто хотелось умыться, перекусить, почистить перед сном и оставить все оставшиеся проблемы на завтрашнее утро.

Я была признательна моей помощнице – у меня не было никакого желания после долгой дороги бродить по замку и царственным голосом журить каждого встречного, почему никто подобающим образом не встречает приехавшую принцессу. Через некоторое время я освоюсь в замке (придется, это же мой дом на всю оставшуюся жизнь!) и отпущу мою помощницу, если она захочет уехать обратно домой. А захочет – ведь дома ее ждала семья, и я не собиралась отрывать ее от родных надолго. Потом муж приставит ко мне новую помощницу, и она... я почувствовала, что зеваю. Долгая дорога сделала свое дело, я чувствовала приятную усталость, разливавшуюся по всему телу. Чтобы не уснуть, я присела на скамейку и стала смотреть в окно, наблюдая, как листья на деревьях слегка трепещут под порывами ветра...

Помощница деликатно растолкала меня, ее горячий взор явственно говорил о том, что она нашла не менее горячую ванну. Я провела ладонью по лицу, снимая паутину усталости, и заставила препроводить себя в живительную и теплую воду.

Вдоволь накупавшись, я вернулась в свою опочивальню, где моя помощница заботливо разложила скромное, но крайне вкусное угощение. Я слегка подкрепилась, как раз настолько, чтобы утолить голод, но чтобы не мучали кошмары после тяжелой пищи...

Я даже не заметила, как уснула.

4

На следующее утро я встала с отвратительным чувством неустроенности и неопределенности. Если бы я сейчас спала в трактире, постоялом дворе или в какой-нибудь из этих новых гостиниц, которые в последнее время начали появляться в крупных городах, то я бы спустилась вниз, в общую столовую, попросила бы горячий завтрак, а сама в ожидании стала бы лениво размышлять, чем занять себя сегодня.

Но я была в чужом замке, который вскоре должна буду называть своим домом. И от этой мысли сразу становилось как-то не по себе.

Помощницы не было видно – она, наверное, еще спала в комнате для прислуги. Или вообще забыла про свою принцессу, благо уже практически бывшую.

Я встала с кровати, потянулась и огляделась в поисках зеркала. Оно оказалось рядом, на стене, противоположной от окна. С какой-то стороны могло показаться, что это и есть окно – деревья в отражении также покачивались от порывов ветра.

Я поежилась. Пол был холодный и не застеленный коврами.

Присев на низенькую табуретку, я взглядела в свое отражение в зеркале. Вроде нормально. Я никогда не смела считать себя некрасивой, веря в то, что любые самобичевания приведут к неминуемому разрушению психики, но и неотразимой себя назвать также не могла. Мужчины никогда не оборачивались мне вслед, а это, по идее, является критерием неземной красоты у многих женщин, но я, если честно, не особо замечала, чтобы мужчины вообще кому-то оборачивались вслед. По-моему, у них и своих забот было много, со всеми этими войнами и государственными переворотами, что любовные отношения отходили на второй план. Или вообще не третий. Действительно, любовь можно было считать несколько переоцененной вещью и, если бы не активная пропаганда со стороны общественности, то давно можно было освободить место в голове для более полезных вещей. Конечно, если люди находятся рядом друг с другом, они сыты и вполне образованы, и в этот самый момент они говорят о любви, то это вполне нормально. Ненормально, по моему мнению, было думать о любви постоянно, без оглядки. Ведь если совсем не оглядываться, то теряешь концентрацию на жизни. И тут-то тебе и прилетает кинжал в спину, как доказательство. Это было системно, хотя немногим людям понравится такая логика. Особенно поэтам.

Я достала из глубин походной сумки свой гребень из кости какого-то не совсем удачливого животного⁵. Волосы из-за путешествия к замку немного спутались, и всю следующую половину часа я старательно их расчесывала. Никто за это время не пришел, не поинтересовался, как тут мне, не вызвался сопроводить меня в экскурсии по замку. Из-за подобного отношения и неизвестности, что делать дальше, я сосредоточилась на приведении себя в порядок. Закончив с волосами, я достала маленькую косметичку и нанесла пару финальных штрихов. Особо стараться я не стала, потому что меня до сих пор слегка возмущало то пренебрежение... хотя нет, это слово уже смахивает на мини-истеричку, поэтому я быстро одернула себя... ту *забывчивость*, что проявили в отношении моей скромной персоны.

⁵ Никогда не интересовалась, из какого, чтобы при встрече с ним не начинать стыдливо прятать глаза.

Что ж, тогда я также не считаю себя обязанной вести себя в соответствии с королевским этикетом. По правилам будущий муж должен был встретить меня на подходе к замку, помочь мне слезть с лошади и за руку провести до моей временной опочивальни, которая должна быть не в меру богаче того каменного ящика, куда меня заселили. На следующий день рано утром я должна была, как штык, стоять рядом с ним, улыбаться, вся такая красивая и в шуршащем платье с множеством рюшечек, которое, конечно же, должен был подарить мне мой жених.

Я вздохнула и слегка улыбнулась. Вот она, неблагодарность человеческой природы во всей красе. Только я с ужасом думала, как мне придется после долгой дороги ходить по огромным скучным залам, где холод буквально проникает сквозь кости, улыбаться, словно идиотке, приветливо и добродушно встречать людей, которых я вижу первый раз в жизни... как я посплю всего пару часов, а утром, в то время, когда солнце еще не встало, а птицы еще спали у себя в гнездах, я бы с трудом втиснула свое ноющее протестующее тело в тесное платье, которое мне было явно не к лицу и не по текущей моде, потому что его носила его мама, а до этого его бабушка, а еще до этого... ух...

Я мысленно перевела дух, взвесила все текущие обстоятельства и решила, что все не так уж и плохо. По крайней мере, начинается не так плохо, потому что ее будущий муж был явно не из тех людей, которые будут вставать посреди ночи ради какой-то приехавшей издалека принцессы. Даже ради будущей его жены. Какой в этом толк? Лучше уж поспать до полудня (тут я заметила, что солнце висело довольно высоко), а затем, благородно зевая, пойти завтракать. Благо к этому времени все энергичные люди уже встали и подготовили день для такого благородного человека, как он. Если мой будущий муж ненавидел всех энергичных людей так же, как и я, то наша корзинка общих интересов и взглядов начинает постепенно заполняться.

С этими мыслями я оделась в то, что обычно носили молодые мужчины-аристократы у меня дома. Такую одежду явно нельзя было назвать женственной, но она была практичной, удобной, сшита из крайне дорогих материалов и позволяла быстро и уверенно проходить мимо людей, пока они строили догадки, кто ты такая.

Еще раз оглядев себя в зеркале, я подошла к двери, которая отделяла определенную меня от страшных неопределенностей внешнего мира. И повернула ручку, выходя в просторный прохладный коридор.

5

Среди мрачных переходов и залов замка меня никто не окликал, когда я быстрым и уверенным шагом рассекала пространство. В принципе, я так и предполагала – похоже, что внутренняя охрана замка была сосредоточена преимущественно на важных объектах или людях. Что еще ожидать от маленького королевства?

Так я бесцельно бродила буквально 15 минут, пока меня не остановил маленький сухопарый человечек в серьезных очках и с надменным видом. Видимо, я все же зашла, куда не надо, на что я, в принципе, и рассчитывала.

– Госпожа, а вы куда, собственно, собрались? – он оценивающе посмотрел на меня из-за толстых стекол своих очков.

Я смерила его презрительно-уничтожающим взглядом. По крайней мере, постаралась.

– Я Эвелинн Вейн, пятая принцесса из королевства Варран, будущая супруга его величества принца Коррина.

Хорошо, что я в последний момент вспомнила имя моего нареченного, а то вышло бы как-то неудобно...

Мужчина не моргнул и глазом, хотя тон его голоса слегка изменился.

– Принцесса? Из Варрана? А почему, позвольте спросить, вы держите свой путь в королевскую сокровищницу?

– А где тут написано про сокровищницу? – просто спросила я. – Какой-нибудь указатель? Стража в золотых мундирах на подходе?

Мужчина сморщился, как будто я кольнула его в больное место.

– Вопросы бюджетирования... – он скривился. – В общем, давайте я вас проведу в кабинет принца, потому что, как я понимаю, вы еще не совсем освоились в нашем замке.

– За целый час без проводника я еще неплохо справляюсь, – саркастически отметила я, следуя за ним. – А куда делись все слуги? Почему в замке так малоллюдно?

– Спросите это у военного министра, миледи, – грустно ответил он. – Войны поглотили все вплоть до шелковых занавесок в гостевых комнатах. Ковры, драгоценный сервиз, хорошо обученные люди – все пошло на нужды войны.

Похоже, войны здесь были обыденной вещью, раз никто не скрывал основной статьи расходов государства. В Варране, по крайней мере, *притворялись*, что социальная политика еще интересна правителям.

– И как идет война? Успешно? – поинтересовалась я.

Он не ответил, но его характерно брезгливое пожимание плечами говорило само за себя.

Промолчав всю дорогу, мы наконец подошли к массивной деревянной двери с причудливой резьбой, которая должна была изображать солнце, если была бы сделана более искусно. Сбоку рисунок вообще походил на тарелку с макаронами. Не знаю, как у художника так получилось, но рисунок реально как будто переходил из измерения в измерение без всякого зазрения совести. Выглядело это несколько жутко.

Мужчина прокашлялся, отворил дверь и протянул руку в, как ему казалось, изящном жесте.

– Прошу, – сказал он, пропуская меня вперед.

Я шагнула вовнутрь, и на мгновение ослепла от яркого света, который струился сквозь высокие окна в дальнем конце комнаты. После полумрака коридоров я как будто вышла на улицу.

Окна были распахнуты настежь, и легкий ветерок мягко шевелил страницы книг, которые были разбросаны буквально по всей комнате. Сама комната была явно богаче всех остальных виденных мною залов, что сразу бросилось мне в глаза. Я как будто шагнула из дома простолюдина в дом нормального человека.

Потолок был высоким и расписан красочной мозаикой, изображающей яркое солнце, которое пронизывало своими лучами окружающую его тьму. В тех местах, где желтые лучи уже рассеяли мрак, проступали очертания злобных монстров, как будто сопротивляющихся наступлению рассвета. Дальше, где черные тона еще преобладали над светлыми, виднелись призраки, находившиеся в движении – они перемещались по кругу, словно стараясь найти в светиле слабое место, чтобы совершить мгновенную контратаку. Но некоторые призраки по краям мозаики уже уплывали прочь, понимая, что поражение неминуемо.

Я засмотрелась на роспись чуть дальше обыкновенного – настолько она была прекрасна. Судя по выцветшим краскам, изображение относилось к тому времени, когда Лавандия ставила перед собой хоть какие-то цели, имела хоть какие-то ценности, отличные от стяжательства и бесконечных войн. Изображенная аллюзия была одновременно проста и понятна, но в то же время несла в себе глубокий смысл, какие могут нести в себе только простые вещи.

Я так увлеклась и ушла в свои мысли, что не сразу услышала легкое покашливание неподалеку от себя. Поэтому покашливание стало чуть громче, как будто намекая на что-то.

Я очнулась от размышлений и только теперь заметила пожилого мужчину, сидевшего за массивным письменным столом из красного дерева. Он слегка улыбался, смотря на меня, а перед ним лежала раскрытая книга.

– А...я... извините, я вас не заметила сразу, – я смущенно улыбнулась.

– Ничего страшного, ничего страшного, – он бодро вскочил с места и сбросил наваленные на другой стул книги. – Прошу вас, садитесь. Извините уж за беспорядок, но я не ожидал, что сегодня у меня будут гости, особенно такие благородные. Садитесь, сейчас я поставлю чайник.

С этими словами он направился к маленькому столику, наполовину скрытому от взоров высокими шкафами, чьи стеллажи доходили практически до потолка. Там, он, видимо, разжег огонь на портативном нагревателе (недавнее изобретение) и поставил чайник. Лишь в последний момент я осознала, что он сделал все сам, без помощи слуг. Конечно, поставить чайник было несложно, дело не в этом, просто... так было не принято. Он чем-то неуловимо напомнил меня – я тоже не любила дожидаться кого-то и мелкими хлопотами распорядилась сама. Но если он не затворник, а экономика государства настолько просела и... он что, еще одежду сам себе стирает?!

Видимо, заметив мое выражение лица, он понимающе улыбнулся.

– Вы, наверное, думаете, почему представитель королевской семьи не прибегает к помощи слуг? Не хотите угадать? – и он посмотрел на меня с тем выражением лица, которое возникает лишь у старых людей, которые не смогли вытравить из себя ребенка.

– Мне кажется, что это рациональное действие, ведь ждать прислугу можно гораздо дольше, чем поставить чайник самому. С другой стороны... в некоторых королевствах к принцам и принцессам приставляют личную прислугу, которая всегда находится рядом. Поэтому ответ лежит где-то посередине. Так мне кажется.

Старик захолопал в ладоши, на его лице застыла игривая улыбка.

– Замечательно! Все так, как мне про вас рассказывали!

И он с чувством громадного удовлетворения водрузился обратно на свое кресло.

Рассказывают? Я еще раз взглянула на него, и мурашки мгновенно разбежались по всему телу. По спине пробежал неприятный холодок, а сердце забилося учащенно. Я слегка подалась вперед.

– Так вы... – от невысказанных слов у меня сперло дыхание.

Он, как настоящий актер, выдержал драматическую паузу.

– Именно! – с широкой улыбкой воскликнул он. – Третий принц в королевской семье, принц Коррин собственной персоной!

Через несколько секунд молчания, которое для меня длилось целую вечность, он вдруг сделался предельно серьезным и добавил:

– Ваш будущий муж, дорогая.

6

Я в хаотичном порядке начала взвешивать все обстоятельства, что вдруг обрушились на меня.

Во-первых, по всем правилам очень редко принцессу выдавали замуж за мужчину, разница в возрасте с которым была колоссальной, то есть больше десяти лет. Это было ненормально и в плане психологии, и в плане будущего потомства. Идеальным вариантом считались сверстники.

Во-вторых, кто-то ей точно говорил, что принц Коррин молод, горяч и довольно хорош собой⁶.

В-третьих, зная родителей, они точно не стали отдавать меня замуж за такого книжного червя. Они хотели бы, чтобы я избавилась от своих дурных привычек, перестала бы умничать,

⁶ Хотя последнее я могла спокойно додумать сама, уж очень жаркое было у меня воображение.

а также... хотя как раз из-за того, что я много умничала, они вполне могли меня наказать, с них станется.

И вот тут-то у меня и началась легкая паника.

Мужчина напротив спокойно любовался моей оцепеневшей персоной, а по его лицу блуждала гаденькая улыбка. Точно извращенец!

И тут раздался спасительный свист чайника, от которого мы оба слегка вздрогнули. Он побежал тушить огонь, а я все пыталась собраться с мыслями. Безуспешно.

На стол передо мной легла огромная чашка с крикливым детским рисунком. Такие обычно продавались на ярмарках, а главным их достоинством были относительная дешевизна и непомерная вместимость. Это еще раз подтверждало небывалую практичность стоявшего передо мной в этот момент и разливавшего чай человека. А также его абсолютное наплева-тельное отношение к обычаям королевской жизни.

Мои глаза сощурились, что всегда происходит, когда я начинаю кого-то подозревать в чем-то, что мне может не понравиться.

Принц этого не заметил, по его лицу все еще блуждало самодовольное выражение. Казалось, что он искренне наслаждается сложившейся ситуацией.

– Ну что, дорогая, вам с сахаром или без?

И тут меня осенило.

– Вы не принц, – резко сказала я, решив идти напролом.

Он на мгновение как будто оступился, но затем выражение его лица сделалось гладким и спокойным. Он аккуратно поставил чайник на стол между нами, положив под него какую-то ненужную бумажку. Потом он аккуратно отодвинул свою чашку в сторону, сложил руки на груди, сурово взглянул на меня и... громко рассмеялся.

Почему-то самым неприятным мне показался не сам смех, а то, как он вульгарно запрокинул голову. Смеялся он явно от души, но я была слегка уязвлена его показным поведением. Поэтому я степенно отпила чаю и, как мне казалось, крайне сурово посмотрела на него. Его это почему-то позабавило еще больше – посмотрев на меня, он почти сложился пополам от смеха, а одной рукой постучал по столу.

Это смотрелось крайне неприлично.

Утирая глаза от выступивших слез одной рукой, другую он поднял в извиняющемся жесте.

– Прошу прощения, но вы очень мило выглядите, когда сердитесь, – после этих слов он резко выдохнул, встряхнулся, подавил все еще рвущийся из его груди смешок и взглянул на меня со всей серьезностью, которую только смог собрать.

– Вы молодцы, – после некоторой паузы сказал он. – И крайне умны, хочу заметить. Одной меткой фразой разрушили всю игру. И хоть вы ошиблись, но мне кажется, что вы сделали это намеренно, я прав?

Я слегка кивнула. Не совсем намеренно, но, по крайней мере, я взвешивала у себя в голове всего два варианта. Сейчас он открыл, какой из них был верным.

– Да, я выразилась определенно и резко ради того, чтобы перестать ходить вокруг да около. Конечно, вы являетесь принцем, хоть и потерявшим последние остатки благородства. Но именно это... именно то, что вам все равно на приличия, которые соблюдают в светском обществе, именно то, как вы легко и без агрессии обходите правила, установленные людьми, стремящимися ограничить вас, сделать вас более понятным... все это выдает в вас особу королевской крови.

– А вы, однако, психолог, – отметил он, поднимая брови в знак восхищения.

– Скорее системный человек, – сказала я, но почувствовала, что слегка краснею. Не так много людей, которые понимали, о чем я говорю.

Я одернула себя.

– Но вы также вряд ли являетесь принцем Коррином. Почему – я не могу объяснить, но чувствую, что это так.

Он тяжело вздохнул, опрокинув свое тело на спинку объемного кресла. Одной рукой он подпер свой подбородок в задумчивом жесте, а другой взял свою кружку дымящегося чая.

– Было, конечно, весело, но затягивать тоже смысла не вижу, – он отпил из своей кружки. – Да, я не Коррин, хоть он является моим братом. Я принц Даг, первый и старший принц в текущем поколении. Прямой наследник престола, хоть и отрекшийся от него в виду отсутствия интереса к власти.

В моей голове мгновенно зароилось множество вопросов, но все их я отмела, не желая показаться несдержанной девчонкой. Поэтому я промолчала, ожидая продолжения.

И принц продолжил, хотя он явно этого не хотел.

– Вы можете спросить, а где мой брат? Почему он не встречается свою избранницу? Почему ее разыгрывает какой-то старый дурак? – при последних словах он усмехнулся, но в его глазах читалась боль. – Мой брат слышал, что вы отправились в путь, и по плану выехал из своего военного лагеря, чтобы вас встретить. Два дня вы добирались до нас, и два дня понадобилось ему, чтобы приехать домой. Идеальный расчет, но как оно часто бывает...

Меня охватило нехорошее предчувствие. Я открыла было рот, но тут он продолжил, качая головой.

– Принц Коррин погиб в пути, Эвелинн. Зверски убит неизвестной группой, которая как будто знала, когда и куда он поедет. Это произошло за десять часов до того, как вы приехали. Десять часов отделяли его от дома. Но он не приехал. И не смог вас встретить и пригласить в свой собственный дом.

7

Эмоции на миг захлестнули меня, но я быстро начала раскладывать их по полочкам.

Конечно, я не знала его, ни разу не видела, но почему-то было очень обидно, что моего будущего мужа зверски убили буквально на подступах к его, а если бы он приехал – к нашему дому.

Но меня больше задевало другое. Это было крайне эгоистичным чувством, но именно это возмущало меня больше всего в этой истории – то, что я была причастна к ней.

Ведь он почему-то запланировал свое путешествие домой одновременно с моим отъездом. Идеальный расчет, с одной стороны, но такие расчеты не предполагаются в любовных делах, когда ему нужно было приехать домой, отдохнуть, выспаться, подобрать наряд, накрыть стол... столько хлопот, а он вместо этого буквально в спешке решил уехать из военного лагеря. Из военного лагеря... военного...

Тут также ничего не сходится, ведь война также не предполагает спешки. Кому кажется обратное – просто находится в самом пекле событий. А все остальные военные, особенно командующий состав, просто *обожают* рассуждать. Поэтому мужчины и любят войны и не допускают туда женщин, потому что последних частенько бесит пустая болтовня. И они тоже по-своему неправы, ведь то, что сперва кажется пустой болтовней, на деле оказывается подготовкой, настроем перед решительными действиями.

Я очнулась от своих размышлений и посмотрела на своего собеседника, который, казалось, грустно уставился в пространство. Со стороны совершенно нельзя было заметить, что он притворяется, но он был прекрасным актером и вдобавок первым принцем. Чем ближе к политике – тем больше уклонений от правды во имя скрытых целей. Такая мысль никогда меня не подводила.

– Послушайте, – робко прошептала я, а он вздрогнул, словно я отвлекла его от мрачных дум. – Но ведь дороги между крупными городами хорошо охраняются...

Он кивнул.

– Это так, но мне доложили, что его разведчики обнаружили опасность на главной дороге впереди. Поэтому он решил проехать другим путем.

– А в чем заключалась эта опасность? – спросила я, широко раскрыв глаза.

– Не знаю, – он пожал плечами. – Наверное, разбойники перевернули телеги и устроили импровизированную засаду.

Я зачарованно кивнула, как будто оцепенев от подобных новостей.

Но сама судорожно думала. Ну что за бред! С какой стати разбойникам разбивать лагерь посреди дороги, блокируя путь, если к ним в любой момент может выдвинуться... да, со стороны все сходится. Блокируем один путь, вынуждаем идти к следующему. Но принцы далеко не дураки, дураков обычно быстро убивают. Если разбойники решили расположиться прямо посреди дороги, то можно просто подождать, пока их не обнаружит патруль, затем к ним прыскают элитная стража... если только принцу реально не нужно было очень быстро вернуться домой. Или то был момент, когда он не мог мыслить рационально... как же сложно думать за другого человека, не зная о нем ничего!

Мое лицо оставалось очаровательно безмозглым. В совершенности я данным стилем еще не овладела, но для многих мужчин его хватало, потому что они думали, что женщины ничего не понимают в войнах. К счастью, мне ничего и не надо было в них понимать, я просто применяла системную логику и к этому случаю. Но сидящий напротив меня человек не должен был понять, о чем я думаю, не должен был почувствовать во мне угрозу. Я была женщиной и пользовалась этим, ведь женщин не трогают. Не убивают.

А я очень хотела жить.

Он, видимо, принял мое задумчивое состояние за шок.

– Мне очень жаль, принцесса.

Я взяла в руки еще не остывший чай и потупила взор. Надеюсь, что выглядела я, как будто мне тоже жаль.

Мы помолчали несколько минут, а затем он сказал:

– Я немедленно пошлю депешу вашим родителям с этой новостью. Так как вы не замужем, то отвечают за вас они, а охранять вас должны мы. Пусть они решат, что делать дальше, а пока погостите у нас – война истощила практически все ресурсы нашего королевства, но, надеюсь, вы согласитесь побыть в моем скромном обществе еще немного.

Я медленно кивнула, соглашаясь.

– В вашем обществе? Я не буду вам мешать?

Его лицо снова сделалось веселым, как будто щелкнули невидимым переключателем.

– Это было просто предложение, моя дорогая. Если хотите, то можете посетить город, я выделю для прогулки пару стражников, но, – тут он окинул рукой окружающее нас пространство. – Я слышал, что вы любите читать, так ведь? Моя скромная библиотека полностью в вашем распоряжении, а если вы не против невинной болтовни, то с радостью составлю вам компанию, ведь мне давно не попадались люди с подобным размером...

Он озорливо окинул меня взглядом.

– Интеллекта, – окончил он.

Я почувствовала, что опять краснею. В этот момент он встал и галантно подал мне руку.

– Соизволите ли вы сопроводить меня в наш трапезный зал? Насколько я знаю, экономисты еще не уволили поваров, а в период рассвета государства именно наша кухня славилась своими произведениями кулинарного искусства.

Я приняла его руку и вспоминала про мальчика-поваренка, который сопровождал меня в путешествии. Наверное, он уже устроился стажером на кухню.

Мы вышли в прохладный коридор и спустились на второй этаж – в просторный и богато обставленный трапезный зал. Кроме нас там более никого не было, но принц отдал распоря-

жение подбежавшему слуге и буквально через несколько минут стол начал заполняться различными яствами.

Все последующие дни до получения ответной депеши от родителей я проводила либо в кабинете первого принца, общаясь с ним на различные темы, либо в саду одна, либо в трапезной, заказывая у поваров только то, что мне нравилось.

Так довольно быстро и интересно прошла неделя. Я забыла обо всех опасениях и целиком погрузилась в разговоры с первым принцем, который, казалось, искренне наслаждался моим обществом. Это мне льстило, но было и крайне полезно – принц был прирожденным экономистом и по моей просьбе посвятил меня в азы бухгалтерского королевского учета, аудита, составления бюджета, смет, аналитических отчетов, да так, что к концу своего импровизированного обучения я могла свободно читать на финансовом языке, хоть и поверхностно. Если времени было бы больше, то я бы с радостью училась бы дальше, благо принц был очень талантлив во всем, что касается объяснений, но на восьмой день моего пребывания в иностранном замке к нам в кабинет вбежал запыхавшийся гонец.

У него в руках была помятая официальная депеша, скрепленная красной печатью. Он приблизился, и я узнала на печати отпечаток перстня моего отца.

8

И так начались мои многочисленные странствия по союзным королевствам. Так как мой отец в основном придерживался нейтралитета на мировой арене военных событий, то союзных государств было много, если не все. Это не означало, что мы не принимали участия в войне, – вовсе наоборот – принимали, да еще самое активное.

Но это был невидимый фронт, участники которого оставались неизвестны до конца их жизни, а если кто-то из них и прославлялся, то смерть для них наступала раньше срока. Ибо то были шпионы, агенты, сотканые из теней и секретов. Точное их количество не знал никто, а их сеть славилась своей обширностью и скрытностью.

По крайней мере, так было на словах. На деле мне часто казалось, что текущая система постоянно барахлила, выходила из строя, а ее элементы частенько перетекали в другие сферы – туда, где больше платят или где безопаснее. Но всем так нравилось в это играть, что моей стране никогда не объявляли войны. Прежде всего это происходило потому, что для исполнения сего военного плана требовались значительные ресурсы, то есть военный союз хотя бы трех крупных королевств. Но из-за удобного географического расположения моему королевству было бы не так трудно выдержать месячную осаду, а в это время на королевства, объявившие нам войну, напали бы их собственные кровожадные соседи, пока основное войско находилось бы минимум в неделе пути от дома. Да, наше географическое положение подкреплялось тем, что окружали нас, в основном, мелкие государства, которые с какой-то стороны можно было бы назвать вассальными. Их экономика зависела от их единственного крупного покупателя (то есть нас), границы были открытыми, а пограничные пошлины сведены практически до нуля. При таких обстоятельствах в некоторых моментах своей политики им приходилось прислушиваться к своему крупному и великодушному соседу, что постепенно вылилось в тотальный контроль над этими государствами через шпионскую сеть и серию династических браков. На троне этих мелких стран уже давно восседали разнообразные родственники моего отца.

Но мне казалось, хоть я и не высказывала никогда эту мысль вслух, что эту идиллию можно было бы легко разрушить, если сосредоточить многочисленные и хорошо обученные военные силы в одном королевстве, а затем планомерно и системно произвести захват ближайших к себе стран. И расширяться, расширяться, насаждая в захваченных государствах недвусмысленную идеологию, которая одновременно подразумевала бы повиновение, но в то же время не стесняла бы жизнь резидентов, не побуждала бы их к мелким восстаниям. Такую

постоянно растущую махину было бы крайне тяжело удержать в административном плане, но мне казалось, что это было практически единственным выходом из текущей ситуации – тотальной раздробленности и постоянных мелких войн, из-за которых внутренняя политика и экономика государств оставались заброшенными. Войны – это все же очень дорогое удовольствие.

Когда я прощалась с принцем Дастом, то была слегка в смятении. Расставание наше происходило тепло, за проведенную неделю вместе мы сумели подружиться. Я, конечно, знала, что эта дружба распадется, как карточный домик, стоит мне отъехать на пару миль от его королевства, но все же это был мой первый хороший знакомый, с которым можно было легко и беззаботно вести беседу на практически любую тему. Но как бы ни были прочны наши новообретенные дружеские связи, я никак не могла добиться от него внятного ответа, почему мне необходимо уехать в другое королевство, а не обратно к себе домой. Может быть, он и правда не знал, но я понимала, что человек с таким незаурядным интеллектом может хотя бы *догадываться*. Но он лишь виновато разводил руками и лукаво смотрел на меня, припоминая мое выражение лица, когда я читала приложение к основному письму отца.

Приложение было написано на отдельной простой бумаге, и в нем крайне недвусмысленно выражалась просьба к принцу Дасту ни в коем случае не показывать содержание основного письма. Даже если она будет кричать и топтать ножкой, так было написано. И мы ее на самом деле плохо воспитали, наша вина, это тоже было написано. И надемся, что она не доставила много хлопот, вот прямо так, слово в слово. И еще много чего было, что я сознательно здесь опущу.

Принц рассказывал, что сначала мое лицо слегка зарделось, что было довольно мило, а затем сразу перешло в состояние раскаленно-красного. Возмущению моему не было предела, и принц, как будто издеваясь, действительно не дал мне в руки основное письмо, хоть и сказал потом, что ничего интересного там не было, просто краткая просьба сопроводить меня в другое королевство. А приложение к письму было сделано ради смеха, принц тогда еще сказал, что мой отец во времена своей молодости и не такие шутки проделывал с окружающими его людьми.

Весь следующий день прошел в хлопотах и сборах и лишь затем, на пути в другое королевство, я задумалась, насколько же легко меня одурачили. Наверное, основную роль тут сыграло обаяние принца и моя глупая расслабленность, ведь оказавшись в дороге, на свежем воздухе, я тут же поняла, что что-то тут не так.

Во-первых, что бы ни говорил принц, но мой отец, когда речь заходила о делах, становился крайне серьезным и немногословным. Он никогда не шутил, был постоянно сосредоточен. Без этих качеств он попросту не смог бы удержать в рабочем состоянии всю свою шпионскую сеть.

Во-вторых, кто-то доложил отцу, что мой жених умер. Прошла целая неделя с момента гибели, это правда... в общем, все было несколько подозрительно, но из-за нехватки фактов выводы все равно получались двоякими. Приложение к письму могло служить для моего отвлечения, но смысл основного письма, которое мне так и не удалось прочитать, можно было исказить и в свою пользу.

А какая польза от меня?

Я тяжело вздохнула. Оставалось верить, что женщины мужчинам нужны лишь для детей и утешения и что использовать их в политических играх будут лишь дураки. Потому что я ровным счетом ничегошеньки не знала о шпионской сети моего отца, о том, чем вообще он занимается. Что я вообще знала? Внутреннее расположение комнат замка? Имена некоторых слуг? Невесть какая полезная информация, однако. Использовать меня в заложниках? Исключено. Мой отец, как и любой здравомыслящий государь, тут же оденется во все черное и объявит месячный траур по всему королевству по своей любимой, но уже мертвой для него дочке. И это было правильно – что такое жизнь целого государства перед жизнью одного человека?

Оставалось надеяться, что принц Даст и мой отец действительно знали друг друга и что теперь-то я, наконец, выйду замуж. На самом деле мне уже не терпелось – я даже была готова подойти к обелиску с мужчиной в таком же возрасте и расцвете сил, как и принц Даст. Подумаешь, тридцать пять лет разницы. Ну и ладно. Главное, оставить уже это подвешенное состояние, перестать болтаться на мясницком крюке, как освежеванная дичь, которую забыли зажарить и подать к столу. Раз и готово. А потом можно будет заняться своими делами, когда муж уйдет на войну. А если случится что-то не совсем благоприятное, ведь мало ли что бывает на войнах, то черное мне было всегда к лицу. Печальное выражение лица? Да легко на самом деле.

Да, похоже, что к своему совершеннолетию я стала откровенной эгоисткой.

Но моим планам не суждено было сбыться – мясника, видимо, уволили, а ключ от кладовой он в отместку забрал с собой. И так на холоде, оставаясь вечно юной, молодой и нетронутой жарким огнем и острой вилкой, я так и пребывала в подвешенном состоянии, болтаясь на крюке и отчаянно посматривая по сторонам. Казалось, что мир надо мной буквально издевается. Громко смеется мне прямо в лицо. А я все никак не могла понять соль шуток.

Все следующие полтора года, вплоть до моего восемнадцатилетия и благополучного возвращения домой, я разъезжала по различным королевствам, виделась с разными людьми из королевских семей и... давала советы. Рассказывала, как, по моему мнению, будет правильно устроить некоторые моменты внутренней политики, как разрешить конфликт с соседствующим королевством, как навести порядок в финансовых делах и так далее. Я была буквально ошеломлена. Меня приглашали как *консультанта*, но все беседы проходили в неформальной обстановке, на меня не вешали никакой ответственности, обходились со мной крайне вежливо, по-дружески, а некоторые даже галантно, как будто принимая во внимание, что перед ними все же сидела женщина. И никто не говорил, что я была неправа, не пытался нарочно опровергнуть мою точку зрения, чтобы доказать свое превосходство. Нельзя сказать, что мои идеи сразу же претворяли в жизнь, благо и я из-за свойственной мне природной робости не сразу говорила определенно, а лишь старалась выбрать верное направление для работы... но они как будто и не пытались отчаянно найти для себя единственно верное решение, а словно пытались расширить свой кругозор и мировоззрение через общение с образованным человеком. Может быть, я так думала из-за того, что непосредственно мой кругозор существенно расширялся – ведь для того, чтобы вести диалог предметно и конструктивно, мне необходимо было понять, о чем мы вообще говорим, поэтому я спрашивала, интересовалась, проявляла любопытство буквально во всем. И моим собеседникам это явно нравилось – они активно рассказывали, объясняли, как будто прорывали плотину своего накопившегося опыта. Видимо, им и правда не хватало внимательных слушателей, тех, кому можно рассказать буквально все, кому будет интересно. Этот мир был действительно полон профессионалами, которые отлично разбирались в каком-то своем отдельном участке, но совершенно не интересовались всем остальным. Передо мной же были руководители, администраторы этого мира, многогранные и образованные самой жизнью, те, кто дошли до верхушки власти с помощью острого ума и находчивости. Остальные же покорно занимались своими делами, принося пользу государству, или были попросту мертвы. Другого варианта для мужчины королевского рода жизнь не предполагала.

Я чувствовала, что я была удобна. Я не рвалась к власти, потому что это не имело смысла, ведь я была женщиной. Женщины не могли править. Их бы не принял народ. Меня не надо было подозревать. Не надо было ломать мою волю, подчинять меня себе, ведь я также не пыталась этого сделать. Я очутилась в чудесном мире внесистемности, где ты никому ничего не должен, и ты можешь делать что-то ради удовольствия, не испытывая подспудных мыслей к своему собеседнику.

Но в то же время меня никак не оставляла в покое мысль, зачем я все это делаю. Кто я сейчас такая? Какое мое место в этом мире? Ведь по всем законам я должна была давно выйти

замуж и... что-то делать, что делают обычно жены. Конечно, я спрашивала об этом. И некоторые мне отвечали, настолько прямо и откровенно, как будто у них заранее был записан ответ. Они выглядели как отличники, которые могут все и без шпаргалки. Они знали все наизусть, пусть и в определенных рамках.

И они ответили мне, что мой отец, ясно видя мои умственные дарования, решил провести эксперимент. В его рамках я должна была путешествовать по союзным королевствам, собирать информацию, давать советы и сама активно учиться всему новому. Ведь я была уникальной, поясняли они, ничуть не смущаясь, ведь я была женщиной. Мало кто мог использовать меня в своих целях, ведь если я вернусь домой, то отец специально не будет рассказывать ничего о своих делах. Если я захочу совершить государственный переворот, то сама никогда не смогу взойти на трон. А если я решу протолкнуть какого-то мужчину, то... маловероятно. Слишком сложно.

Поэтому тут возникал довольно безопасный симбиоз – я ничего не знала о делах своего отца, а то, что я узнавала от правителей других королевств, можно было бы использовать в войне против них, если бы королевства находились не так удаленно и если бы мой отец вел хоть какие-то войны. Но все знали, что традиционно мое королевство занималось лишь одним – продажей информации. И сейчас я была одним из экспериментов по продаже этой информации в качестве консультанта, ведь времена постепенно менялись, войн становилось все меньше, люди уставали и хотели жизни попроще. Вот тут-то и надо было спокойно порассуждать на тему экономики, политики и внутреннего благоустройства.

С одной стороны, все было вполне логично, но сама череда событий выбивалась из привычной. Логика вообще малоприменима к жизни, где царит хаос и все еще существует такая вещь, как любовь. Так и здесь – события наслаивались одно на другое, что нельзя было рассмотреть общую картину. Я чувствовала, как постепенно теряю системность, почву под ногами, чувствуя взамен некую эйфорию и эмоциональную обостренность. Но это было неправильно, а из-за мешанины чувств я никак не могла нащупать то, от чего меня старательно отводили. От какой-то явно неприглядной правды.

А также меня почему-то очень смущало то, что я еще не была замужем. С одной стороны, мне бы радоваться и прыгать от счастья, что вся эта затея отодвинулась да еще и под благовидным предлогом! Но эта задержка изрядно действовала мне на нервы, потому что она не разрешала того подвешенного состояния, в котором я находилась. И как бы я ни старалась расслабиться, этого никак не выходило.

Помню, как после одной бессонной ночи, когда я накручивала у себя в голове всякие непристойные сюжеты, правитель, разговаривавший со мной и заметивший мое беспокойное состояние, мягко спросил меня, не хочу ли я любовных ласк. Хоть я и пребывала у него в замке больше трех месяцев, хоть мы и стали друзьями за это время, но я сильно вздрогнула и посмотрела на него волком. То есть я нормально на него смотрела, просто потом он признался, что мой взгляд жадно вгрызался в него, словно он был нежным и крайне вкусным куском мяса.

Я тогда еще сдуру спросила: «С тобой, что ли?». На что он вообще засуетился, весь покраснел и замахал руками, словно ветряная мельница. «Нет-нет, у меня уже есть избранница, не надо!» Он буквально прокричал эту фразу. Потом он слегка успокоился и начал нервно объяснять, что, как он слышал, что он вообще не очень в этом разбирается, но все же, вроде как, да, точно, в общем, женщинам же очень нужен секс, без него они чахнут... разве нет? И когда я спросила его, не касается ли та же самая теория и мужчин, и хотела уже было перейти к мысли об индивидуальном развитии каждого человека, то он оборвал меня на полуслове и сказал, что если что, то он может помочь. Могу найти людей, говорит он, и тут я почувствовала себя неким божком, которому несут бедных мужчин на заклятие, и рассмеялась. Обстановка разрядилась, а он извинился за свою бестактность и напоследок покровительственно произнес,

что все это пустое, что такому человеку, как я, нужны чувства и любовь, без этого ничего не получится.

Я слегка нахмурилась из-за последней фразы, потому что при чем тут чувства и любовь, если есть рабочие моменты и правители должны больше думать о судьбе своего государства, чем о каких-то чувствах, но промолчала, опасаясь, что с такими мыслями мы уйдем куда-то не туда.

Но меня явно неправильно понимали – я хотела выйти замуж, чтобы избавиться от подвешенного чувства, чтобы войти уже в эту систему и перестать беспокоиться. Но мир надо мной словно издевался, и пока все остальные девушки выходили замуж не по любви, а потому что так было надо, меня упорно избегали в этом вопросе, как будто боялись. Одну кошмарную ночь я проворочалась в постели, наслаивая мысль за мыслью, что я крайне непривлекательная и странная, что даже за все богатства мира меня никто не возьмет замуж, но на следующее же утро встала и разом выбила такие мысли из головы навсегда. Они явно не приносили мне пользы, не двигали меня вперед, поэтому я продолжила, как ни в чем ни бывало, разъезжать по соседним королевствам, получая огромное удовольствие от общения с умными людьми.

Я даже слегка расслабилась, подумала, что вот оно, мое предназначение, что так и должно быть. Я уже думала наперед – если отец не находит мне мужа, то он об этом и не беспокоится, значит, я тоже могу не беспокоиться. На общественное осуждение я не обращала особого внимания, благо это общество меня редко замечало, а деликатные вопросы можно будет решить с помощью любовника. Если захочется. Что делать с детьми, пока непонятно, но мир стремительно движется вперед, а уж там...

И тут жизнь поняла, что пора вмешаться. Слишком хорошо ты живешь, подумала она. Слишком расслабилась, однако.

И одним прекрасным днем я вернулась домой, в свое королевство. И там я заметила первые признаки для беспокойства – для этого достаточно было взглянуть на лица моих родителей. Более холодных выражений лиц я не видела никогда. Сухим голосом отец и мать, неожиданно объединившись в едином порыве и как будто говорившие в унисон, стали едко спрашивать у меня, хорошо ли я провела время. Интересовались, как чувствует себя человек, который обесчестил своих родителей.

Сначала я ничего не понимала, но через некоторое время на меня словно вылили ушат с холодной водой. Думаю, что тогда я могла только сидеть с раскрытым ртом от изумления и говорить всякие бессвязные вещи.

Оказалось, что никакого эксперимента не было, и что родители отправили меня в другое королевство, чтобы я вышла замуж за принца, с которым разговаривала на протяжении нескольких месяцев. Чтобы очаровала его, проявила свою женственную натуру и стала верной женой. Потом они узнали, что через несколько месяцев ничего не вышло, а принц был так благороден, что отправил меня в другое королевство. И так я путешествовала, не сознавая, что это и было мое свадебное путешествие. А про эксперимент принцы говорили, чтобы не уязвить мое достоинство, они старались вести себя крайне галантно, не выдавая тот факт, что я им не нравилась как женщина. Они дружили со мной, чтобы я не расстроилась.

Обвинения лились рекой и словно проникали мне в самую душу, жгли мое естество. Сердце как будто постоянно щипали, а на глаза наворачивались слезы. Но родители и не собирались сдавать – они устроили мне молчаливый бойкот, а моим братьям, которые находились в замке, запрещалось заговаривать со мной. Слуги старательно избегали меня, я в одночасье стала самым одиноким человеком во всем королевстве.

Помню, как я плакала ночами. Это было несистемно, и из-за этого я плакала только पुще. Я даже не знала, что у меня может быть столько слез.

Так прошло два месяца. За это время я отчаялась, закрылась в себе, а мое сознание стало чистым, как вода в горной речке. Мне было все равно, я чувствовала отрешенность от всего

мира, но в то же время мне доставляло некое извращенное удовольствие смотреть на мир из-за скорлупы отчаяния. Видеть, как люди преследуют свои земные цели, и чувствовать, как я далека от всего этого. Я как будто рассматривала мир с высоты птичьего полета, с интересом пролетая над земным покровом. Я ощутила дрейфующее чувство эйфории, словно очутилась в бессистемном мире – я никому ничего не была должна, мне никто не был должен, и я не чувствовала ответственности, не чувствовала острого жжения, что надо было что-то срочно сделать, что надо куда-то бежать, успеть, достичь. Это было блаженное состояние, и в нем я закрылась от горьких слез и самобичевания.

В глубине души я понимала, что что-то в этой ситуации не так, что нужно разложить события по полочкам, выявить несоответствия, проанализировать... но не могла. Не хотела. Этот анализ вскрыл бы старые душевные раны, которые еще не успели зажить, а я не хотела причинять себе боль. Может быть, потом. А может быть, и нет.

Из моего состояния меня частично вывел отец, который вызвал меня одним вечером и приказал собираться в дальнюю дорогу. Я еду в королевство, говорил он, правитель которого обязан ему. Очень сильно обязан. И принц этого королевства возьмет меня в жены во что бы то ни стало, потому что так прикажет его отец. У него не будет выбора. Но если, сказал он и его голос стал таким холодным и едким, что я поехала, а слезы чуть снова не выступили у меня на глазах... если я опять буду вести себя не как женщина, а как... тут отец процедил сквозь зубы ругательство, которое я не расслышала... то он больше не будет считать меня своим отцом. И после этого он грубо вытолкнул меня из своего кабинета.

В своей комнате я села в свое любимое кресло-качалку и стала постепенно оборачивать себя в скорлупу, мягко убаюкивая себя, не давая слезам выступить на глазах.

Когда я очнулась, то в глаза мне било солнце, согревая меня своим мягким светом, освещая мою жизнь своими золотистыми лучами и подсушивая мои слезы на щеках, которые все же лились нескончаемым потоком, пока я спала.

9

Принц Карлан из королевства Кони существенно отличался от всех персон королевской крови, которых я видела. Широкоплечий, дюжий – он буквально нависал над тобой, источая не совсем приятную смесь запаха из пота, выпивки и животных. Он был похож на бывшего вояку, который сходил с поля брани только для того, чтобы загнать дичь себе на ужин да пропустить через себя парочку пинт в ближайшем трактире. И это при том, что согласно слухам, он никогда не участвовал в военных сражениях, если вообще когда-то покидал свое королевство. В последнем надобности, правда, не было – королевство Кони редко когда проявляло враждебные намерения к окружающему миру, а само было защищено окружающими королевствами лесами и болотами. Местность для случайного путника была абсолютно непроходимой.

И если королевство по уровню жизни превосходило мое, то имелась и другая сторона медали – из-за удобного географического положения, умеренного климата и разнообразных даров земли, что предлагала людям природа, эти самые люди немного расслабились. Это еще не было столь заметно, если ты родился и всю жизнь провел в Кони, но для приезжего разница резко бросалась в глаза. По моим прикидкам – еще пару десятилетий такой праздной жизни, и кто-то, находящийся за тем самым кажущимся неприступным лесом, обратит свой кровожадный взор на эту милую, но крайне незащищенную страну. Все лес не горы – его всегда можно вырубить или пройти через него с помощью опытного, но жадного до денег проводника. И атака будет стремительной, неожиданной и беспощадной...

Даже Карлан, будь он в другом королевстве, не смог бы бесконечно проводить время на охоте, в борделях, кабаках и прочих нецивилизованных местах. С одной стороны, он был совершенно безобидным, а с другой – почему бы его не убить, раз он такой безобидный? Логика,

конечно, странная, но какая уж есть. Если ты второй принц в текущей династии и не приносишь ровно никакой пользы королевству, то вывод напрашивается сам собой. Конечно, такое произошло бы не во всех королевствах, сейчас принцами особо не разбрасываются, как раньше, но король точно бы приставил его к какой-нибудь государственной работе. А иначе и быть не может – быть королевским отпрыском для мужчины – это такая же опасная, но крайне интересная работа, что и состоять в браке для женщины. А работа есть работа, тут нужно быть предельно собранным и держать себя в тонусе.

На самом деле к принцу Карлану у меня не возникало брезгливого отношения, мне к тому времени было попросту все равно. Вытолкнет ли он меня из своей опочивальни, прокричав напоследок, чтобы я убиралась домой, сопьется ли окончательно, будет ли изменять мне два дня в неделю или вообще забудет, что я существую... какая, в принципе, разница? Не то, что моя жизнь была обречена или что-то в этом роде, но почему я должна прогибаться под кого-то, когда мне дают лишь кнут да стараются привить мне чувство вины, что я, дескать, не совсем женщина? Я же не мазохистка. Наверное.

Конечно, прохладное отношение к своему потенциальному (я уже перестала говорить слово «будущий», видите?) супругу, не зная, что он из себя представляет и делая выводы по поверхностным признакам, немного нечестно по отношению к нему, но какая разница, опять же? Если он что-то спросит, я отвечу – я же не распушенная провинциалка, чтобы так невежливо игнорировать других людей. Если он что-то попросит сделать, то хорошо, давай рассмотрим варианты. Но скакать вокруг и разбрасывать на пути ошметки колбасы и лепестки роз, чтобы приманить его в постель? Зачем? Мне было это вовсе неинтересно. Если, конечно, поступит конкретное, не расплывчато-игривое предложение сделать что-то да эдакое, то я всегда готова рассмотреть. Могу даже план-график составить и вести табель учета. Все что угодно, лишь бы было оформлено в рациональном ключе.

С такими жесткими мыслями я провела два дня в своей опочивальне, углубившись в чтение книги о развитии культуры в королевстве Кони. Согласно общим выводам автора жители королевства просто обожали охотиться, а также бурно отмечать удачные дни охоты. Различным охотничьим традициям, способам охоты, снаряжению, приметам и прочему была посвящена добрая половина книги.

Вторая же часть была практически вчистую слизана с других книг – тут можно было прочитать заметки о религии, языке, вариантах наследования, но я видела точно такие же статьи и в других работах в различных королевствах, поэтому книгу явно написал местный житель, а вторую половину пришлось раздуть, чтобы раздуть материал. Почему-то начинающие авторы считали, что чем больше весит книга, тем больше уважения испытывают к ней читатели. Я же, в свою очередь, давно заметила, что в некоторых тонких книгах иногда содержится больше мудрости и верных фактов, чем в огромных фолиантах, заполненных, в основном, водой и выдумкой. Но про охоту автор действительно все описал живо, видимо, сам любил этим заниматься.

Тут кто-то постучал в мою дверь.

Я негромко сказала, что можно входить, совершенно не отрывая взгляда от книги. Думала, что это очередная служанка, которая пришла убрать остатки моего завтрака – все эти два дня я практически не выходила из своей комнаты, питаюсь тем, что принесут. Есть я, правда, особо не хотела, но еду приносили исправно, и такое системное отношение к гостям мне нравилось. За годы отсутствия войны некоторые люди здесь развили гостеприимство и доброжелательность. По крайней мере, так казалось с виду.

Конечно, вела я себя не совсем учтиво, ведь при моем текущем положении мне желательно было посещать трапезный зал, знакомиться с новыми людьми, но мне, как я уже говорила, было откровенно все равно. Если бы про меня забыли, то такое положение вещей меня бы донельзя устроило.

Только тут я поняла, что не слышу легких шагов прислуги рядом с собой. В комнату вообще никто не вошел. Я подняла взгляд и увидела огромного мужчину, который своими очертаниями практически заполнил дверной проем. Похоже, это был мой муж. Потенциальный.

Может быть, он пришел поинтересоваться, в чем причина моей лени? И правда, что тут расселась, книжку почитываешь? Давай иди сад вспахивай, декор украшай и детей делай. Ну, или что-то такое, с воображением в этой части у меня всегда было туго. Но, как я уже говорила, на тот момент я выбрала единственную стратегию – делать все по запросу. Не проявлять инициативу. А дальше будь, как будет.

Выйдя из своих слегка саркастических мыслей, я заметила, что мой муж (потенциальный) слегка нервничает. Я решила проявить элементарную вежливость.

– Да? – очень вежливо спросила я.

Да, именно так. И ни слова больше. Ведь он же ко мне пришел, так? И какая разница, что это его дом, а не мой? Я же гостя и вообще...

– Эвелинн, – слегка неуверенно начал он.

Его голос хоть и предполагал быть тихим, но бас раскатился по небольшой комнатке как гром среди ясного неба. Похоже, он был из тех людей, кто не разговаривает, а вещает.

– Да? – снова спросила я, чувствуя себя попугаем.

– Ты, это, сегодня, это... на охоту пойти хочешь? Вместе со мной?

Мои брови слегка поползли вверх от изумления, и я было открыла рот, чтобы ответить, но...

– Не, не, ты не подумай. Ну, прогуляться, понимаешь? Я, это, назвал это охотой, но просто... прогулка? Ну, мы далеко заходить не будем...

Тут он поник, словно его словарный запас не мог во всех красках описать предложенной им дерзкой авантюры. Я сразу поняла, что он имеет в виду простую прогулку по лесу, но в местных краях любой выход в лес был равнозначен охоте. Даже романтические прогулки при свете луны у молодых парочек нередко сопровождались предсмертным криком раненой птицы, которую молодой охотник убивал единственным метким выстрелом. Этот момент считался идеально подходящим для жаркого поцелуя. Или для чего похлеще, чего уж там, погода же теплая.

Вот что значит быть подготовленным! Прочитаешь книжку-другую и уже чувствуешь себя, как рыба в воде. По крайней мере, как рыба в маленьком бассейне, но начало уже положено, верно?

Я решила не ходить вокруг да около.

– Отчего же? – спросила я несколько надменно. – Можем и поохотиться. Если у тебя есть свободный комплект снаряжения для меня.

Мой надменный голос вкупе с моим гордым видом сыграли с ним злую шутку – он в непонимании уставился на меня. Я рассмеялась в душе – он выглядел так забавно!

– Ты, это... знаешь, как охотиться? – недоверчиво спросил он.

Тут я решила притормозить, а то мало ли куда заведет мое остроумие.

– Я... раньше пробовала этим заниматься, – с некоторой расстановкой начала я.

И это было правдой – в некоторых королевствах мне доводилось сопровождать принцев в процессе охоты. Мне показалось, что в большой группе это было слегка торжественно и скучно, но в определенном свете сама идея охоты меня всегда манила. Мне казалось, что здесь можно было с некоторым успехом использовать стратегическое мышление, но я могла и ошибаться. По крайней мере, я точно знала, что сам процесс охоты целиком зависел от снаряжения, местности и людей, которые тебя окружали.

– Но я не профессионал в этом, – закончила я свою мысль. – Я могу сопровождать тебя на охоте, могу слегка помогать, а в случае необходимости не мешать. Попасть в мелкую дичь из лука я вряд ли смогу, а...

– Ты умеешь стрелять из лука? – изумленно перебил он меня.

– Ну... да. А что? Но я же говорю, что вряд ли смогу попасть в мелкую дичь с первого раза. Но я умею обращаться с луком, кинжалами, могу ездить верхом, могу читать свежие следы некоторых зверей, а также помогать освежать, принести и приготовить добычу. Но все это в поверхностном плане, по крайней мере, мне все это вполне интересно. А что?

Я заметила, что он уже сам смотрел на меня, как на упитанную дичь, которую ему не терпится подстрелить и освежать.

– Эй, хватит смотреть на меня так! – я протестующе подняла руку.

Он вздрогнул и слегка встряхнулся, как собака после купания.

– Прости. Я не специально, – он бодрым шагом вошел в комнату и с горящим в глазах энтузиазмом подошел ко мне. – Скажи, а там, откуда ты родом, все такие?

Я вопросительно взглянула на него. Это он так решил поиздеваться?

– Какие такие? – спросила я.

– Ну, которым не противны все эти вещи... ну... ты поняла, да?

– Не противны? Ты имеешь в виду охоту или еще что-то? За всех поручиться не могу, но... постой, почему ты это спрашиваешь? В этом королевстве все девушки воспитываются таким образом, разве нет? Вам же смолоду внушается любовь к охоте, свежему воздуху, заботе о животных...

– Ты откуда это взяла? – спросил он, внезапно сделавшись слишком серьезным.

Он ткнул своим мясистым пальцем в книгу, что лежала у меня на коленях.

– Из книжек всяких? Можно? – и с этими словами он бережно взял у меня с колен книгу о культуре королевства Кони, которую я как раз дочитывала.

Он внезапно удовлетворенно хмыкнул.

– А, знаю эту штуку. Автор другом моим был хорошим. Помешан был на охоте, даже больше меня, – последнюю фразу он произнес таким голосом, которым люди обычно описывают невозможные и сверхъестественные вещи.

Он аккуратно положил книгу на маленький столик, стоящий рядом со мной.

– В общем, не верь этим книжкам, хорошо? И особенно этой, – он еще раз указал на книгу, которую я дочитывала, и заговорщицки подмигнул мне.

Я слегка улыбнулась.

– Хорошо, буду проверять соответствие описанным фактам реальной действительности.

– Э-э, это, ладно, действуй тут, как знаешь, – он почесал своей массивной рукой в затылке.

Видимо, сложносочиненные мысли не по тем вещам, которые ему нравились, не могли найти постоянного и уютного пристанища в его голове. Это было, в принципе, не так уж и плохо – хуже были люди, которые любыми способами пытались доказать, что всякое оброненное тобой слово близко к идиотизму, а правильные мысли всегда должны быть сдержанными, резкими и соответствующими общественным нормам. Такие люди меня откровенно бесили, ведь для общения с ними нужно было прикидываться откровенным дураком, чтобы тебя меньше доставали. Принц Карлан был по сравнению с ними образцовым философом – он мог принимать к сведению исключительно любые мысли, если только собеседник не просил задерживать их у него в голове больше, чем на секунду. Это касалось всего, кроме охоты, конечно. Но у каждого человека свои слабости, верно?

– В общем, – видимо, принц решил подытожить итог нашей с ним беседы. – Давай через пару дней я зайду за тобой, к этому времени как раз подготовят лошадей и подберут тебе подходящую одежду. Ладно?

Я кивнула.

– Хорошо, – и этой простой фразы хватило, чтобы на его косматом лице засияла искренняя улыбка.

Тут он собирался уже уходить, но мне вдруг пришел в голову один вопрос.

– Слушай, – он недоуменно обернулся в мою сторону. – А мы поедем одни?

Он почесал подбородок, размышляя.

– Ну да. Или ты хочешь, чтобы народу было больше? Не бойся, ничего с тобой не случится, я знаю окружающие леса как свои пять пальцев!

– Я и не боюсь. Я тебе доверяю, – последнюю фразу я сказала твердо.

Он смущенно улыбнулся.

– Просто я сама не люблю большие скопления людей, вот и спрашиваю, чтобы морально подготовиться.

Он отмахнулся.

– Не, много народу не надо, они только мешаются. Вдвоем будет идеально. Правда, – тут его лицо приобрело мрачный оттенок. – Я вспомнил, что мой брат, Нарл, хотел поехать с нами. Он сказал, что слегка обиделся, что ты практически не выходишь из своих покоев.

Я возмущенно сдвинула брови.

– А почему бы ему самому ко мне не прийти? Я даже не знаю, кто он такой!

– Да я не знаю, – Карлан досадливо пожал плечами. – Это же ж все политика да этикет придворный. Я в такие вещи не лезу, не разбираюсь, тут уж меня извини. По мне так, делай, что хочешь, – ты же принцесса, сама собой распоряжаешься. Не знаю...

Буквально видно было, как он отмахивается от всех этих мыслей у себя в голове. Наверное, в высшем свете он чувствовал себя крайне неуютно – быстрая лошадь, верная собака и азарт погони явно были ему ближе, чем стягивающий сюртук и окольные витиеватые фразы. Я в первый раз взглянула на него понимающе, сочувственно и даже с симпатией. Видимо, у нас было с ним гораздо больше общего, чем я предполагала вначале. Я, правда, умела носить различные общественные маски, а он этого принять так и не смог.

– Ладно, – бодро сказал он мне, выходя из комнаты и притворяя дверь. – Через пару дней я буду здесь, будь готова. Морально.

На прощание он еще раз подмигнул мне, и дверь закрылась.

Я встала со своего удобного кресла, потянулась и посмотрела в окно. Солнце уже садилось. В голове неожиданно для меня начали прокручиваться различные варианты событий. Я буквально чувствовала, как будто просыпалась после долгого сна, оживала. Скорлупа вокруг меня начала давать осязаемую брешь.

Я сощурилась, припоминая слова принца касательно его брата. Он обижен, видите ли. Я почувствовала, что во мне начинает закипать гнев, чего не было уже несколько месяцев. Я возвращалась к самой себе.

Что ж. Я достала на свет запыленную косметичку. Разложила ее содержимое на прикроватном столике. Позвала служанку и попросила ее наполнить ванную. И решительно посмотрела в зеркало.

Что ж. Пора готовиться к войне. Я засучила рукава и принялась работать над собой, а мой мозг, пробуждаясь, постепенно возвращал воспоминания за последние два года. Нужно было хотя бы приблизительно привести их в порядок, невзирая на душевную боль, потому что со временем они осели бы, растворились и пропали в глубинах подсознания, вызывая лишь горечь, слезы и постепенное уничтожение собственной сущности. Пора было постепенно пробуждаться и начать задавать себе неприятные вопросы. И первый из них уже начинал обретать очертания в голове.

Кто все это время пытался манипулировать мной и с какой целью?

Погружаясь в горячую воду, я раскрыла сознание и слегка прикрыла глаза, уже не сдерживая горячие слезы. Они текли, смешивались с водой, а я в это время спокойно расставляла минувшие события по своим местам.

10

Через несколько дней я уже ехала верхом на прекрасной и послушной гнедой кобыле. Одетая была в утонченный и крайне удобный охотничий костюм, который обычно носили мужчины. Женщины на охоте во многих королевствах, судя по тому, что я видела, присутствовали редко, а если и выказывали желание поучаствовать, то присоединялись к большим охотничьим группам, наблюдая за постепенно разворачивающимися событиями издалека. Либо сие мероприятие женщинам было просто неинтересно, либо, и к этому мнению я склоняюсь больше, мужчины специально отстраняли женщин от этой забавы, рассказывая ужасные истории, что частенько надо проваляться на мокрой листве несколько часов, ожидая, когда жертва подойдет поближе, или что нередки случаи встречи с волками, медведями и дикими кабанами, часто приводящие к летальным исходам. Понятное дело, что после таких историй никакой нормальный человек не пойдет на охоту, а мужчины получали уникальную возможность отдохнуть от этикета, политики и женского внимания.

Идея облачиться в мужской охотничий костюм принадлежала мне, потому что я давно заметила, что мужские одежды делают таким образом, что они лучше в носке, удобнее, теплее, чем женские. По крайней мере, если смотреть статистически. Почему так происходит, никто не знает.

Также при мне был длинный охотничий кинжал, специальная прочная веревка и прочее мелкое снаряжение, а также немного еды, чтобы в случае затянувшегося преследования можно было слегка перекусить. Да, первое, что отличает охотничьего дилетанта от любителя – это провизия, которую каждый охотник берет с собой. У новичков почему-то постоянно складывается ощущение, что погоня за едой исключает взятие с собой этой самой еды, что, конечно же, совершенно неправильно. Для любителя охота – это тот же пикник, только сопровождающийся кровавым блеском в глазах.

Лук и колчан со стрелами я решила на первый раз не брать, объясняя это тем, что если оставаться жить в этом королевстве, то охота еще успеет надоесть. Зачем тогда торопить события? Принц Карлан на это замечание лишь удовлетворительно кивнул, но я заметила, что в путь он готовился особенно тщательно. Профессиональные привычки или просто он хотел поразить меня своим мастерством? Что ж, я была бы не против – всегда приятно посмотреть на работу другого, особенно если самой ничего не надо было делать.

В сторону леса на рассвете отправились лишь мы вдвоем, но в ответ на мой вопросительный взгляд принц пожал плечами и сказал, что его брат ненавидит рано вставать и что он нагонит нас чуть позже. Против этого я ничего не имела, даже было бы лучше, если его брат вообще забыл про нас. По слухам, принц Нарл был тем еще придурком, а мне вовсе не хотелось нарушать столь приятную прогулку с моим буду... потенциальным мужем, слушая всякую чепуху от самодовольного юнца.

Ехали мы нарочито медленно, чему я была вовсе не против, потому что погода была хорошей, торопиться нам было совершенно некуда, а по пути Карлан энергично описывал разные факты об окружающей нас местности. И я опять же его недооценила, считая, что он слегка ограничен и глуп. Как оказалось, просто круг его интересов простирался вне замковых интриг, сплетен, официальных разговоров, обсуждения политики, хода военных действий, экономики и прочего. Нет, обо всем этом он не только знал, но и разбирался на удивление хорошо, но его характер был не склонен к окольным разговорам – он всегда рубил с плеча и смотрел прямо в корень проблемы. А такое не приветствовалось согласно придворному этикету, потому что

обычно те, кто решает что-то сгоряча, проигрывает против рассудительных, умных и расчетливых людей.

Но раньше все было иначе, согласно тем историческим заметкам, что я смогла отыскать. Всего какую-то сотню лет назад члены королевской семьи использовали все эти словесные ужимки, недомолвки, которые они называли дипломатическим языком, лишь в разговоре с представителями других королевств. У себя дома принцы, король, а также его королева и министры, собирались вместе, чтобы честно обсудить сложившуюся ситуацию. Они не рубили с плеча, но и не пытались в разговоре напустить туман – ведь, когда на кону судьба всех жителей твоего королевства, то здесь не место для интриг и словесных игр. Они рассматривали ситуацию со всех сторон, пытались принять взвешенное решение, которое оказалось бы меньшим из зол среди всех возможных вариантов.

Если честно, мне казалось, что все это выдумки историков или явное искажение верной информации в источниках, которые писали авторы того времени под государственный заказ. Обычная пропаганда, мне трудно было представить себе правителя, который бы не хотел попить соки из своего народа, который не хотел бы нажиться на чужих страданиях. А какая тогда мотивация становиться правителем, если ты вынужден постоянно работать, вплоть до собственной смерти, которая, кстати, могла наступить и преждевременно? Постоянная оглядка через плечо, нарастающая паранойя – тут любой сойдет с ума.

Поэтому после нескольких часов нашей неторопливой прогулки я буквально сразу поняла, откуда берутся все эти слухи о моем спутнике. Он был крайне большой, заметной, неуклюжей белой вороной не только в этом королевстве, а вообще во всем мире. И не только потому, что он рубил с плеча и высказывал непопулярные при дворе мнения. Этот свой недостаток он сумел успешно сгладить, пребывая в постоянном молчании. А если кто-то и спросит, то успешно прикидывался дурачком, большим ребенком, который, раскрыв рот, смотрит на чудесные деяния взрослых. И эти взрослые были настолько слепы и тщеславны, что упорно не замечали, как ребенок издевается над ними одним своим существованием.

Но, как я уже говорила, проблема была не только в его резких словах и правдивых, но крайне неприятных для образованного слушателя выводах. Основная загвоздка заключалась в том, что он в отличии ото всех смотрел в корень проблемы. А какая база, на которой держится все государство, что составляет корень, из которого произрастает обширное дерево власти?

Это народ.

Все эти людишки, что как муравьи каждый день разбредались по своим одним им известным делам, чтобы своим трудом кормить государственный аппарат. Все эти простолюдины, которые, раскрыв рот от восхищения, смотрели на роскошный кортеж проезжающего мимо монарха. Те, ради кого были придуманы такие слова, как: «власть», «манипуляция» и «светлое будущее». Грязь под ногами, с чьим мнением никогда не считались и не будут считаться, но которая терпела все и благодарно ловила все новые порции пропаганды.

В этом и была основная проблема, и она находилась очень близко, и она была многоликой и многогранной. И единственным правильным решением было замалчивать ее, ведь если ты идешь по пути диктатуры, тирании, если ты настоящий авторитарный правитель, то лучше не стоит каждый день вспоминать условия того уравнения, из которого состоит жизнь. Лучше оставить систему работающей как она есть, потому что кто знает, что будет, если начать всерьез задумываться?

И именно поэтому такие люди, как Карлан, внушали откровенный страх. Уже не спасало то, что он молчал, не спасало то, что он не пытался участвовать в важных государственных делах. Проблема была в том, что он существует, и само его существование буквально кричало о неправильности сего мира.

Таким был первый увиденный мною член королевской семьи, который проводил практически все свое время с простолюдинами.

Он действительно *знал* многое о них. Это были не простые общие знания о местности, он действительно *общался* с ними. Находился рядом с ними *часами*. *Выслушивал* их. *Помогал*...

Это было для меня как удар обухом по голове, как ныряние на большую глубину. Словно уши заложило от звуков непривычного тебе мира. Неправильного мира. Несистемного.

Когда мы степенно въехали под сень леса, я поймала себя на мысли, что буквально пожираю его глазами. Я словно наткнулась на доселе невиданное науке существо и сейчас всю хотела его изучить, потрогать, посмотреть, на что оно способно в текущем мире. Я почувствовала огромное возбуждение, как будто жар начал растекаться по всему моему телу. Это не был энтузиазм от хорошей беседы с умным человеком, который я обычно ощущала в путешествиях по другим королевствам. Нет, это был всепоглощающий интерес, даже страсть по отношению к нечто неизведанному.

Я почувствовала легкий толчок в энергетике у кобылки, на которой я сидела, – видимо, мое возбуждение передалось и ей. Я пару раз глубоко вздохнула и постаралась успокоиться. В конечном итоге, это нормально. Все новое всегда манит людей с широким кругозором, это абсолютно логично. Но не стоит выпрыгивать из седла и смотреть на своего собеседника, истекая слюной, как ненормальная. Все же это не совсем прилично. Я слегка поуспокоилась и вдохнула приятный запах леса.

Весьма скоро мы зашли довольно глубоко. Моя кобылка смешно махала ушами, отгоняя назойливых насекомых. Ко мне никто из комаров и мух не приставал – еще загодя до нашего похода я благоразумно обрызгала себя специальным парфюмом, который не оставлял четкого запаха для другого человека, но для насекомых был неприятен. Действительно, чего только нельзя найти в женской сумке! А так как, по мнению общественности, я не могла быть достойной представительницей прекрасного пола, то содержимое моей сумки увеличивалось вдвое. Раз уж я теперь обычный человек, то можно не сдерживаться по каким-то пустякам, что навешивает на тебя общество, потому что к тебе они больше неприменимы. Да, это было довольно милым извлечением выгоды из навязанного тебе чувства вины.

Буквально через час, который пролетел для меня совершенно незаметно, мы выбрались на небольшую зеленую рощицу, от которой далее простирались две тропинки, уходящие дальше в лесной массив.

Принц предложил остановиться здесь, чтобы перекусить и дать отдых лошадям, на что я с легкостью согласилась. Мы расстелили простыню, которую запасливый принц достал из седельных сумок и, удобно расположившись, устроили незамысловатый пикник на свежем воздухе.

Я чувствовала приятную расслабленность и легкость, чего я не наблюдала за собой уже продолжительное время. Либо так на меня действовала окружающая спокойная местность, не втянутая в войну, либо общение с моим немного нетипичным спутником, либо я сама уже устала бороться против самой себя. Хотелось лечь, закрыть глаза и ни о чем не думать.

– Ну как, Эвелинн, тебе наша деревушка? – так насмешливо он называл свое королевство.

– Спокойная. Умиротворенная, я бы даже сказала.

Он тяжело вздохнул.

– Это только так сперва кажется. Спокойствие всегда скрывает в себе скрытую угрозу.

Карлан уже разговаривал абсолютно нормально, не прикидываясь дураком. Речь его, конечно, не блистала высоким стилем, но была спокойной, не агрессивной и искренней. Почему-то, когда я с ним общалась, я не чувствовала ровно никакого напряжения. И это сильно удивляло, ведь я только теперь заметила, каких душевных сил мне стоило общение со всеми остальными людьми. Ведь, как бы ни был хорош определенный человек, я все равно чувствовала, что постоянно должна что-то доказывать. А сейчас я могла даже не то, что говорить, что захочется, а *молчать*, когда захочется. Это было бесценно.

– Возможно, – легкомысленно сказала я. – А мне все равно тут все нравится. Может быть, потому, что ты все так расписал. Ты словно за каждым домиком видишь свою историю и жизнь.

– Но за ними действительно стоят различные истории. И в них постоянно кипит жизнь, порождаемая каждодневным трудом. Просто мало кто видит это.

Я рассмеялась.

– Ты словно укоряешь всех этих дураков, что сидят у себя в замке и строят козни против простого люда.

– Ну, – он рассеянно почесал затылок. – Не то, что обвиняю, конечно. Просто они не видят всей картины.

Я удовлетворенно отметила, что против слова «дураки» он ничего не имел против. Тут он внезапно сделался крайне серьезным и посмотрел мне прямо в глаза.

– На самом деле, Эвелинн, я пригласил тебя сегодня не ради охоты, а чтобы просто пообщаться с тобой наедине. Мне было интересно... ну... познакомиться.

Я заметила, что он слегка покраснел, но я и сама была не лучше – краска постепенно заливала мне лицо. Я явно не была профессионалом в таких разговорах. Чтобы разрядить обстановку, я шутливо указала в сторону его лошади.

– То-то ты взял с собой столько снаряжения, словно на медведя собрался охотиться.

Он усмехнулся и пожал плечами.

– Дело привычки. А вдруг что-то реально попадетсЯ? Я же не знаю, когда тебе захочется повернуть назад. Некоторых людей тянуло домой уже после получаса езды.

Я покачала головой.

– Нет, мне все нравится. Даже если мы далеко не зайдем, то в другой раз можем зайти дальше. Я привыкну рано или поздно. К тому же, – тут я решила окончить неприятные дела одним махом, – кто знает, сколько раз мы еще пойдем на охоту, если... будем жить вместе.

Вот так. Лучше сразу, чем потом мучиться. Если отчаяние немного отступило, и на его место пришло философское настроение, то состояние некоторой подвешенности никуда не пропало.

– А... ну... это, – он словно вернулся в то состояние, в которое впадал при дворе, но в этот раз он не притворялся дураком.

Похоже, что он был крайне смущен. Затем он волевым усилием постарался взять себя в руки.

– Тут ты, это, сама решишь, если захочешь со мной остаться...

Я была несколько ошарашена. И это еще мягко сказано.

– То есть? Разве не принц обычно выбирает, нравится ли ему его будущая супруга или нет?

Он отмахнулся от меня, словно его совершенно не интересовали традиции и нормы общественности.

– Может быть, – сказал он. – Не знаю. Меня это не особо интересует. Не буду же я насильно тебя заставлять...

– Насильно? – на мгновение я застыла.

То есть... нет, постойте. Давайте быстренько все еще раз осмыслим. Повторим. Если он не хочет насильно меня уговаривать, то это означает, что...

Подождите...

Это как так...

Мне что, сделали предложение?! Прямо здесь и сейчас? Первое в моей жизни настоящее предложение?! Seriously?

Так, надо действительно все уточнить, а затем...

И только я, вся покрасневшая и взволнованная, открыла было рот, чтобы высказать все, что я думаю, как тут... я почувствовала, как мой рот нежно закрывает мужская рука.

Но дело было не в том, что принц от смущенного состояния решил перейти к тактике наступления. Кто знает, чтобы я сделала, если бы он перешел к *действительно* решительным действиям? Можно было бы убить двух зайцев одним махом, как вы считаете?

Но пока одна его рука закрыла мой рот, другая поднялась в предостерегающем жесте, а его глаза были устремлены к причине возникшего беспокойства.

Ирония заключалась в том, что именно природное вмешательство помешало мне тогда пойти по стопам природы. А я уже была до неприличия готова. Именно поэтому я также устремила свой грозный взор за спину принца и увидела двух здоровых кабанов с налитыми кровью глазами.

Они приближались к нам и явно не для того, чтобы обсудить, какое платье мне следует одеть на свадьбу.

11

Если бы в тот момент я могла думать, то мне сразу пришла бы в голову одна интересная мысль – каким образом дикие кабаны оказались на открытом пространстве да еще с такими кровожадными намерениями? Такое впечатление, что не мы тщательно собирались на охоту, а они. Причем эти звери оказались даже более подготовленными – взяли карту местности, изучили наш маршрут, нашу психологию, выбрали подходящий момент для выхода из засады и вуаля! Два изумленных человечка, воркующих на милые темы, и двое кровожадных и хладнокровных убийц. Сюжет получался прямиком из одной дурацкой книжки, которую я как-то пролистывала от скуки, жанр которой можно было определить как фантастический триллер. Так и здесь – киллеры-кабаны нападают на ничего не подозревающих любовников, а затем юный и крайне привлекательный шериф внимательно изучает их кровавые останки, разбросанные по окружающим деревьям... нет, до момента с шерифом я точно не хотела бы дойти!

Поэтому я и не думала. И такие мысли мне тогда никак не могли прийти. Потому что в мое тело впрыснули такое количество адреналина, что несколько секунд я была буквально обездвижена от наступившего шока. О силе и свирепости кабанов я знала только понаслышке, но и этого хватало, чтобы воочию представить перед собой картину, что со мной станет буквально через минуту.

Карлан оправился гораздо быстрее, чем я – видимо, сказывался многолетний опыт охотника. Но краем глаза я заметила, что он также крайне удивлен. Скорее всего, в этой местности вид дикого кабана был редкостью. А тут их двое...

Принц быстро вскинул руку в моем направлении, давая знак, чтобы я двигалась. Можно было обойтись и без этого, ведь я не могла шевельнуть и кончиком пальца, но Карлан беспокоился, что я могу впасть в истерику от страха. А резкие движения и крики нам сейчас нужны были меньше всего. Я посмотрела на него раскрытыми от ужаса глазами и медленно кивнула. Он, в свою очередь, положил две руки на землю и, оттолкнувшись от них, подвинулся поближе ко мне. И начал шептать мне на ухо свой план действий.

– Эвелинн, только не кричи. И не двигайся. Пожалуйста. Нам сейчас нужно осторожно выпутаться из этой слегка щекотливой ситуации.

Я посмотрела на него и нахмурила брови от возмущения. Как он в такой ситуации может оставаться спокойным? Неужели он уже сталкивался с нечто подобным?

Я взглянула в сторону кабанов. Они были еще достаточно далеко, но даже с такого расстояния было слышно их гневное фырканье. Умереть от огромных свиней... и тут моя рациональная часть сознания протолкалась сквозь волны душасшего меня страха и начала подавать вполне дельные мысли. Эти мысли, к сожалению, были просто интересными, но никак не способствовали моему выживанию. Поэтому я быстро заблокировала рациональность, ведь она

была бесполезна в ситуациях, где требовались быстрые действия, а знаний по теме было крайне мало.

Я переключилась на системность – я в системе, а она во мне, поэтому необходимо быстро обучаться и активно участвовать в развитии ситуации, чтобы получить хоть какой-то положительный результат. Я слегка расслабилась и отдала себя страху и волнению полностью. Страх мгновенно отступил, потому что я больше не сопротивлялась ему – теперь он пытался мне помочь.

Но буквально в последний момент рациональность обратила мое внимание на некую странность – кабаны ступали вперед так нерешительно, что буквально спотыкались на месте. А затем они мимолетно переглянулись и отошли друг от друга на несколько человеческих шагов. Они что, осторожничают? Хотят напасть на нас с флангов?.. Совсем как люди.

Эта мысль испарилась, оставив после себя неприятное послевкусие. Я тряхнула головой и попыталась сосредоточиться. Сейчас я была полностью в системе. Я была готова.

Я повернулась к принцу и зашептала ему на ухо, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее, чтобы он не отвлекался на мое состояние в критичной ситуации. Сейчас именно ему, как более опытному человеку, эту ситуацию нужно было контролировать. И я должна была ему помогать или, по крайней мере, не мешать.

– Со мной все нормально, – прошептала я ему. – Кстати, как случается, что дикие кабаны появляются неподалеку от людских поселений?

Он слегка улыбнулся.

– Нечасто, – он слегка успокоился, видимо, моя способность рассуждать дала ему понять, что ближайшие пару минут я не буду для него столь сильной обузой. – Но об этом потом. Сейчас я прошу довериться мне, потому что времени у нас в обрез.

Я буквально чувствовала, как он был собран. Его тело и дух были напряжены, но он не был нервным. Это была сосредоточенность подлинного охотника, столкнувшегося с нетипичной ситуацией. Мне это нравилось.

Я положила руку ему на плечо и прошептала:

– Хорошо.

Как говорится, поддерживай более сильного напарника и надейся на лучшее.

Он указал мне в сторону той части леса, где были спрятаны наши лошади. Мы хотели их вывести на рошу вместе с собой, чтобы они пощипали свежей травки, но затем в ходе разговора напрочь забыли про них. Как оказалось, к лучшему.

– Тебе нужно побежать обратно к лошадям и отвязать их. Хлопни мою по крупу и забирайся на свою.

– А ты? – я решила хоть раз побыть не столь эгоистичной, хотя меня на самом деле немного беспокоила его судьба.

Он ухмыльнулся и достал из ножен огромный охотничий нож.

– А дальше сама решай. Но лучше будет, если ты поскачешь напрямиком обратно в замок и расскажешь обо всем моему брату.

– А что будет не луч... – я не успела окончить фразу, потому что он с силой толкнул меня в сторону леса, и в тот же момент я с ужасом почувствовала дрожь земли.

Двое огромных кабанов бежали напрямиком на нас.

Я быстро оттолкнулась от земли, резко встала и побежала напрямиком к нашим лошадям. Что я буду делать после того, как прибегу к ним, я еще не придумала, отдавая все свои силы и выносливость на быстрый бег.

И почему я раньше не занималась физическими упражнениями? Почему не вставала рано утром ради бодрящей пробежки по берегу озера? Почему... и только я хотела себе пообещать стать настоящей спортсменкой, как почувствовала, как нечто тяжелое сильно ударило мне в бок, повалив меня на землю. Я проехала по траве пару шагов, но боли от столкновения

практически не почувствовала – настолько сильно было мое изумление при виде кабана, который стоял всего в пару метрах от меня.

Почему? Как так получилось? Это же дикое животное, оно не способно мыслить стратегически в тех сферах, которые ему не интересны. Или способно? Кабаны стали читать военные трактаты, научились разделять силы, отрезать пути к отступлению?

Я с ужасом смотрела в налитые кровью глаза животного. Кабан был действительно огромным. Смертельно огромным.

Почему?

Почему я?

И в следующее мгновение кабан ринулся на меня. Я не могла и пошевелиться, предыдущий удар буквально парализовал все мое тело.

Я закрыла глаза рукой от страха и тихо застонала, ожидая, когда клыки вопьются в мое тело, разрывая меня на куски.

И через мгновение я поняла, что мой стон сливается с нечто более громким. Это был вой раненого вепря, обиженного до глубины души крайне несправедливым к нему обращением.

Я открыла глаза и увидела, что морда кабана была залита кровью, а из одного глаза торчала половина древка стрелы. Ее оперение было ярко-красным, в тон льющейся на землю крови.

Я почувствовала, как меня легко подхватили под руки и заставили подняться.

– Принцесса, вам лучше отойти.

Голова у меня буквально шла кругом. В ушах неприятно звенело.

– Карлан? – в замешательстве спросила я.

– Нет, принцесса, боюсь, что он сейчас слегка занят. Но если вы возьмете себя в руки, то мы поможем и ему.

И с этими словами он достал новую стрелу из колчана и приготовился к выстрелу. Кабан побежал на нас с сумасшедшей скоростью. Мужчина оттолкнул меня с подлинной грубостью человека, который ценит жизнь превыше общественного представления об аккуратном обращении с девушками. Толчок был настолько сильным, что мне показалось, что я на мгновение зависла в воздухе. А затем сокрушительно упала на землю, так, что мне на одно неприятное мгновение показалось, что половина костей затрещали от возмущения.

Но даже в таком положении я успела заметить, что буквально в последний момент мужчина эффектно перевернулся в воздухе над промчавшимся над ним кабаном. Элегантно опустившись на землю, он молниеносно воздел лук и выстрелил. А затем еще. И еще.

Зверь ревел и метался как бешеный, но мужчина хладнокровно посылал выстрел за выстрелом.

А я совершенно не поняла, как отключилась. То есть я не знала, что такое возможно. Думала, что для этого должен был быть подходящей силы удар, сотрясение мозга... но, видимо, моя рациональная часть решила, что хватит на сегодня системности и выписала мне в экстренном порядке принудительный отдых без рецепта и одобрения врачей.

Перед тем как я закрыла глаза, я успела лишь заметить, что спасшего меня лучника как будто окружает аура невиданной мощи. Но так как это было уже явным бредом, то я спокойно закрыла глаза и упала в обморок.

12

После того неприятного инцидента я пролежала в кровати несколько дней, лишь изредка выходя в трапезную, чтобы пообедать с членами королевской семьи.

Чаще всего это был Нарл, который и оказался моим чудесным спасителем. Принц объяснил, что он решил отправиться вслед за нами, но позже, чтобы не мешать нашему... общению.

Похоже, он прекрасно знал, в какое ближайшее место может завести меня Карлан, дабы побеседовать наедине под благовидным предлогом. Может быть, он даже подглядывал за нами все это время? Действительно, странная семейка...

Но как бы то ни было, все обернулось к лучшему – по крайней мере, все были живы. Больше всего досталось Карлану, который схватился в неравном бою с одним из кабанов. Бой был неравным, прежде всего, для кабана, но Карлану тоже изрядно досталось – он больше не выходил из своих покоев. Врач предписал ему постельный режим, и каждый день ему меняли повязки, пропитанные кровью. Но судя по количеству еды, которую ему приносили в покои, он был вполне здоров. Такому человеку один злобный кабан явно не мог испортить настроение, ровно как и аппетит.

Я тоже была не в лучшей форме, прежде всего ментально, но и моему телу пришлось несладко. Я с ужасом каждый день рассматривала в зеркале огромный лиловый синяк на своем боку, с содроганием представляя на его месте зияющую кровавую рану.

К счастью, кроме этого синяка и пары ушибов ничего больше не было – даже кости были целы. Но в минуты спокойствия воображение и подсознание успешно брали свое, прокручивая у меня в голове страшные сцены раз за разом. Они так хорошо работали, что даже звук воссоздавался с потрясающей четкостью – я иногда вздрагивала и шарахалась в сторону, ожидая, что меня через мгновение проткнут длинные клыки кабана.

И хоть подсознание играло со мной злую шутку, я пыталась найти убежище в рациональном сознании, но оно давало мне больше вопросов, чем ответов. К примеру, каждый раз, как я внимательно рассматривала свой синяк, переливавшийся всеми оттенками боли, мне всегда приходила в голову одна мысль – как кабан ухитрился оттолкнуть меня, не задев своими клыками? Если это была его цель, то хорошо, но разве у животных могут быть подобные цели? Повалить жертву на землю, а затем затоптать ее насмерть? Когда можно серьезно ранить ее, когда она откровенно беззащитна и убегает от тебя?

Или я просто плохо понимала поведение кабанов – признаюсь, что раньше мне никогда не приходило в голову их изучать.

Так и прошли несколько дней – утром я читала книжку в кресле, завтракая у себя, на обед у меня были остроумные разговоры с молодым принцем Нарлом, который неожиданно оказался очень приятным и легким в общении собеседником, а ночью я пыталась заснуть, не тревожа больной бок.

И буквально на четвертый день меня вызвали в покои моего... кем же он мне все-таки приходился? Меня вызвали к принцу Карлану.

Было уже далеко за вечер, поэтому я чувствовала легкое беспокойство. О чем он хочет поговорить со мной в такое время? Спросить о моем самочувствии? Сказать, что у него все хорошо, чтобы я за него не беспокоилась? Или... он решил продолжить наш так внезапно прерванный разговор?

Или...

Или...

Как бы то ни было, но в этот раз я решила надеть легкое, повседневное платье. Оно было удобным, приличным и быстро снималось. Так, на всякий случай.

Конечно, у него могут быть еще далеко не зажившие раны... но какая разница? Они же у него *не везде*.

Уверенным шагом я направилась в его покои, а мое сердце предательски стучало в возбужденном темпе. Я больше не владела своим телом в полной мере.

Отворив массивную дверь, я проскользнула внутрь и очутилась напрямиком в спальне.

На кровати, распластавшись, лежал принц Карлан и залиvisto храпел на всю комнату. Сердце мое тотчас упало, а возбуждение покинуло мое тело, оставив место неприятной мокрой слабости.

Спит? Позвал меня и заснул? Нет, конечно, я слышала про легкомысленных мужей, которые засыпали буквально сразу же после окончания всего интересного, но, чтобы заснуть задолго до начала? Такого я еще не видела, но разве не говорится, что век живи, а век...

Тут мое внимание привлекло нечто иное. В полумраке я заметила стоящую рядом с кроватью фигуру, которая отчаянно жестикулировала мне. И только внезапное самообладание и удивление заставило меня не вскрикнуть. Я прижала руку ко рту, когда фигура быстро подошла ко мне. Это был высокий мужчина с длинными черными волосами, зачесанными назад. Правильные черты лица, опрятная и очень хорошо смотрящаяся на нем одежда, уверенный вид...

Да, это был принц Нарл.

Я бросила в него удивленный взгляд, но он лишь улыбнулся и, галантно приобняв меня за плечи, провел в соседнюю комнату, которая на первый взгляд представляла собой нечто вроде кабинета. Нарл закрыл дверь, и храп внезапно прекратился – звукоизоляция здесь была потрясающей.

– Я глубоко извиняюсь перед тобой, принцесса, но позволь мне объяснить тебе столь странное поведение.

Смотрел он на меня нахально и насмешливо, можно сказать, слегка надменно и даже высокомерно. Я привыкла, мне даже нравилось, когда он так делал, благо я не чувствовала, что он действительно испытывает ко мне такие чувства. Он просто играл, слегка издевался, дразнил меня, и я нередко поддерживала его в этих играх. Из-за таких постоянных дружеских, но крайне безобидных улюлюканий и издевок по отношению друг к другу, я чувствовала по отношению к нему странную близость, которая явно переходила границу дружбы. И он, наверное, чувствовал то же самое, поэтому иногда его издевки переходили грань приличия.

Но, в основном, он держался крайне благородно. Видимо, во мне он нашел того собеседника, с которым можно общаться непринужденно, избегая официоза придворного мира.

Я промолчала, нахмурившись. В тот момент я была слишком удивлена и немного раздосадована, чтобы поддерживать нашу обычную игру на должном уровне. Он, видимо, заметил это и смягчил напор. Он провел меня к широкому столу, легким и игривым жестом смел с него все бумаги и начал, насвистывая незамысловатый мотивчик, раскладывать дорогой сервиз, который он достал из настенного шкафчика. Чай уже, видимо, был приготовлен, поэтому вскоре мы уже сидели напротив друг друга и пристально рассматривали друг друга. А через мгновение внезапно громко рассмеялись.

Он вскинул руку, сдерживая смех:

– Тише, тише, Эвелинн, а то мой брат проснется.

– Вряд ли, судя по тому, как он спит и по тому, как изолирует звук это помещение.

Он кивнул, все еще усмехаясь. Доливая нам обоим вторую половинку чая, он решил зацепиться за мои слова и начать разговор издалека.

– Да, действительно, этот кабинет был построен таким образом, чтобы шум извне никак не мог мешать мыслительной работе.

Я решила поддержать его, но на краю моего сознания постепенно стало возникать крайне неприятное ощущение. Как будто приближалось нечто не очень приятное.

– Тогда почему этот кабинет находится здесь, рядом со спальней твоего брата? – невинно спросила я.

– Ты жестока, Эвелинн, – он шутливо погрозил мне пальцем. – Мой брат не так глуп, как многие считают. Слегка замкнут, это да. Но не глуп.

Улыбка постепенно начала сходить с его лица, а через пару секунд он напряженно вздохнул.

– Вот про это я и хотел с тобой поговорить. Про его глупость, точнее, ее отсутствие. И место это, поверь, выбрано далеко не случайно.

Я мгновенно напряглась. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что разговор будет куда более серьезным, чем те, которые у нас проходили обычно.

– В чем дело? – тихо спросила я.

Он отвел глаза, как будто стеснялся своих будущих слов. Мне почему-то его поведение показалось слегка наигранным, но эта мысль сразу отлетела на границу моего сознания, когда он перешел к сути.

– Эвелинн, постараюсь быть с тобой предельно честным, поэтому только за тобой остается выбор, верить мне или нет. Я не буду пытаться убедить тебя в своих доводах, расскажу лишь о фактах, которыми обладаю, и сделаю выводы, которые и так, как мне кажется, лежат на поверхности. За то короткое время, что мы с тобой общались, я понял одно – ты очень сообразительная, умная и интеллигентная девушка...

Черт, я опять краснею? Сколько же можно?

– Поэтому, – продолжал он, все еще не решаясь посмотреть на меня, – я и решил рассказать тебе то, что я знаю и то, что касается непосредственно тебя. Если ты мне не поверишь, то твое право, благо рассказывать тебе я ничего и не должен был. Я не должен был вмешиваться, мне это не несет никакой выгоды, лишь вред, если узнают, что я был замешан. Но...

Мне показалось, или он покраснел?

– Но... – он прокашлялся. – Я никогда не встречал такого человека, как ты, поэтому я бы хотел, чтобы ты осталась в живых. Чистое эгоистичное желание, ведь, возможно, когда-то мы снова встретимся?

Краска мгновенно отхлынула от моего лица, а мой мозг начал лихорадочно работать, сознание разгоняло туман у меня в голове, отчетливо предупреждая об опасности.

– Ты имеешь в виду, – сказала я, нахмурившись, – что меня могут убить?

Тут он внезапно повернул свои глаза ко мне. Взгляд его был полон сочувствия.

– Дело не в том, что тебя могут убить, Эвелинн. Эта мысль лишь выражает возможность сильного мира сего, если ты сделаешь что-то, что им не нравится. Мы все находимся в таком состоянии возможного убийства, просто у кого-то меньше ответственности. Нет, дело в том...

Его взгляд как будто проникал мне в душу.

– Что тебя *хотят* убить, Эвелинн. И как можно быстрее.

Когда вы слышите нечто экстраординарное, не укладывающееся в вашем сознании, то сперва воспринимаете это как шутку.

Я невольно рассмеялась. Правда, слегка нервно. Не каждый день услышишь, что тебя хотят убить, если целыми днями только и делаешь, что стараешься как можно меньше попадаться другим на глаза.

– Убить? Но, Нарл... я же обычная принцесса, я не претендую на трон, практически не участвую в королевской жизни. Зачем кому-то видеть меня мертвой?

Он покачал головой.

– Эвелинн, давай начнем наше рассуждение с другой стороны. Не станем пока отвечать на вопрос «зачем», не станем искать причину, а попытаемся распутать весь клубок событий, что происходили с тобой последние несколько лет. Ты можешь порассуждать вместе со мной... или сама идея, которую я озвучил ранее, кажется тебе абсурдной? Если так, то ты можешь встать и уйти, я не буду тебя удерживать силой. Я просто думал, что могу... помочь. Понимаешь?

Сейчас мне он казался крайне милым, но я отбросила это чувство в сторону, чтобы оно не заглушало рациональных мыслей о сложившейся ситуации. В принципе, вспомнить все то, что происходило со мной в последнее время, я хотела, но лично и в другой обстановке. Но... я не думаю, что Нарл начал бы этот разговор, если бы не знал обо мне. Если он хотел распутать клубок, то разве это не значит, что он и сам многое знает? А лишняя информация никогда не повредит... так?

Я кивнула, мои глаза были полны решимости.

– Давай. Я и сама хотела это сделать, но последнее событие буквально выбило меня из колеи.

Конечно же, я имела в виду тот случай на охоте, когда дикие звери забрели туда, где им быть было не положено.

– Я понимаю. Этот инцидент также непосредственно связан с тобой, но о нем позже. Давай начнем с того момента, как твой отец отправил тебя в твое первое свадебное путешествие. Ты можешь вкратце рассказать мне о нем? Не обязательно в подробностях, лишь общие черты.

Я сглотнула. Я все еще не хотела вспоминать о том периоде жизни, когда все мужчины признавали во мне хорошего собеседника, но никак не женщину. Но я рассказала сидящему напротив меня принцу все, что могла вспомнить, назвала имена всех царствующих особ, с которыми я встречалась. Я бы могла не рассказывать обо всем в таких подробностях, но я откровенно не видела смысла в утаивании какой-либо информации. А чем подробнее я все опишу, тем больше смогу понять и сама – бывает, что другому человеку ты рассказываешь даже больше, чем сам себе.

Принц внимательно слушал, вертя в руках пустую чашку.

– Хорошо, – он утвердительно кивнул, когда я окончила. – Давай остановимся на этих событиях. Ты задумывалась, почему ты так и не стала женой одного из принцев, которых ты встречала?

Я хотела было ответить, но что-то горькое и противное сжало мне горло. Словно заметив это, принц мягко поднял руку.

– Не надо, Эвелинн. Не травми себя. Это был слегка риторический вопрос. Я тебе сейчас постараюсь объяснить. Понимаешь, в мировой практике давно так сложилось, что два короля решают объединить своих детей в династическом браке. Ты это сама прекрасно знаешь. Но мало кто знает, пока сам не столкнется с этим на практике, что какой-либо стороне очень трудно отказаться от сего навязанного выбора.

Я кивнула.

– Я слышала про это...

Принц отрицательно покачал головой.

– Слышать одно, а испытывать в жизни совершенно другое. Вот, к примеру, как ты думаешь: какая серьезная причина для отказа может быть у одной из сторон?

– Ну... – я задумалась. – Например, если его или ее будущий спутник жизни совершенно не подходит по... скажем, по характеру?

– Чепуха.

Он сказал это так резко и таким насмешливым тоном, что я вдруг почувствовала себя маленькой девочкой.

– Эвелинн, ты очень умная девушка, но ты просто не сталкивалась с королевскими деловыми обычаями напрямую. Это можно понять, ведь ты не королева, а также не входишь в состав Совета, но все же это не отменяет факта твоего неведения. Эвелинн, чтобы у тебя не возникало двусмысленностей, я постараюсь объяснить все предельно просто.

Он взял короткую паузу, чтобы, видимо, собрать свои мысли воедино.

– Ни одна, подчеркну, Эвелинн, ни одна из сторон не может повлиять каким-либо серьезным образом на решение двух королев. Тут уже дело не том, нравится тебе человек или нет, в королевской игре мы должны лишь преданно исполнять волю своих государей. Ведь если, к примеру, одна из сторон категорически откажется состоять в браке с другой стороной, то согласно этикету отвергнутая сторона должна крайне обидеться. А это, Эвелинн, чаще всего выражается в торговых эмбарго, повышении пограничных пошлин, притеснении иностранных владельцев мануфактур – в общем, крайне неприятные для экономики последствия. Поэтому наши с тобой, Эвелинн, мысли и любовные фантазии тут не играют ровно никакой роли.

Система. Такая, какая она и должна быть. Но, я подумала про себя, в любой системе есть неприятные, но обусловленные жизнью исключения...

– И так происходит всегда? – спросила я.

– Ну... есть редкие исключения. Например, если будущий партнер оказывается полностью сумасшедшим, исполненным убийственных намерений или еще как-то пытается мешать спокойному течению придворной жизни. Но это бывает крайне редко и это точно не твой случай, Эвелинн. Ты... только не загордись, но ты была бы очень хорошей женой. Я признаюсь тебе в этом, как мужчина: ты спокойная, уравновешенная, с тобой приятно вести разговор на различные темы, от тебя не устаешь в духовном плане, ты можешь поддержать чьи-то начинания, ты не агрессивна, не пытаешься подмять чужую волю под себя... я бы мог еще долго перечислять твои достоинства, но ты и так слишком сильно раскраснелась. Или мне кажется? – он хитро мне подмигнул.

– И чтобы у тебя не оставалось каких-либо сомнений, чтобы ты перестала травить себя, то напоследок скажу, что ты действительно хороша собой... – он серьезно посмотрел на меня. – Ты желанна для многих мужчин, Эвелинн, потому что ты не требуешь для себя слишком многого, а многие мужчины – это крайне эгоистичные и жаждущие спокойной жизни создания.

– Как и все люди, – прошептала я.

Он моргнул от удивления, переваривая эту мысль.

– Да... наверное. Было бы несправедливо применять эту общую мысль, опираясь лишь на гендерные различия, ты права. Но факт это не отменяет – ни один из принцев, которых ты встречала, не имел никаких оснований отказаться от тебя. Ты сама не оставляла им такого выбора.

Мое лицо все еще горело, как солнце в приятный летний денек, но я старалась собрать все важные мысли воедино, старалась думать о главном.

– То есть это означает, что...

– Это означает прежде всего, – перебил он меня, – что ни один из встреченных тобой принцев не получал приказа взять тебя в жены. Давай опять начнем с самого начала. Ты прибываешь в первое королевство, но твой потенциальный супруг оказывается преждевременно погибшим, причем в совершенно необъяснимых обстоятельствах.

Я кивнула. Все так.

– Потом, – для наглядности он достал лист бумаги и перо, – ты, а точнее не ты, а твой принц-опекун получает письмо якобы от твоего отца, содержание которого ты не можешь узнать, потому что тебе ограничивают к нему доступ.

Он решил начертить все события, которые со мной происходили, в виде блок-схем. У принца явно было системное мышление, и он пытался учесть все имеющиеся факты.

В своих рассуждениях я также опиралась, прежде всего, на системные доводы. Но я также знала и изъяны такого подхода – ты никогда не можешь учесть абсолютно все факторы, а выстроившаяся логическая цепочка может выглядеть настолько прекрасной и неоспоримой, что ты можешь действовать сообразно с ней. И в этом и крылась ошибка многих любителей, которые решали задачи через систему. Они пытались возвыситься над ситуацией, думая, что теперь они всеведущи и всемогущи. Но система никогда не играет за человека, который ее использует, она, скорее, представляет собой обоюдоострый меч, который дает тебе знания и развивает тебя, но за свою жесткую плату.

И я также знала, что, выстраивая прекрасные логические цепочки, рассказывая другим про системный подход, можно очень легко дурить людей, которые четко видят все элементы твоего рассуждения, видят целую картину, но напрочь не замечают кинжал, занесенный у них над головой.

Но в тот момент я с интересом склонилась над листиком бумаги, на котором появлялись все новые элементы моего прошлого. Мне было жутко интересно, к чему все это приведет.

– Согласно этому письму, – продолжал принц, – тебя отправляют в другое королевство и так далее. Во всех этих странах тебе очень логично, но довольно сумбурно объясняют, почему на тебе не могут жениться. Ты, якобы, представляешь собой советника от своего отца и помогаешь союзным государствам разобраться в экономических и политических делах. Также они тебя учат всему, что сами знают, поэтому получается своеобразный симбиоз. Все это вызывает подозрение, потому что твоя столь неожиданная должность, практически не имеющая аналогов в истории, возникает буквально за один день, а ее источником является то самое таинственное письмо. То есть тебя предварительно не вводят в Совет твоего отца, не объясняют, что можно говорить, а что нет (не забывай, что твой отец руководит огромной шпионской сетью, поэтому это очень важно) и вообще никак не приготавливают тебя к твоей миссии. Я не слишком быстро объясняю?

– Нет-нет, я все понимаю, – успокоила я его. – Это же происходило со мной, и я уже обдумывала некоторые из этих событий. Многие из того, что ты говоришь, на самом деле совпадает с моими мыслями и доводами.

– Я и не сомневался, – самодовольно усмехнулся он. – У нас с тобой вообще очень много похожего в плане образа мыслей. Но это ладно, давай вернемся к твоему прошлому. После окончания твоей странной, но довольно занятой миссии ты возвращаешься к своим родителям и, ничего не подозревая, беспечно рассказываешь им о своих приключениях. Если я правильно понял твой тон, когда ты рассказывала об этом моменте, то твои родители были до глубины души удивлены таким исходом, более того – они думали, что ты уже счастливая жена одного из этих принцев. А тут ты неожиданно заявляешься обратно домой! Конечно, они были оскорблены таким исходом событий, а их реальное или притворное непонимание ситуации вылилось на тебя в виде внезапной злобы или презрения. Конечно, как ты уже поняла, злоба эта имела другой источник, а никак не вопрос о твоей женственности, как тебе внушили, но в итоге тебя посылают сюда.

– Да... получается, что так, – неуверенно пробормотала я.

Слишком уж много было белых пятен в этой простыне событий.

– Теперь я, наконец, могу подойти к тому, о чем я хотел сказать тебе в самом начале, но подумал, что будет лучше, если ты увидишь всю картину целиком, пусть для нас она пока не столь понятна.

Он поерзал в своем сидении, положил руки на стол, сложив их в замок.

– Ты хотел сказать мне, что меня хотят убить... – тихо сказала я.

– Да. Я сам об этом узнал лишь недавно. Ты приехала к нам совершенно неожиданно для всех, официального извещения я сам не видел, хотя довольно активно участвую в жизни замка. По всей видимости, о тебе знали лишь мой отец и мой брат, для остальных же ты была аристократкой, решившей проведать кого-то из придворных. Мы так решили и потому, что тебя поселили в комнате для гостей, а не в покоях для особ королевской крови.

То есть мой приезд решили скрыть? Я решила пока сильно не задумываться, чтобы легче воспринять последующие мысли моего собеседника.

– Далее мой брат решил пригласить тебя на охоту, что было вполне в его стиле, ведь он прослыл человеком замкнутым, нерешительным и уверенно себя чувствующим лишь вдали от большого скопления людей. Конечно, все это лишь маска, и тут можешь всецело мне поверить, потому что своего брата я знаю не первый год. Он настоящий воин, который представляет перед собой любую проблему, как поле для сражения. Он как будто постоянно на войне, Эвелинн. А на войне самое главное – это выжить. Любыми способами. На войне нет таких понятий, как честность или благородство. Все просто хотят жить и предпринимают все в соответствии с этим желанием.

Он коротко вздохнул.

– Ты можешь не верить касательно многоликости характера моего брата, потому что ты сама пока не видела этого лично. Давай лучше вернемся к фактам. Вы решаете выехать рано утром, хотя для этого откровенно нет нужды, если, конечно, не предупредить меня, что вы собираетесь выезжать гораздо позже.

– Но Карлан сказал, что ты особо не интересуешься охотой и что ты ненавидишь рано вставать...

– Эвелинн, я, может, и не особо интересуюсь охотой, но я прекрасно знаю, что подъем в 4 утра для нее совершенно необязателен. Можно встать и на три-четыре часа позже, не убудет. Но подчеркну, что мне брат сказал, что вы собираетесь на прогулку в лес ориентировочно в 8 часов. Про никакую охоту он не говорил, да и вообще он бы мне ничего не сказал, если бы я настойчиво не спрашивал. Я и правда вставать рано ненавижу, но в ту ночь мне не спалось, поэтому, встав в 6 утра, я направился в уборную, спросив по пути сонного слугу, не проснулся ли мой любимый брат.

Все эти манипуляции со временем почему-то напомнили мне сюжеты из дешевых детективных книжек, но одновременно все казалось мне крайне интересным.

– И что же я обнаружил, спросишь ты? – видно было, как принц все больше распалялся, подходя в своем рассказе к кульминационному моменту. – Мой брат уже, как оказалось, давно уехал, прихватив с собой тебя! Конечно, тут мою усталость как рукой сняло, я быстро оделся, схватил первое попавшееся оружие, вскочил на коня и помчался за вами, благо я примерно знал, куда вы могли поехать. Слава Творцу, что я угадал и что я приехал вовремя!

Я уже благодарил моего спасителя, но жизнь всего одна, а слов можно сказать много, поэтому я от всей души поблагодарила его еще раз.

– Не стоит, Эвелинн, я тебе уже говорил. Не стоит, – было видно, что он слегка смущен. – Давай лучше продолжим. Я приехал действительно вовремя и, чем все закончилось, ты знаешь, но не показалась ли тебе та ситуация немного странной?

– Показалась, – мгновенно ответила я. – Не думаю, что дикие кабаны могли появиться в таком месте, вдвоём вдвоем, и решительно напасть на людей, хотя мы до этого не угрожали их жизни.

Принц удовлетворительно кивнул. Видимо, мои доводы полностью совпали с его.

– Верно, – сказал он. – Верно.

Немного помолчав, он внезапно решил сменить тему.

– Эвелинн, я заметил, что, когда ты только к нам приехала, ты начала читать одну довольно интересную книгу.

Он имел в виду ту скверно написанную книжку, которая была большей частью посвящена традициям охоты этого королевства.

– Да, мне показалось, что таким образом я быстрее обрету знания о культуре и традициях Кони. Книга, правда, оказалась немного однобокой – автор, видимо, очень любил охоту и все с ней связанное, что остальные главы как будто были добавлены нехотя, в качестве дописка. Карлан... рассказывал, что эту книгу написал его один хороший друг, который, к несчастью, погиб.

Нарл заговорщицки нагнулся ко мне и спросил шепотом:

– А мой дорогой брат случайно не рассказывал тебе, как погиб его друг?

Я отрицательно покачала головой.

– Я и сам не знаю всех подробностей, – принц задумчиво почесал подбородок и откинулся на спинку своего высокого стула. – Но это точно произошло на охоте. И Карлан в тот момент был рядом с ним. Несчастный случай, как все потом говорили. Теперь ты начинаешь меня понимать?

Нечто холодное пробежало у меня по спине. Сердце на мгновение остановилось, а затем забило в учащенном темпе.

– Ты хочешь сказать... – начала я, но принц взмахом руки перебил меня.

– Постой. Не торопись с выводами. Посмотри лучше на это.

И с этими словами он достал откуда-то из-под стола красивую чашечку из тонкого фарфора. Я аккуратно взяла ее в руки, повертела из стороны в сторону, а затем посмотрела внутрь. При поверхностном взгляде заметить это было невероятно сложно, но если поднести чашку к свету и *захотеть* увидеть, то...

– Это... – пробормотала я.

– У тебя удивительно зоркий взгляд, Эвелинн. Ты никогда не задумывалась о профессии детектива? – он смотрел на меня с ехидной улыбкой, но мое неловкое движение заставило его забеспокоиться. – Нет-нет, не лезь туда руками!

Он ловким выпадом забрал чашку из моих рук.

– Я не врач, Эвелинн, и не биолог, поэтому давай не будем рисковать там, где мы не обладаем нужными знаниями, хорошо? Давай я буду держать чашку на свету, а ты еще раз взглянешь внутрь, но со стороны. Вот так... видишь?

Я еще раз взглянула на чашку. По ее внутреннему ободку песочной змейкой бежала какая-то красная, не видимая невооруженным глазом, линия. Словно какой-то осадок после чая, если ты завариваешь его в кружке из-за лени или отсутствия чайника.

Я рассказала о своих наблюдениях принцу.

– Да, ты все верно подметила. Эту чашку я взял со столика рядом с его кроватью. Еще до твоего прихода в ней был очень хороший чай, и мне на самом деле было несколько стыдно его выливать, но судя по всему этот самый чай мог стать для тебя последним.

Я невольно ахнула.

– Ты имеешь в виду...

Но он опять оборвал меня.

– Мы подошли к концу нашей общей истории, Эвелинн. Фактов очень и очень много, следовательно, много будет и выводов. Разумный человек в этот момент предпочел бы собрать больше доводов, чтобы общая картина была полнее, но *рациональный* человек... он бы подумал о сохранности своей жизни.

Он буравил меня своим взглядом, но я молчала. Видимо, он подумал, что я была в легком шоке, поэтому продолжил.

– Это *цикория*, Эвелинн, сильнодействующий яд, если употребить его в определенном количестве. Его я в свое время и обнаружил в кабинете моего брата, абсолютно случайно. И теперь этот яд также абсолютно случайно, но уже без моего вмешательства, перекочевал в чашку с напитком, который ты должна была разделить с моим братом. Эффект был бы не мгновенный, еще бы неделю ты бы пребывала в жуткой лихорадке, поэтому твою смерть можно было бы... объяснить.

– Но зачем... – я начала фразу, но тут же оборвала ее, закрыв рот ладонью.

Похоже, что мой чисто девичий шок и удивление удались на славу, – я не заметила, что мой собеседник хоть на мгновение изменил бы темп своей речи или свою общую энергетику. Это мне пока ничего не говорило – либо он действительно был на моей стороне и сейчас пытался убедить меня в подступающей опасности, либо он просто хорошо умел управлять собой.

Испугана я не была, потому что опасность для меня все еще была чисто гипотетической, но тревога легкими волнами уже касалась моего сознания. И один вопрос настойчиво привлекал мое внимание: «Зачем я кому-то была нужна?».

Меня почему-то начинало бесить и раздражать, что я, всю жизнь проведшая в домашней и спокойной обстановке, мало с кем общавшаяся, вдруг оказываюсь в центре какого-то королевского заговора. Как будто это мне так нужно было!

Но мое лицо и энергетика, надеюсь, не выражали моего пока слабого, но негодования. Нужно было продолжать играть испуганную девочку, пока такая возможность предоставлялась.

Я невольно вздрогнула – в этот момент, видимо, для усиления эффекта принц решил положить свою ладонь на мою. Я ощутила, как приятное тепло начало разливаться по моему телу и позволила своему лицу слегка покраснеть.

– Эвелинн, я сам пока еще многого не знаю. Правда. Но то, что мы с тобой видели и испытывали последние пару лет, уже должно навести нас на определенные подозрения. Ведь, когда ничего не понятно, то за этим что-то скрывается, ведь так?

Тепло постепенно переходило в легкий жар. Его энергетика буквально бурлила во мне так, что я не могла отнять руку. Вполне возможно, что таким действием он решил просканировать меня, но я из-за своего образа жизни испытывала к нему лишь возбуждение. Все мое тело било легкой дрожью, а энергетика излучала невинность. Мне не надо было притворяться, ведь я и была такой, но одновременно это было лучшей защитой против его манипулирования.

Сложно прочесть чьи-то мысли, если их нет.

Сложно взять что-то, чего не существует в природе.

Я почувствовала, как его рука оторвалась от моей, заметила легкое смущение, застывшее у него на лице.

Наверное, впервые принц Нарл столкнулся с живой системой. У нее нельзя было выиграть, против нее нельзя было проиграть. Она одновременно представляла собой хаос, но одновременно – и девственно чистый порядок.

Меня можно было только убить, но, похоже, что у принца это не входило в ближайшие планы. Поэтому я постаралась расслабиться и сосредоточилась на дальнейшем приеме информации, которую можно было бы использовать, чтобы выжить.

Остаточное тепло все еще циркулировало в моем теле, ватная сладостная слабость уступила место игольчатому возбуждению, которое разливалось по всему моему телу. Я впитала в себя энергетика принца и на мгновение почувствовала себя более насыщенной.

Я невинно потупила взор.

– Да, наверное, ты прав, но что тогда скрывается за всем этим?

Тут меня на мгновение осенила одна мысль, и я воскликнула:

– Карлан! Что с ним?

Нарл рассеянно махнул рукой.

– Спит. Крепко спит. Проснется только утром, поэтому мы успеем обсудить все, что хотим. Не бойся, я ничего не сделал с ним плохого, просто мне нужно было самому убедиться... я применил к нему безвредное снотворное, которое попадает в организм через дыхательные пути. Он сейчас очень слаб после сражения с диким кабаном, поэтому наутро я смогу убедить его, что он заснул, не дождавшись тебя, а ты не смогла его растолкать и решила дать ему отдохнуть. Важно то, что я смог вылить напиток из чашки и изучить ее содержимое. Пакетик с ядом в его шкафчике также был раскрыт, поэтому вывод для меня сразу стал очевидным.

Он слегка подождал, как будто собираясь с мыслями, но я краем глаза подметила, что он внимательно изучает меня, как будто ищет какой-то реакции. Я еще больше раскрыла ему свое изумление, и он, казалось, успокоился и продолжил:

– Ты можешь спросить, что, черт возьми, происходит? Это хороший вопрос, Эвелинн, но если бы я знал! Если бы я знал! Слишком много вопросов роится у меня в голове и в то же время слишком много подозрений, ничем не обоснованных! – тут он сощурился. – Например, ты знала, кем был тот самый Вентий, который волею случая оказался достаточно творческой личностью, что его книга оказалась у тебя на столе, и в то же время достаточно невезучим человеком, что смерть его подстерегла там, где никто не смог его защитить?

Я нахмурилась, не понимая, к чему он так театрально клонит.

– Он был моим и Карлана братом, Эвелинн. Третьим принцем, стоящим позади Карлана в линии наследования. . .

– Тогда зачем Карлану понадобилось его убивать? – напрямую решила спросить я.

– Эвелинн, в подобных критических ситуациях ты обезоруживающе прямолинейна. Это похвально, что твой дух силен, но я ни разу не сказал, что мой родной брат является убийцей. По крайней мере, – тут его лицо приобрело печальные черты, – я так хотел считать. Но теперь я не знаю, что и думать. Вентий был хорошим человеком, он никому не мешал, а в придворных играх его смерть никому не принесла бы пользы, поэтому я еще долго после его гибели считал произошедшее несчастным случаем. Но недавние события. . . я не знаю, Эвелинн. Я не могу вылить на тебя все мои подозрения, потому что у нас не так много осталось времени до того, как мой брат проснется. Скажу лишь, что в последнее время происходит нечто совершенно непонятное, необъяснимое, как и в моем мирном королевстве, так и во всем мире. Как будто все сговорились и стали одновременно нелогичными! Почему твой первый потенциальный жених не стал ожидать стражи и поехал в объезд главной дороги? Почему твой отец так и не выдал тебя замуж? Почему направил к нам и что делал в твоей кружке сильнейший природный яд, найти который возможно лишь в глубине наших лесов тому, кто прекрасно знает все их дороги и тропинки?

Он положил голову на раскрытые ладони, пальцы зарылись глубоко в волосы. Было видно, как он сильно устал пребывать в тягучей безызвестности.

– Эвелинн, – тихо сказал он. – Я ни черта не понимаю, что здесь происходит, но, по всей видимости, ты находишься в глубокой опасности. Я не знаю, правда ли тебя хотят убить, а если и хотят, то кто заказчик, а кто исполнитель. Я хотел поговорить с тобой не поэтому. Честно говоря, это было чисто эгоистическое желание, ведь помочь я тебе ничем не могу. Я думал, что ты можешь хоть слегка пролить свет на происходящее, но ты, видимо, знаешь еще меньше моего.

Он поднял голову и с серьезным выражением лица взглянул на меня. Я смотрела мимо и слегка кусала губы от нервов.

– Но ты на самом деле мне очень помогла, Эвелинн.

Я удивленно посмотрела на него.

– Да-да, не смотри на меня так! Я рассказал тебе лишь малую толику, чего знаю, но и этого было достаточно, чтобы облегчить душу, чтобы поговорить хоть с кем-то о происходящих вокруг событиях. Поэтому напоследок я хочу предложить тебе следующее. Ты можешь отказаться, это будет твое право, благо сейчас я совершенно не ведаю, что будет для тебя лучше. Считай это. . . альтернативой. Эвелинн, завтра вечером я уезжаю в другое королевство по политическим делам, порученным моим отцом. Даже если бы я был здесь все время, то я не смог бы защитить тебя, а вдали от моего дома я тем более буду бессилён. Буду краток: завтра вечером уезжаю из королевства не я один, но также один торговый караван, который принадлежит государству. Мы с ним поедем разными путями, но я хорошо знаю хозяина каравана, знаю людей, которые пойдут с ним. Это надежные ребята, с ними ты будешь в абсолютной безопасности. . .

Я слушала последующие детали вполуха, примечая лишь важные моменты. Мне дадут много денег. Я смогу, если захочу, поселиться в замке в том удаленном королевстве, куда направляется караван, а если надо – то и в постоялом дворе, благо денег хватит на аренду комнаты на два года вперед и даже больше. Я могу и не ехать, но тогда неизвестно, что со мной приключится в мирном королевстве Кони. Я могу поехать и к себе домой, мне даже предоставят лошадь и провиант, но проводника и стражу они выделить никак не могут. А если я приеду домой, то. . . тут я поежилась.

Да, видимо, мои наблюдения меня не подвели – принц и правда был абсолютно системным человеком. Даже чересчур.

Вся шутка системности, когда вы применяете ее к другому человеку для успешного его манипулирования, – это предложение человеку множества различных вариантов таким образом, чтобы у человека не осталось выбора и чтобы он был предельно счастлив, что о нем так заботятся и предлагают такое богатство выбора. На самом деле выбора никогда нет, и человек выберет то, что будет ему ближе. И даже если он специально решит выбрать другой вариант, чисто назло, то системный человек будет к этому готов, ведь все варианты в итоге приведут к одному и тому же исходу.

Я невольно улыбнулась. Принц увидел мою улыбку и, приободрившись, начал рассказывать, что хоть то королевство и чрезвычайно далекое, хоть оно и крайне бедное и малонаселенное, но оно мало кому известно и, следовательно, абсолютно безопасно. А оттуда я уже сама смогу решать, куда мне двигаться дальше.

И правда, куда же двигаться дальше, если королевство настолько удалено, что для его достижения требуется хорошо защищенный караван? И когда же я смогу что-то сама решить, если его абсолютная удаленность и безопасность предполагает полную изолированность от информационного сношения с другим миром?

Я представила себе это королевство на мировой карте, и оно оказалось ровно на краю моего воображаемого мира. Там, где не ступит нога рационального человека, потому что тому будет попросту лень.

А системный человек, оказавшись в лапах других системных людей... что он будет делать? Если у него есть силы, то он, конечно, может создать свою систему внутри их системы и таким образом не только выжить, но даже преуспеть.

Но у меня не было сил. Не было ресурсов. И даже не было желания.

Поэтому я решила сделать то, что делает любой системный человек в такой ситуации.

Просто плыть по течению. Даже зная, что в итоге это приведет к моей смерти.

Ведь, если ты хочешь выиграть у меня, то тебе остается лишь меня убить. И если кто-то решил прибегнуть к такому странному способу победы, если кто-то решил применить его к тому, кто вообще не представляет особой важности для остального мира, то что я могу сделать против этого?

Я покорюсь и буду веселиться, наблюдая. Потому что... потому что...

Что мне еще остается делать?!

13

Мне и правда выдали целую лошадь, которую, правда, обещали забрать в конце путешествия, деньги, а также заверили, что я буду в относительной безопасности, если, конечно, не совершу нечто из ряда вон выходящего. Непонятно, что я такого могла совершить на абсолютно гладкой дороге длиной в две недели. Но я на всякий случай пообещала, что постараюсь вести себя хорошо.

Мои спутники, которые представляли собой торговцев и их помощников, со мной практически не заговаривали. Думаю, этому способствовал некий незримый мне приказ, потому что после нескольких дней бесконечной скуки, навеваемой нескончаемой дорогой, я буквально могла начать лезть на стену, если бы она существовала. Именно поэтому я предпринимала робкие попытки заговорить с кем-то из моих временных компаньонов, но меня настолько вежливо избегали, что я вскоре поняла бесполезность этой затеи. Непонятно было, кто и зачем приказал торговцам избегать излишнего контакта с моей персоной, но приказ этот они исполняли с особой, даже, можно сказать, несколько извращенной, тщательностью.

Мне оставалось лишь уныло плестись по дороге в неизвестное, но крайне далекое место, глотать пыль, рассматривать окружающие нас зеленые просторы, от которых начало подташнивать уже после второго дня, да предпринимать тщетные попытки развеять скуку чтением,

когда мы ночью останавливались в постоянных дворах. Последнее никак не могло мне помочь, потому что после целого дня в дороге я чувствовала себя абсолютно опустошенной, хотелось лишь есть и спать беспробудным сном. Тот факт, что буквально через шесть часов после приезда нужно было вставать, чтобы снова собираться в путь, никак не добавлял веселых ноток к моим размеренным и рутинным повседневным событиям.

Раздеваясь и валясь как свежеспаленное дерево на кровать, я испытывала легкое уважение к мужчинам-торговцам, которые по приезду на постоялый двор быстро раскладывали товары из повозок, распределяли охрану по местам, давали свежий корм лошадям, долго разговаривали о чем-то с хозяином... у меня хватало лишь сил отдать деньги, подняться к себе в комнату и уснуть. Действительно, их рабочая энергетика была неисчерпаема.

Когда я задумалась об этом, мне показалось, что, *системно говоря*, такое ответственное и серьезное отношение к работе может быть только тогда, когда на кон поставлено нечто существенное. Хоть торговцам и было приказано не разговаривать со мной больше необходимого, но и друг с другом они не позволяли себе лишнего. Нет, они общались приветливо, дружелюбно, а в дороге довольно оживленно, но также были явно заметны их общее напряжение, их невиданная сосредоточенность.

Ранее я видела путешествующих торговцев, которые приезжали в наше королевство. Меня всегда интересовали их диковинки, привезенные с разных концов света, что я могла иногда побороть свою лень и прийти пораньше, к самому началу их торгов, когда их ассортимент был практически нетронут. Но тогда же я начала замечать некие общие черты, которые были присущи всем торговцам, которых я встречала. Первое, что бросалось в глаза, было их беспробудное веселье, не омрачаемое ни неожиданной сменой погоды, ни плохим ходом торговли, ни новыми пошлинами и налогами, которые государства придумывали против приезжих торговцев. Нет, их неуемная жизнерадостная энергетика и саркастическое отношение к миру стали для них некой визитной карточкой, особенностью их сервиса, способностью лишь за счет своего обаяния продать то, что тебе на самом деле не особо было и нужно. Я думаю, что такие особенные характеры культивировались и развивались в среде, где преобладали долгие, но в то же время крайне опасные дороги, где связи обладали большей ценностью, чем деньги, где жажда легкой наживы быстро сменялась жаждой к легкой жизни. По-другому они себя вести попросту не могли, жизнь всегда системно вносит свои коррективы.

Конечно, это касалось только торговцев-путешественников, которые занимались либо банальной перепродажей, либо создавали непрочные, но крайне выгодные союзы с наемниками и искателями приключений, продавая последним обмундирование, а также ценную информацию в обмен на сокровища *вон в той* опасной пещере. Торговцы-резиденты, которые были либо наемными продавцами в местных магазинах, либо сбывали с рук товары собственного производства, существенно отличались от своих странствующих собратьев. При общении с ними вы могли услышать и жалобные истории из их жизни, и хамский тон по отношению к покупателю, который чем-то не угодил продавцу. Они торговали, чтобы заработать себе на жизнь, воспринимая свой род деятельности как рутинную, но необходимую для проживания работу, в то время как кочующие с места на место торговцы воспринимали саму торговлю как стиль жизни.

Второе, что бросалось в глаза при общении с ними – это постоянная и неутолимая тяга к выпивке. Пили они буквально каждый день, и, видимо, причина кратковременности их жизни крылась, прежде всего, в кружке на их столе. Они уже не могли воспринимать этот мир трезвыми – он был для них слишком однообразным без вливания в себя доброй порции алкоголя.

Но мои временные компаньоны, очевидно, принадлежали к совершенно другой породе. Я не сталкивалась ранее с большими караванами, но, думаю, что большой объем торговли означает и приличный оборот, поэтому некоторая серьезность и профессиональный подход к

делу тут никогда не помешают. Но эти люди были слишком... сконцентрированы. Как будто любое неверное движение будет стоить им жизни.

Взять хотя бы охрану. Ее тут было много, так много, что ее хватало, чтобы распределить всех наемников вдоль всего каравана. Это обозначало профессиональную заботу о сохранности своих товаров, но одновременно такое количество воинов требовали немалых затрат в плане их содержания и оплаты их услуг. Думаю, что если суммировать все расходы на обеспечение защиты каравана, то общий проект после продажи абсолютно всех товаров окажется нерентабельным. Конечно, сами торговцы не нанимали таких дорогих стражников, все же это был государственный торговый караван, но зачем даже государству платить такие деньги? И если мои математические выкладки верны, то что за груз они перевозят, чтобы окупить все эти затраты? Или им вовсе не нужно ничего окупать, им нужно всего лишь его доставить?..

Охрана, если смотреть поверхностно, действовала довольно слаженно – днем они сопровождали караван, разбиваясь на маленькие группки, а ночью вставали на стражу, меняя часовых. Затем караван постепенно отъезжал, а бывшие часовые ложились спать, чтобы затем нагнать медленно бредущий по дороге караван. Мне их действия казались довольно профессиональными, хотя я в вопросе конвоирования и охраны грузов откровенно не разбиралась. Просто в столь скучной ситуации приходилось думать обо всем подряд, чтобы хоть как-то разнообразить столь вялое и однообразное путешествие.

Мне начало везти лишь через четыре-пять дней нашего путешествия, когда я начала понимать, что ванную я не смогу принять еще около недели, что солнце печет уж слишком сильно, что пыли я наглоталась на век вперед и что у скуки, как оказалось, есть *оттенки*. Короче, мне было грустно, печально, а заговорить было ровно не с кем, что я начала потихоньку винить себя, что не осталась в замке. Смерть от руки принцев представлялась мне, по крайней мере, *интересной*.

В общем, я слегка отчаялась.

И тут... появилась она.

В принципе, она всегда была рядом со мной, если можно считать, что люди в караване, протянувшись на несколько километров, находятся рядом. Но так как она явно принадлежала к участникам этого бедлама, который на протяжении двух недель и составлял весь мой мир, то можно было с уверенностью сказать, что она была от меня ближе некуда.

Я первый раз заметила ее слева от себя на четвертый или пятый день нашего путешествия, что уже очень хорошо говорило о моем состоянии – все дни сливались в один бесконечный, пыльный и тягучий, а свое окружение по сторонам я запоминала с особой четкостью, благо менялось оно чрезвычайно редко.

Она была молода, одета в легкую кожаную броню (как же ей было жарко, наверное!), а с пояса свисал длинный клинок, облаченный в невзрачного вида ножны. Ее короткие волосы были подстрижены в каре, а цвет их на тот момент был явственно серым – девушка, видимо, за время всего путешествия ни разу их не промывала.

С виду она была какой-то маленькой, незаметной и даже бедной по сравнению с другими стражниками, которые гордо сопровождали караван, как будто он был их собственностью. Да, она явственно была стражником, да еще и женского пола, хотя на тот момент я не особо удивлялась этому – все больше девушек записывалось в наемники во многих королевствах, хотя их общее количество вряд ли было велико. Еще слишком много предрассудков было по отношению к тому, чтобы женщина держала оружие, охраняла кого-то или убивала. Для людей это зрелище было немного непривычным, поэтому нанимать все еще предпочитали мужчин, потому что так как-то... надежнее.

Тут она подъехала ко мне и невинным голосом спросила:

– Ну что, ты тоже не хочешь разговаривать?

Дорожная рутина настолько одолела меня, что я сперва подумала, что рядом со мной вырос призрак из пыли и грязи.

– Простите? – ошалело спросила я.

– Да не, забей, хорошая погода, все такое, – ее голос звучал несколько отдаленно, я заметила, что она успела уже отъехать от меня на свое прежнее место.

Я почесала в затылке от недоумения и взялась несколько разрешить столь непонятную ситуацию, благо делать было все равно откровенно нечего. Я подъехала к ней поближе.

– Простите, но я вас не совсем поняла. Можете, пожалуйста, еще раз сказать, что вы хотели? Наверное, я была вся в своих мыслях, поэтому...

Но девушка оборвала меня своим радостным восклицанием.

– Ого, живая! Разговаривает!!

Тут я почувствовала, как меня пронзили холодные взгляды окружающих нас людей. Столь яркое проявление эмоций являло собой не совсем приличное явление в нашей похоронной процессии.

Девушка, видимо, также заметила это. Она закрыла рот рукой и захихикала.

– Извини. Просто редко в последнее время встретишь человека, с которым можно поговорить, а?

Я улыбнулась.

– Да. Наверное... то есть с вами тоже не особо общаются?

Девушка, резко нахмурившись, посмотрела на меня.

– А можно на «ты», а? А то я чувствую себя, словно в гостях у этих, как их там, ристокротов...

– Давай на «ты». Я не против, – с легкостью сказала я.

В тот момент я могла говорить о себе и о другом человеке хоть в среднем роде, настолько я изголодалась по общению и поступающей в мозг свежей информации.

– Да эти типы ваще странные, понимаешь? Веришь, но за все путешествие ни один из них даже раз к бутылке не приложился?!

– Да, согласна, это действительно странно, – вежливо сказала я. – А ты, насколько я могу судить, стражница?

– Эй, подруга, не путай! Я наемница! Ёпт!

– Ё... пт? – недоуменно спросила я.

– Ага! Абсолютный ёпт, сечешь? Полный такой и круглый ёпт, ага? Я сама пробиваю себе дорогу в жизнь, вот так!

Тут она с некоторой надеждой посмотрела на меня.

– Ты понимаешь?

– Э, да... наверное. Ёпт и все такое, – проговорила я, прокашлявшись.

Девушка с размаху ударила меня по плечу. Прикосновение было такой силы, что я едва не вылетела из седла. Никогда бы не подумала, что в столь хрупкой фигурке находится столь много силы, ровно как и невоспитанности.

– Так ты принадлежишь к группе этих страж... наемников, которые вызвались охранять караван? Вы, получается, вместе?

Это был вполне логичный вопрос, потому что обычно стражники объединялись в одну группу или нанимались в крупную контору, где им предоставляли постоянные заказы в обмен на определенный процент с суммы оплаты.

Девушка посмотрела на меня, как на чумную.

– Да ты чо! Ваще, что ль, сдурела? С какими еще ними? Я ж тебе объяснила уже – я сама по себе! Понимаешь?

– Извини за мою некомпетентность, просто мне показалось, что абсолютно все стражники здесь знакомы друг с другом, что они принадлежат к одной группе. Я не права?

У девушки заметно задергалась щека.

– Это... как бы тебе сказать... один из этих хмырей серьезно заболел, а денег у них особо не оставалось, а тут я, в общем... тут да сям, всего за полцены, а мне как раз нужно было в том направлении, поэтому... эй, да что я перед тобой оправдываюсь! Ты вообще кто такая?

Я не растерялась и протянула ей свою руку.

– Эвелинн, – представилась я.

Она недоверчиво посмотрела на протянутую ей руку, словно она была змеей. Но все же осторожно пожала ее.

– Фиона, знаменитая наемница во всех ста королевствах!

– Вообще-то на западной части нашего мира на данный момент их задокументировано около семидесяти, если не считать...

– Эй, ты чо! – недовольно воскликнула Фиона. – Заумная, шо ль? Может, я имела в виду то время, когда их было сто! Настолько продолжительна моя слава!

– Если честно, – резонно отметила я, – то сто их было лишь пару веков назад, а если взять в расчет твой возраст, то...

– Хватит! – девушка яростно всплеснула руками. – В общем, я крутая, прям ваще! А если ты такая вся умная разумная, то давай дуэль забахаем по приезду!

– Боюсь, что вынуждена отказаться. Твоя победа уж очень очевидна, я все-таки не работаю наемницей.

– Вот и не болтай тогда лишнего, ага? На практике все вы оказываетесь не у дел, сечешь?

– Секу, – кивнула я.

В таком ключе и проходили наши разговоры на протяжении всего остатка путешествия. Разговором это, конечно, назвать было трудно, скорее это был обмен репликами между людьми, выросшими и находящимися в разных мирах. Или системах.

Но я была благодарна Фионе, что она спасла меня от беспросветной скуки и уныния тяжелой дороги. Возможно, она была также благодарна мне, потому что ее речь была живой, быстрой, колкой и богатой на разнообразные выпады.

В иное время я бы не смогла продержаться и день, общаясь с таким невоспитанным человеком. Ее образ мыслей, стиль жизни и даже построение смысловых выражений буквально коробили мою сущность, испытывали ее на прочность. Я ощущала себя взрослой, находящейся рядом с малым ребенком, которого буквально секунду назад нашли в грязной канаве.

Но чем-то, пусть даже и в извращенном смысле, мне разговор с ней очень нравился. Она была жизнерадостна, энергична и никогда не ставила под сомнения свои мысли, поступки и намерения. Она буквально гордилась собой, какая она есть, и верила, что будущая она будет только лучше, краше и сильнее. Конечно, данные мысли чаще всего выражались в упреках в сторону своего собеседника. Она как будто постоянно ментально ощупывала меня, пыталась понять, а, не поняв – заключала в узкую клетку собственных умозаключений. Ей словно было важно прикрепить ко мне ярлык, определить мою жизненную категорию или включить в свою систему понятий, которые и составляли ее книгу правил, которыми она руководствовалась в своей жизни.

Согласно ее понятиям я была определена в группу «домашних», то есть ту презренную касту молодых людей, которые воспитывались в хороших условиях и в образованных семьях. Эти люди, по мнению Фионы, не имели никакого представления о том, что на самом деле представляет из себя настоящая жизнь, они по-настоящему не могли вкусить все тяготы и лишения, а поэтому не оставляли никакой возможности к уважению со стороны нормального человека.

Нормальные люди, опять же по ее мнению, воспитывались на улице, выживали, как могли, вели честный образ жизни, который по мне слегка отдавал бандитизмом, и всегда говорили то, что у них было на уме.

Конечно, дошло до того, что мы начали спрашивать друг друга, откуда мы и куда направляемся. Фиона оказалась всего на пару лет младше меня, ей было шестнадцать, и, судя по ее несчастной истории, с молодых ногтей она оказалась на улице, сбежав от пьяницы-отца, и зарабатывала свой хлеб в крови и поте, пока ей неожиданно не подвернулось вот это заманчивое дельце. Хоть ей и внаглую заплатили в три раза меньше, чем остальным, но для нее деньги все равно были приличными, а хлопот, кроме долгой дороги и бессонных ночей, особо не было.

Я не особо расчувствовалась после ее слезливой истории, потому что знала, что это обычное явление среди людей подобного типа врать напрапалую, выдавая себя за нечто большее, чем ты собой представляешь, и любыми способами выдавливая из другого человека чувство вины, ответственности или грусти. Хотя я, конечно, не была лучше – я решила соврать касательно моего благородного происхождения и сказала Фионе, что я родом из Грескина, маленького королевства, которое граничит с Кони, из семьи зажиточного предпринимателя. Отец с матерью развелись, когда мне было всего шесть лет, и моя мать решила остаться у себя на Родине, а отец перебрался в другие края, намереваясь хорошенько заработать. Затем он преуспел, и мать, отчаявшись, так как она очень любила меня, стала умолять его, чтобы я жила у него, чтобы я ушла от бедной и пустой жизни, чтобы нашла себе хорошую работу и хорошего мужа в каком-то крупном городе. Отец согласился, и я стала помогать ему. Прошло более десятка лет, а отец так и не обрел новую любовь, он теперь не такой вспыльчивый и ранимый, как раньше, он просто хочет спокойно работать и спокойно жить. Поэтому я еду, чтобы проведать свою дорогую мать, а затем, возможно, получится уговорить ее уехать обратно со мной.

История, если выразаться словами из запаса Фионы, была откровенно фуфловой, но она изобиловала фактами и различными деталями, что многие люди, выслушав ее, попросту потеряли бы интерес к моей персоне. Фиона даже не дослушала меня до конца и радостно воскликнула, что была права, что я была из обеспеченной и хорошей семьи, а также не преминула добавить, что мой отец тот еще идиот, ведь давно можно было найти себе сочную и молодую девушку, ведь деньги, как всем хорошо известно, в нашей жизни решают все.

Я кивала и миролюбиво соглашалась со всеми ее наставлениями, принимала ее богатый жизненный опыт к сведению и делала все возможное, чтобы не вспылить и не настучать ей по голове. К счастью, последнему мешали ее недюжинная сила и долгая скучная дорога.

Почему-то я решила начать скрывать мое настоящее происхождение, хотя раньше я всегда предпочитала говорить правду и только правду. Я всегда считала, что настоящая правда обезоруживает, а ты, в свою очередь, не тратишь энергию на поддержание своей легенды.

Но в последнее время я все чаще стала задумываться, что миру не особо и нужна моя правда. Что люди ожидают от тебя определенных слов, действий, потому что так принято. Быть собой неминуемо означает натолкнуться на противодействие. Эта мысль была ужасно системной, и из-за этого мне становилось еще грустнее.

И если уж я начинала думать системно, то вторая мысль, которая приходила мне в голову, заключалась в том, что, возможно, мне попросту не суждено быть принцессой. Да, это противоречит всем законам вселенной, ведь я родилась принцессой и должна быть, по меньшей мере, принцессой, а то и королевой. Но что такое законы вселенной перед системой? Что, если меня... не пускают? Что, если это попросту не мое?

Ведь мне все объясняли, что не бывает такого, чтобы принц отказался от своей нареченной. Не бывает и все. А от меня отказывались. И не раз. Более того, мне даже ни разу, вот ни разу не предоставили покоев, подходящих моему статусу!

Что, если я создана для чего-то другого? Работать в поле, печь пирожки, держать свой магазинчик? Помогать кому-то в какой-то компании? Что, если вся придворная жизнь не для меня, если меня так старательно от нее отгораживают? Зачем стараться плыть против течения, если жизнь уже несколько раз успешно доказывает свою правоту? Зачем набивать шишки чисто ради опыта, когда это не несет практической пользы?

И если бы я четко представляла цель в своей жизни, к чему можно было бы стремиться, на что можно устремить все свои силы... но какая может быть цель у человека, который практически ничего не умеет? В чем-то Фиона была действительно права – я была из хорошей семьи, я была воспитана и одновременно совершенно бесполезна. И, что главное, я не прикладывала ровно никаких усилий, чтобы стать полезной, пригодной этому обществу. Я просто праздно бездействовала, ожидая, что жизнь куда-то меня устроит, что мне просто скажут, что делать.

Но так ведь не происходит, верно?

И что мне тогда делать в этом мире? Куда податься?

Кто я такая вообще?

С этими философскими, но крайне грустными и одновременно отдающими тухлой практичностью, мыслями я, наконец, въехала в городок, который и представлял цель моего долгого путешествия.

Одного моего мрачного взгляда было достаточно, чтобы понять, какая это была дыра.

Я пожалала плечами и встряхнула головой.

Ну и что, что я бесполезна? Может быть, в этом и есть мое призвание? Быть откровенно бесполезной? А раз так, то начать новую бесполезную жизнь в этом откровенно бесполезном городе стоит с одной простой вещи...

Надо срочно найти ванную.

Часть 2

Моя система началась с типичной жизни внутри замка, благо на свет я родилась уже принцессой. Таким образом, мое сословное предназначение было вполне predetermined, что, с одной стороны, было хорошо.

С другой стороны... все также было хорошо, ведь кто не захочет быть принцессой?

Но если мы сужаем поле нашего обзора, фокусируем наш взгляд на конкретной проблеме, то считаю, что вполне пристойно будет поднять даже один острый гендерный вопрос.

Вот возвращаясь к тем же принцам и принцессам – кому лучше живется?

Итак, здесь предварительно стоит суммировать такие факторы, как местоположение рассматриваемого королевства, его обычаи, нравы, а также...

Хотя, может, хватить занудствовать? Принцессам живется лучше и точка. По крайней мере, мне так кажется. И да, я говорю за себя – за кого еще мне говорить? А всякая статистика, социальные опросы, исторические примеры... кому они нужны?

И в этом еще один существенный недостаток системы, с которым каждому приходится столкнуться. Она крайне антинаучна. Настолько, что если она и наука плыли бы в одной лодке, то вскоре система огрела бы науку веслом, потом тысячу бы раз пожалела об этом, а затем, искренне извиняясь, сделала бы из науки парус и поплыла вперед уже без помощи весел.

Вот она так всегда – собирает все данные вместе, анализирует их, потом в эмоциональном порыве разрушает все, до чего может дотянуться, и лишь затем, в порыве отчаяния, создает нечто, что облегчает работу. И все ради нее.

Ради Цели.

1

Я стояла перед огромными древними воротами в замок.

Да-да, знаю, буквально полдня назад я всем готова была признать, что принцесса из меня никудышная и что я готова пойти работать хоть швеей, хоть пастушкой, чтобы приносить хоть какую-то пользу обществу, но, во-первых, мой визит в замок никак не обозначает уход от моих новых идей. А во-вторых... довольно сложно отказаться от былых привычек, связанных, пре-

имущественно, с подъемом в три часа дня, лежанием на кровати, чтением интересных книг, а также предвкушением следующего прекрасного дня, который обещал бы быть ровно таким же. Да, я прекрасно знала свою натуру – я обожала бездельничать или делать что-то, но только по особому желанию.

Но ведь принцессы же так и делают, правда? Они буквально созданы для такой жизни, пока остальные трудятся в поте лица своего, чтобы потом ухитриться оставить себе лишний ломоть хлеба, пока государство не отобрало все до последней крохи? Конечно, в достижении этой цели мне всячески пытались препятствовать, но мне казалось, что я была готова, что моя теория, почерпнутая из соответствующей литературы, успешно закрепится практикой и что я смогу продолжать свой обычный образ жизни.

Но где-то я серьезно просчиталась. Наверное, я просто перестаралась в своей подготовке. Первым серьезным препятствием на пути к моей богемной жизни было, несомненно, замужество. Все эти ухаживания, ритуалы, поздравления, розовые облака, цветы – всегда считала, что чем больше помпезности вкладывают в тот или иной обычай, тем больше темноты скрывается за кулисами. Апофеоз торжественности и сладостно-нервного предвкушения, связанные со свадьбой, были очень схожи с впечатлениями очевидцев, судя по описаниям в исторических хрониках, присутствующих на масштабных мероприятиях жертвоприношения. На таких событиях, кстати, девственницы также *особенно* ценились – считалось, что они могли принести удачу на многие десятилетия вперед. Возможно, так оно и было.

Но я же считала себя самой умной, вот и решила подойти к вопросу несколько более системно. Если замужество открывает врата ада для практически любой женщины, то зачем так активно готовить себя в жертву, посыпая себя специями и поливая соусом? Я же все-таки живой человек, а не пицца какая-то. Вот я и решила делать ровным счетом ничего.

Расчет был донельзя идеальным. Если, согласно вековым традициям и обычаям, от девушки, какой бы вредной она ни была, нельзя было отказаться, то принц берет тебя в жены, скачет, как дурак, первые несколько недель вокруг, потом ему, конечно же, надоедает, и он идет на рыбалку, выпивать с друзьями и решать прочие столь важные государственные дела, оставляя тебя в блаженном покое. Я в это время могу спокойно перебраться в другую удобную мне комнату (я же принцесса, так?), повесить на дверь предостерегающую табличку и... нет, конечно, рано или поздно ко мне пристали бы с детьми. Сначала бы, правда, пристали к нему, а он, растерянно моргая глазами, постучался бы ко мне и затравленно сказал: «В общем, это... тут, понимаешь, приказ есть...». И все сразу стало бы понятно.

Вот дети – это да. Полностью асистемная материя, не подчиняющаяся никаким правилам. Что бы ты ни планировал, как бы ты ни подготавливался – все равно все произойдет ровным счетом наоборот. Именно поэтому загодя я считала себя идеальной матерью, ведь тот, кто не планирует и не готовится заранее, в итоге никогда не ошибается.

Но жизни обязательно нужно было внести свои правки. Или просто мне так везет? Короче говоря, меня абсолютно все полностью и бесповоротно обманывали всю мою сознательную жизнь. Все – мои родители, чертовы принцы, мои сестры-принцессы, слуги, книги... так и представляю, как все они собираются в одной темной и душной комнатухе и со зловещими лицами обсуждают свои коварные планы касательно меня.

Многие, наверное, подумали, что такая сознательная и благоразумная девушка, как я, которая любит подвергать все анализу, прислушалась бы к словам благородного принца Нарла о подстерегающей меня опасности, стала бы расчерчивать в уме нарисованную им блок-схему, разбивала бы события в определенные категории... какая чепуха! Уже после первых его слов я перестала обращать особое внимание на его речь.

Вы ведь подумайте – и это они мне втирали всю мою жизнь! И я еще смела верить! Дескать, никакой принц не может отказаться от своей нареченной, потому что, видите ли, система!

Система, говорите?

Чертовы идиоты. Да что вы знаете о системах?! Система – это когда все работает в *мою* пользу. Мою! Только я имею право рассматривать события в жизни, когда жизнь умудрялась меня переиграть. Это примерно та же ситуация, когда безногий человек смеется над своим недугом, и вы решаете тоже вставить в разговор свою колкость. Сразу увидите осуждающий холодный взгляд, вот поверьте. Поэтому не надо лезть в мою вотчину, не надо пытаться вешать мне лапшу на уши, прикрываясь системами! Эта ситуация начинает немного бесить меня...

Ой, смотри, Эвелинн, какой я умный да разумный. Смотри, в одной ручке у тебя один фактик, что никто тебя не берет замуж. А вот в другой ручке, ты внимательно посмотри, Эвелинн... ну, что ты видишь? Правильно, милая моя, абсолютно системный факт, что принц не может отказаться от тебя под страхом ужасного наказания, которое я приводить тебе не буду, естественно, потому что сам про него ничегошеньки не знаю. А теперь давай, дорогая, соединим эти два прекрасных фактика и-и-и... что у нас получается? Заговор, Эвелинн, всюду сплошные заговоры, бууу!

Вот же придурки. И я еще большая дура, если этому всему верила. Принц не может отказаться от принцессы? ЧТО?! Вы надо мной насмехаетесь?!

Настолько насмехаетесь, что каким-то образом заблокировали в моем сознании призрачные воспоминания из моего детства? Когда моя сестра возвращалась домой из далекого королевства, принц которого отказывался от нее, потому что она слишком много пила и заглядывалась на других мужчин? Да такое же встречалось... повсеместно, черт возьми! Просто я почему-то из-за всех этих обещаний, напутствий и прочих смысловых изысков, которые засорили мое сознание, напрочь забыла про это!

Принц отказался от принцессы. О, ужас! Какая трагедия! Такая обида, оскорбление всего святого! Да в мире более сотни этих королевств, если брать во внимание весь мир! Отказался один, согласится другой, какая, к черту, разница? Принцессам все равно делать нечего, могут и поездить раз-другой. А ведь ей самой может не понравиться принц... ой, да ну это все...

Нет, конечно, если союз представлялся важным, то тут, думаю, давались особенные наставления и рекомендации, и молодые люди старались держаться вполне пристойно. А если двое молодых, хорошо одетых, вымытых и относительно образованных человека держатся пристойно, то любви возникнуть ничего не стоит.

Но другие случаи, где преобладает относительно свободный выбор, никто не отменяет!

Стойте... если мне не изменяет память, то родители еще долго подшучивали над моей сестрой, а она бросала остроты в ответ после того случая, когда она и ее избранник не сошлись характерами. Но никто ее не грузил, никто не пытался вменить ей чувства вины. Наоборот – поддержали, создали беспечно-веселую рабочую атмосферу, и совсем скоро она успешно вышла замуж. Или все было не так? Да что значит не так?! Если меня все обманывали, то, значит, что ее даже *хваляли*, что с тем принцем ничего не вышло. Ничего, доченька, все равно он нам не нравился, тот еще подлец, но положение обязывало, сама понимаешь...

Вшивые ублюдки. У меня точно теперь закончились приличные выражения, присущие образованному человеку. Они смели искалечить мне жизнь с помощью своих псевдосистемных мыслей, а теперь еще загнали меня в эту дыру... как же я зла!

Не знаю, что так повлияло на мое духовное самочувствие. Была ли это невыносимо долгая дорога? Или общение с типичным провинциальным быдлом, которое получало несомненное удовольствие в подначивании меня на протяжении всего пути? Или столь ужасное отношение ко мне со стороны особ королевской крови, которые заставляли меня гоняться за призраком моего потенциального мужа на протяжении нескольких лет, а затем внезапно решили забить насмерть кабанами да и отравить для надежности? Да любой человек взбесится и начнет сходить с ума от такой... нелюбви.

Да, точно, меня конкретно не любили! Все – начиная от моих великолепных родителей, заканчивая столь любезными людьми, которых я встречала на своем жизненном пути. И ладно бы они все ограничились обычной отстраненностью да отбиранием пропуска на все светские вечеринки. Обошлась бы, если только оставили бы меня в покое. Но нет, им же не терпелось в чем-то мне напакостить! И, спрашивается, зачем?

Идиоты. Действительно. Этим людям попросту нечем было заняться в своей жалкой жизни, если они решили взяться за меня. Сущие придурки. Реально конченые.

С такими противоречивыми чувствами я и вошла в замок. Не знаю, какую цель своего визита я бы обозначила первому попавшемуся человеку, но в тот момент это меня совершенно не беспокоило. Хотелось пойти и надрать кому-то задницу, пусть я со своей тотальной образованностью этому совершенно не была обучена. Но все равно хотелось.

Несмотря на гнев и злобу, что царили в моем горящем сознании, удивление успело высказать свое мнение об окружающем меня мире. Место действительно представляло собой дыру, выбраться из которой не представлялось возможным. Хозяин каравана сказал, что они собираваться осесть на несколько недель, а затем отправиться куда-то еще. Он бы мог взять меня с собой, но я откровенно не знала, куда мне податься. Домой из-за моих горящих мыслей и общего самочувствия мне точно путь был закрыт. Что делать дальше, я откровенно не представляла, поэтому решила наобум пойти в ближайший замок, благо он тут был всего один, а там уже по обстоятельствам.

Первое, что меня удивило, были ворота замка. Они действительно были огромными, но мое основное удивление было связано не с этим. Они не представляли собой внешние ворота, а просто являлись единственным входом в замок, по крайней мере, в обозримом пространстве.

Да, признаюсь, я не была в мелких королевствах, но это место никак не могло представлять из себя королевство, если оно состояло из одной деревушки с одной же улицей и одним же замком на возвышении. Замок по всему своему предназначению должен был называться крепостью, но местные упорно величали его замком, а архитектура его была выполнена в старинном замковом стиле, когда донжоны еще не были в моде. Этаким карликовый замок, который в нормальном мире представлял бы из себя лишь одну из композиций замкового пространства после первых линий укреплений. К примеру, из этого здания вышли бы вполне хорошие казармы. Или склад. Тюрьма тоже, почему бы и нет?

В современном мире, богатом на войны и каждодневные распри, замок никак не мог представлять из себя одно здание, не окруженное вдобавок ни ровом, ни стенами, ни какими-либо другими защитными укреплениями.

Я остановилась перед воротами, почувствовав себя немного глупо. И как сюда войти? Может быть, жизнь продолжала надо мной усмехаться? А ведь точно. Ха-ха. Очень смешно. Теперь мне явственно виделись ухмыляющиеся лица хозяина и посетителей трактира, где я остановилась. Иди, девочка, посмотри на образчик исторической нелепости. Правда, подъем в горку довольно долог и не так-то прост, но ты же справишься, правда? Ты же откровенно сумасшедшая, по тебе видно, хе-хе.

Я с яростью ударила кулаком в двери. Как они смеют!..

Ух, больно!

Потирая ушибленную руку, я снова посмотрела на неприступные деревянные ворота... одна створка которых беззвучно отворилась предо мной. Как раз настолько, чтобы мог пройти один взрослый человек.

Из приоткрытой створки на меня загадочно смотрела темнота.

2

Это был самый настоящий тронный зал.

Я словно попала в сказку. Сейчас при строительстве новых замков тронным залам стараются не придавать особого значения, заменяя их более функциональными комнатами. Нередки случаи, когда огромный зал может служить одновременно и помещением для проведения светских мероприятий, вроде костюмированного бала, или огромной трапезной, где воины пируют после победоносного возвращения с поля боя, или зал может и правда преобразиться в тронный, хотя для этого на возвышении помещают лишь два высоких красивых кресла – для короля и королевы. Последнее происходит уж в совсем редких случаях, когда, к примеру, приводят к присяге нового короля. Даже бракосочетания между царственными особами сейчас не проходят в тронном зале, и король не дает своего благословения новобрачным.

А раньше... раньше этот зал был действительно центром вселенной для многих людей. Здесь происходили практически все важные мероприятия. В первую очередь тронный зал символизировал некий мостик между государем и его подданными, именно здесь выслушивались просьбы и жалобы многих простолюдинов, которым посчастливилось дойти до короля. Раньше короли гораздо больше работали с народом, и хоть это не означало, что народ жил благополучнее, но все же у людей возникало впечатление, что государству было далеко не все равно до их мирских забот. А именно это, а также постоянный сбор информации о настроениях простых людей и создавало общую систему манипуляции, благодаря которой грамотно правящий король мог заручиться поддержкой его подданных. По крайней мере, до следующей войны, когда люди понимали, что в чем-то их да обманули. И из-за этого вспыхивали кровавые восстания, на трон становился новый государь, и все повторялось снова. Этот бесконечный цикл насилия и обмана был настолько прекрасным, что, казалось, именно в то время люди жили полной жизнью. И народ действительно был за короля, даже когда его свергал. Ведь простая перестановка слагаемых ничего не меняет в общей прекрасной идее?

Теперь же короли представляли собой тиранов, которые, впрочем, не скрывали, что они тираны. Они больше не обманывали свой народ, а тонкими штрихами с помощью грамотно поданной информации давали понять людям, что жить так, как они живут сейчас – это лучшее из зол. Все королевства стали пребывать в своеобразной стагнации, когда все люди занимались своим делом, все работало, как часы, но никто не вкладывал души. Все было как-то серо, тихо и мерзко – как в заправдашнем болоте.

Людей более не затаскивали в армию силком, им, наоборот, предлагались шикарные условия, если они пойдут служить по контракту. Конечно, отрицательной стороной службы был каждодневный риск подстерегающей за углом смерти, но ведь если повезет, то можно сколотить неплохое состояние, правда? Все лучше, чем раньше, когда рекрутам платили ровно столько, чтобы они не умерли с голоду.

В замке больше не было праздно шатающихся людей, все были при деле. Аристократов выгнали из придворного круга, посоветовав не выходить из своих имений, кроме редких светских праздников, когда можно было встретиться со своими благородными соседями в замке и обсудить, какой вышел урожай картошки в этом году. Да, аристократы превратились из кровавых убийц, каждую секунду думающих о государственном перевороте, в обыкновенных дачников-земледельцев. Воспитанные, образованные, благородные и совершенно не опасные. Ведь кого в наше время можно заколоть морковкой?

Замок же населили разного рода дармоеды, вроде экономистов, бухгалтеров, счетоводов и военных генералов. Каждый сущий день они что-то считали, делили и, конечно же, вычитали, распиливая военный бюджет на аккуратные кусочки, каждый из которых затем перераспределялся определенным людям. Нет, конечно, армия в богатых королевствах все равно была оснащена неплохо, ведь кто будет защищать этих государственных паразитов, если пробыет недобрый час? Но простым людям скармливалась лишь информация под громким именем Социальная Политика. Именно этой политикой люди и руководствовались в своей жизни, поэтому эта жизнь и была столь бедной, безрадостной и полной сарказма.

И дальше, думаю, будет только хуже. Правители всегда нуждались в хорошем кровопускании, пускай они этого и совершенно не хотели. Но в этом постоянном сопротивлении и рождался прогресс, из которого потом с достижением определенного технологического прогресса и можно было создать вполне себе сносное государство. Но прогресса не было, и государства слабели, направленные только на стяжательство и мелкое разрушение. В теории, конечно, должно было быть государство, жаждущее развития, прогресса и моря крови, но на практике такой страны не существовало – весь мир был разделен на мелкие королевства, прозябающие в своем политическом болоте, словно таким мир изначально и задумал Создатель. Пока не было ни страны, ни какого-либо человека, который бы захотел поднять всеобщее восстание, который хотел бы чего-то большего, чем каждый день перебирать в руках счеты... но такого человека пока не было. Или он еще не объявился.

Я замороженно осматривала зал, тихо ступая по пыльной красной дорожке. Я чувствовала, как древний ковер буквально рассыпается от моих шагов, как безмолвно смотрят на меня своими каменными и холодными глазами древние статуи, как...

И тут словно некая древняя энергетика вселилась в меня. Вместе с пылью в воздухе я вдыхала возбуждение, я вдыхала саму историю. Передо мной как будто начали появляться картинки прошлого, которое я никогда не имела возможность лицезреть, а лишь довольствовалась древними текстами из старинных книг.

Вот, образовав кривую полуокружность, вокруг короля собрались его благородные приближенные. Каждый из них имел честь и горячее желание высказаться о том, как, по его мнению, протекают события в королевстве. Речь аристократа могла в любой момент быть прервана, тут же загорался яркий спор, каждый старался оттянуть одеяло на свою сторону. И лишь могучий государь взирал на все это с усмешкой на лице, как смотрит добрый человек на слепых котят. Он единственный видел все переплетения информационных нитей, мог верно предположить, кто из придворной знати врет сознательно, а кто – заблуждается. Он единственный понимал, кто мог пригодиться ему в дальнейшем, а от кого лучше избавиться этой ночью. Ибо он думал лишь об одном – о благополучии своего королевства, о его, пусть кровавом, но процветании. У него уже было все – несколько жен, прекрасные дети, которые впоследствии будут бороться за свое место у отцовского престола, чудесные диковинки, принесенные путешественниками со всех краев света, деньги, на которые он мог купить несколько деревень вместе с их жителями. И когда у тебя есть база для жизни, когда ты можешь не думать, что ты будешь есть завтра, ибо еда сама идет к тебе на золотом подносе, вот именно в этот момент – почему бы не задуматься о развитии? Почему бы не захотеть оставить свое имя в истории? Почему бы не перестать быть простым жадным администратором и не захотеть стать бессмертным властелином?

Я чувствовала, как все мое тело пронзают искорки возбуждения. На глазах чуть не выступили слезы от открывшейся картины. Да, я сознательно понимала, что властители прошлого были крайне бессистемными личностями, думающими о победе сегодня или завтра, но никак не через год. Их развитие заключалось в захвате новых территорий и бесчисленных убийствах, что и привело затем к немереному разрастанию государства, что слабо вязалось в способности правителей к его управлению. Поэтому мы и пришли к тому, что мы имеем сейчас – к эре администраторов. Эре деликатной информации и скрытной экономики.

И такая система работает. Не развивается, но успешно работает. Но если бы можно было объединить оба подхода... если бы можно было создать такое государство, которое бы управлялось грамотными администраторами, которым, впрочем, запрещалось бы оперировать бюджетом, как им вздумается? Если бы...

Я покачала головой, сбрасывая с себя возбужденное наваждение. Все это лишь мечты, для осуществления которых сейчас нет ни ресурсов, ни желания кого бы то ни было. И почему мне всегда приходят в голову такие странные мысли?

Я закончила осматривать зал, который, судя по первому впечатлению, действительно был построен за несколько сотен лет до моего рождения. Этаким музеем, восславляющим прошлое. Судя по виду, теперь заброшенный и особо никому не нужный.

Мой любопытный взгляд, наконец, остановился на старинном троне, вытесанном из камня, согласно древним традициям. Он был всего один, без места для королевы, поэтому это действительно могла быть древняя военная крепость. Именно здесь сам король или его верный военачальник восседали, чтобы обсудить детали будущей компании. Далековато они забрались, однако, в своих завоеваниях... чем же так богат был этот район? И почему принц Нарл решил снарядить сюда целый государственный караван?

Я подошла к каменному трону поближе.

Все здесь строилось явно на века, поэтому, хоть трон и был покрыт пылью да каменной крошкой, от него все еще веяло некоей пустотой, жаждой власти, желанием быть заполненным. Такая аура всегда исходит от вещей, у которых есть одно сильное предназначение. Есть такой термин «повесить что-то на гвоздь»... и если палач вешает свое орудие правосудия на стену, если шериф закладывает свой значок в дальний ящик, если охотник за приключениями в старости дрожащими руками бережно оборачивает драгоценной тканью свой меч и кладет его в старинный кованный сундук, то... люди уходят, но вещи остаются. И они зовут новых хозяев с ужасающей силой притяжения. Именно поэтому еще в старину было решено передавать особые инструменты ремесла из поколения в поколение, от мастера к новому ученику, потому что в противном случае предмет бы сам воззвал бы к новому хозяину, наполнил бы его древней энергетикой и тогда последствия могли стать куда хуже. Топор палача, к примеру, мог не только послужить справедливым орудием, помогая носителю вершить правосудие, но и превратить державшего его человека в нечто большее, чем предназначено нам природой и законом. Все же все мы в чем-то исполнители, и про это никогда не стоит забывать. Тот человек, который решает взять все в свои руки, становится поистине сумасшедшим, поистине опасным...

Я беспечно села на трон.

Было немного жестковато, что, в принципе, ожидалось от сей незамысловатой каменной конструкции, но это можно было легко решить, положив несколько мягких подушек. Вид передо мной простирался необыкновенно прекрасный – с возвышения весь зал был виден полностью, яркий свет из боковых окон мягко заливал его середину, где, наверное, имели обыкновение стоять придворные в ожидании королевского решения, ежась под холодным взглядом величественных статуй и не менее леденящего взора своего короля.

Мой рот приоткрылся в едкой ухмылке, и я горделиво воздела руку вперед, как будто приказывая целой армии моих невидимых подчиненных. Слуги мои, внимайте мне! Я, Эвелинн Всемогущая, приказываю вам – возьмите самых быстрых коней в королевстве да отправляйтесь во все стороны света! Найдите там людей, которые мне никогда не нравились, и скажите же им что-то гадкое! Такое гадкое, чтоб они аж целую ночь не спали! И да свершится же мое возмездие да...

Тут на самом краю своего раскаленного от приятных мыслей сознания я заметила, что мое благородное величество смеет кто-то прерывать. Да, кто-то настойчиво кашлял, буквально пронзая меня своим неодобрительным взглядом. Я тут же стушевалась, съежилась, как маленькая девочка, которую застучали за сооружением хлипкой самодельной лестницы, состоящей из книг, которые она должна была прочитать в пылу боевого рвения к учебе. Лестница из книг, покачиваясь, уверенно вела к высокой полке на кухне, где лежали разнообразные сладости, предполагающие собой заветную награду за прилежное учение и постижение наук. Если, правда, оставаться логичным, то именно эти науки и привели эту девочку к цели, ради которой и постигались все эти знания из книг, но людям, которые стояли в дверях кухни, сцепив руки на груди, почему-то такая логическая цепочка никоим образом не нравилась.

Так и сейчас – невысокий худощавый мужчина, одетый в строгую парадную, но давно вышедшую из моды одежду, протирал фиолетовым шелковым платочком свои старинные большие очки в роговой оправе, а его глаза были заняты тем, что предосудительно изучали меня, как некое насекомое, которое не очень прилично смотрелось на натюрморте жизни. Он еще раз прокашлялся. Крайне выразительно.

Я разом побледнела, вся моя королевская спесь куда-то пропала. Я внезапно поняла, что веду себя абсолютно непристойно – без спроса врываюсь в чужой дом, осматриваюсь, словно я в некоем музее, а затем решаю посидеть на чужом стуле... да еще на каком стуле! В былые времена меня за такую дерзость могли бы четвертовать, чтобы я навсегда усвоила свой суровый жизненный урок. Правда, судя по взгляду и по общему внешнему виду мужчины, он вполне был согласен со старинными обычаями, что другие методы воспитания не позволяют всецело достучаться до сознания виновного человека.

Я хотела бы быстро слезть с этого каменного и теперь ставшего таким неудобным сидения, но мое тело словно окаменело, слившись в удачной композиции с каменным тронном.

– Моя королева, – его голос был настолько язвительен, что он мог вызвать несварение желудка у неподготовленного человека. – Однако вы сегодня рано встали.

Я сначала не поняла, что он говорит, благо мое сознание было наполнено жгущим стыдом из-за сложившейся неловкой ситуации. Но через несколько секунд до меня начало доходить.

Рано? Ну да, я сегодня встала раньше обычного, но это можно понять, если взять в расчет десяток бессонных ночей. Но для любого другого обычного человека я встала довольно поздно, поэтому...

А... я, кажется, поняла.

– Моя королева, – продолжал мужчина, не сбавляя ядовитый тон в своем голосе.

Это был сарказм. Что ж, надо искренне извиниться и...

– Возможно, именно из-за вашего раннего пробуждения вы забыли надеть свою корону? Моя королева?

Корону? Какую корону? Это такая своеобразная шутка, да? Ха-ха, очень забавно, а теперь...

Трон находился довольно высоко, поэтому я забралась на него с ногами, словно маленькая девочка. Именно такими были сидения у правителей древности – под стать самим правителям, которые были одновременно громадны и беспощадны. Любая женщина на таком троне смотрелась бы несколько комично.

Я оперлась руками о сиденье, напряглась, готовая прыгнуть на пол, поклониться и горячо извиниться за свое наглое вторжение. И тут я почувствовала горячий укол. Что-то острое впилось в мою ладонь. Я вздрогнула от неожиданности и рассеянно пошарила рядом с собой, пытаясь ощупать причину моего беспокойства. Через несколько мгновений мои пальцы схватили нечто легкое и жутко холодное – таким обычно бывает металл, если его долгое время не использовать.

Я беглым взглядом осмотрела свою находку, и это была...

– Да, моя королева, – удовлетворительно сказал мужчина, уверенным шагом приближаясь ко мне. – Именно эту корону. Теперь прошу вас, оденьте ее и присоединяйтесь к завтраку с леди Шарлоттой. Она уже ждет вас в трапезной.

Корона была удивительно простой, но на вид прочной и... почему она была такой холодной? Да и на самом деле это была не корона, лишь стальной венец, украшенный витиеватым орнаментом, но...

Мужчина еще раз строго кашлянул, его горячий взгляд как будто пронизывал мою сущность. Я виновато всплеснула руками, хотела еще раз предпринять попытку слезть со своего возвышения, извиниться, но весь вид моего собеседника как будто подразумевал, что со мной будет, если я не захочу слушаться.

Я пожала плечами. Наверное, это была своеобразная форма наказания в здешних местах. Возможно, он был извращенцем и любил ролевые игры? Что ж, можно побыть и в роли королевы, по крайней мере, звучит не так плохо.

Я надела корону.

И естественно ничего не почувствовала, кроме холодного металла, который обжигал мой череп сквозь копну неухоженных волос. Надо будет, кстати, заняться своим внешним видом, а то выгляжу как... завтрак? С леди Шарлоттой?

Я поняла, что очень хочу есть. Да, я перекусила в трактире, но трудная дорога к замку и различные впечатления, что обрушились на меня в этом здании, казалось, слегка опустошили мой энергетический запас. Да, сама идея еды звучала вполне неплохо. Да еще и с аристократкой... возможно, она прольет свет на творившийся тут бедлам? Почему тронный зал выглядит так, словно в нем убирались только несколько веков тому назад? Почему слуги носят одежду времен моей прабабушки, а их вид разительно отличается от шустрых малых в остальных замках, где слуги бегали туда-сюда словно ужаленные?

Может быть, этот мужчина экономист? Вполне похоже, они все извращенцы и те еще дармоеды. Да, точно экономист. Или бухгалтер, что еще хуже, конечно.

Все эти мысли галопом проскакали в моей голове за несколько секунд. Голова у меня закружилась от нахлынувших на меня идей, и, опустив голову вниз, я заметила, что мужчина уже подошел ко мне, и теперь с крайне учтивым выражением лица протягивает мне руку, чтобы я могла сойти со своего престола.

Затем он галантно помог мне спуститься на землю и жестом попросил следовать за ним в другую залу. Я робко послушалась, стараясь держать новые подступающие мысли в узде. Голова у меня откровенно шла кругом.

Ну что ж, Эвелинн, если на завтрак главным блюдом вдруг окажешься ты, то пеняй на себя – подумаешь в следующий раз, как проявлять неучтивость в чужом доме! Если следующий раз мне предоставят, конечно.

Кстати... а почему завтрак здесь так поздно? Ведь по времени уже должно быть почти как два часа дня...

3

Меня, как королевскую особу, провели в трапезную, чтобы я могла в спокойной обстановке вкусить свой завтрак в компании приятных мне людей. Мое платье развевалось... да, мне определенно нужно будет роскошное королевское платье! А то сколько можно ходить в мужских нарядах – они, конечно, удобны, но никак не соответствуют королевскому статусу.

А дальше... тут я одернула себя. И почему я всегда так люблю забываться, погружаясь в фантазии? Из-за этого у меня постоянно одни неприятности! Даже сейчас этот извращенец может вести меня куда угодно, ведомый лишь своим холодным экономическим расчетом! Соберись, Эвелинн, и приготовься, если что, бежать...

И тут мы вошли в зал, который и представлял собой трапезную. Я невольно ахнула от поразившего меня вида.

Зал был оформлен в виде таинственной пещеры, где среди выступов могли спрятаться духи и различные привидения, приманивающие путников мерцающими разноцветными огоньками. На противоположном конце комнаты была видна массивная каменная дверь, в центре которой лев держал в зубах массивное бронзовое кольцо. Именно эта дверь могла вести к несметным сокровищам, которые были обещаны путникам, но плата за вход не могла быть посильной для обычного смертного. В центре зала, словно выросший в самой пещере, как ее естественный и обязательный компонент, воцарился огромный прямоугольный массивный стол, к которому, впрочем, были приставлены обычные невзрачные деревянные стулья.

Видимо, прежние стулья, более подходящие для царившей в зале атмосферы, разрушились с течением времени или попросту были признаны неудобными.

С потолка свисали зловещие сталактиты, которые, правда, никак не мешали пройти взрослому человеку – этому способствовал высокий потолок и верно вымеренное расстояние, чтобы трапезники, бурно отмечающие очередной праздник, в пылу чувств не соприкоснулись нечаянно головой с каким-то объектом интерьера. То есть атмосфера зала была выполнена таким образом, чтобы чувственное впечатление от трапезной не соприкасалось с материальным неудобством, что всегда вытекает из дизайна, который преследует некую показушность, не удастая вниманием функциональные качества.

Даже таинственный мягкий свет был сделан таким образом, чтобы полумрак пещерного зала способствовал, скорее, расслаблению и обузданию жарких эмоций, нежели чем раздражению из-за того, что глаза не могут различить, что находится на тарелке. Присмотревшись, я отметила, что это достигается путем зажжения и установки в специальные выемки разнообразных свечей. Такого подхода к дизайну я никогда не видела, всю жизнь пребывая в различных современных замках, где любой зал представлял из себя сухую демонстрацию практичности и функциональности. Даже кухни и оранжереи отдавали чем-то кабинетным, в них не было вложено души, лишь суровая необходимость, зажатая в бюджетные рамки.

Мой странный суровый проводник галантно отодвинул для меня стул, и я присела с одного конца длинного стола, не забыв поблагодарить его. Он важно кивнул и удалился. Может быть, за едой?

И только теперь я заметила, что за столом сидела не я одна – настолько поразило меня удивительное величие трапезного зала. Не так далеко от меня, с боковой стороны стола сидела женщина, на первый взгляд немного старше меня. Похоже, что она тоже не заметила (или не захотела замечать) моего прибытия, поэтому я, не стесняясь, рассматривала ее, пока она сидела, уткнувшись взглядом в книгу, которую держала в свободной руке.

Я невольно залюбовалась. Она была так сосредоточена на чтении, что, казалось, не замечала ровно ничего и никого вокруг, словно застыла в пространстве и времени. В доказательство этому ее нежный ротик был слегка приоткрыт, как будто она пыталась поглотить открывшиеся ей знания не только глазами, а другая рука, державшая ложку, так и застыла в воздухе, застряв на полпути к своему месту назначения, которое в данный момент никак не могло принимать физическую пищу, всецело занятое поглощением интеллектуальной.

Но даже в этой нелепой позе, которую многие люди презрительно называли бы отвратительно рассеянной, она умудрялась сохранять некое свойственное только ей очарование. Ее осанка была изящной, черты лица трогательно безупречными, а сама она была одета в воздушное платье, удачно подобранное в тон окружающей ее действительности.

Я невольно вздохнула. Именно такой, как я считаю, и должна выглядеть настоящая принцесса или, по крайней мере, одна из любимых прелестных дочек богатого аристократа. И самый главный и нелепый парадокс состоял в том, что именно так аристократы и представители королевского рода в последнее время никогда не выглядели. Даже я, не отягощенная разгульным образом жизни и приемом в себя несметного количества алкоголя, не могла даже на йоту приблизиться к идеалу, сидящему передо мной. Что ни говори, но в ней была видна настоящая порода, весь ее образ и происхождение буквально напоказ выдавали то, что она не более и не менее была дочерью самого ангела.

Да, как бы странно и печально это ни звучало, но многие женщины в той среде, в которой мы вынуждены жить сейчас, попросту были обречены на то, чтобы рано или поздно стать мужчинами. Эта неизбежная судьба была определенно связана с вопросом первичного выживания, вытекающего из того, что либо ты четко определяешь свои границы и ежедневно их стережешь, отпугивая от себя всех окружающих тебя людей, либо ты сливаешься с повседневно-

ным миром, становишься частью жизненного цикла, состоящего из лицемерия, ханжества и придинок к себе и окружающим.

Для девушек началом начал, эдаким симптомом, определяющим их уверенное вхождение во взрослую и неправильную жизнь, является с первого взгляда ничего не значащая фраза «я же девушка...». Именно с нее и начинается этап взросления человека, который вырос из природной любознательности и перешел к стадии прямого манипулирования другими и выживанием среди подобных. Игры разума на первый взгляд вызывают невиданную эйфорию и необузданное желание продолжать сей тернистый путь, но на деле обозначают лишь гибель всего духовного, что было заложено в душу человека с самого начала его жизни.

Дело было в том, что, как я уже говорила, многие аристократы, неожиданно перейдя в мир, где правила игры навязывает рынок, а жизнь определяется экономикой, перешли в разряд землевладельцев. Их имения приносили им стабильный доход, а сами они стали как будто ближе к земле – коренастыми как телом, так и сознанием.

Королевские особы пошли в современном мире другим, но также очень логичным путем. Из былых хозяев, диктаторов, тиранов и властелинов, которые были крайне жестоки, но любили свое королевство, знали о происходящем в нем больше любого другого жителя, они переросли в менеджеров, администраторов, управленцев. Был ли это качественный рост, сказать определенно сложно, но главным недостатком такого подхода было их знание лишь определенных областей и сфер в управлении, которое помогало им манипулировать сознанием других и держать всех своих подданных в относительной узде, но не способствовало увеличению их интереса к происходящему в стране. Если просто, то правители стали абсолютно безразличны ко многим сферам королевской жизни, кроме разве что политической и экономической. Это своеобразное селективное правление хоть и возвело уровень жизни многих государств на качественно новый уровень, хоть и упростило систему взаимодействия правителя и его подданных (потому что теперь ее попросту не существовало), но теперь на место главной проблемы встала всеобщая стагнация, касающаяся абсолютно всех сфер жизни обычных людей. И она не означала стабильность, как ее преподносили королевские глашатаи, она, наоборот, приводила к загниванию, упадку, демотивации всех слоев общества, которые в этой самой стабильности лишь заплывали жирком и никак не хотели смотреть на завтрашний день, ведь он был отвратительно похож на текущий.

Эту ситуацию уже никак не могли спасти восстания, революции, государственные перевороты, потому что уже некому было этим заниматься. Даже если бы нашелся хоть один смельчак, то народ бы не понял его, не пошел бы за ним, потому что они не понимали, что можно было улучшать и зачем это было делать. Их политическую грамотность специально занизили, лишив их всякого желания к какому-то осознанному сопротивлению. Даже эти бесконечные войны, которыми так пугали народ, судя по тому, что я обрывками слышала из отчетов шпионов отца, создавались в последнее время искусственно, когда большие страны решали напасть на маленькую, чтобы вернуться с поля боя победоносными, чтобы воззвать к нелепому и аморальному патриотизму у своих граждан и чтобы, конечно же, освоить и раздробить на многочисленные невидимые части бюджет.

Но сидящая рядом со мной девушка никак не походила на людей, с которыми я обычно общалась. Будь она принцессой, то сразу бы стала белой вороной среди общества темных сорок. В ней было благородства и элегантности больше, чем во всех особах королевской крови на западной стороне мира вместе взятых. Она была словно списана с картинки из старинной книги, повествующей о былых временах, когда рыцари представляли собой не просто военное звание, а принцессы одним взмахом своей белоснежной руки могли приковать к себе внимание целой толпы.

Да, она словно пришла в этот мир из некоего сказочного места, и одним своим присутствием она будто заявляла, что окружающий нас мир не такой настоящий, как нам ранее каза-

лось. Он лишь хочет казаться настоящим, а правда запрятана глубоко в складках души многих людей, спрятавшихся под масками притворства и излишней демонстративности.

Вероятно, я все же неприлично долго ее рассматривала, потому что через пару минут она оторвалась от изучения книги и удивленно посмотрела на меня. Воцарилось крайне неловкое молчание, которое быстро было прервано удивленным восклицанием девушки, которая молниеносно встала со своего места и склонила свою голову передо мной.

– Прошу прощения, Ваша Светлость! – нервно протараторила она. – Прошу прощения! Я не знала, что Вы сегодня придете к этому времени, поэтому я решила начать завтракать без Вас!

Вообще, если задуматься, все правильно. Согласно этикету, придворные не могут садиться в трапезной раньше, чем особы королевской крови. Особенно строгим было наказание, если некий дерзкий человек решался сесть за стол раньше самого короля или королевы. Но это же этикет, правда? Когда это было или было ли вообще? В наше время, если ты являешься гостем короля, то можешь приходить есть в любое время на кухню, можешь брать еду с собой в покои, можешь приходить в назначенное время в трапезный зал, абсолютно не обращая внимания на то, куда ты садишься, а также в какое время. Уже долгое время к старым традициям относились по-своему, потому что хаотичная и рутинная повседневная работа не предполагала особой церемонности. Если твой мозг постоянно занят тем, как свести бюджет таким образом, чтобы на бумаге цифры выглядели крайне аккуратно, а на деле... короче, всем было не до этого. Даже разговоры, хоть и неспешно, но все больше сводились к коротким язвительным перепалкам, в которых часто можно было услышать бранные слова. Похоже было на то, что уже через десять лет официальный речитатив, который можно было услышать в любом углу замка, постепенно сойдет на нет.

Удивляло меня другое – перед кем эта девочка извинялась? Передо мной? Но ведь я же не... так, здесь уже точно стоит разобраться. Надо мной все издеваются, или ее тоже одурачил тот странный мужчина?

– Послушайте, – спокойным голосом произнесла я. – Не надо передо мной извиняться, вы, по всей видимости, меня с кем-то перепутали.

Девушка смотрела на меня ошалелыми глазами.

– Перепутала? – пролепетала она тонким голосом.

– Да, ведь я никакая не королева. Я здесь вообще первый раз нахожусь.

Девушка облегченно улыбнулась.

– Я рада, что Вы, наконец, добрались до нас, моя королева. Для нас честь встретить Вас в этом замке!

– Послушай, я ведь уже сказала вам, что...

Тут в зал буквально ворвался тот странный мужчина, неся на руках блестящий поднос, на котором дымился небольшой глиняный горшочек. Он опустил поднос неподалеку от меня и положил передо мной тарелку и приборы. Тарелка явно видела свои лучшие дни – многочисленные царапины покрывали ее поверхность, на краях были видны сколы, а у стальной вилки, лежащей рядом с ней, не хватало одного бокового зубчика.

Парой ловких движений мужчина перенес часть содержимого горшочка в мою тарелку. Я непонимающе уставилась в тарелку, а затем обратила свой взгляд на переминающуюся с ноги на ногу девушку и невозмутимого мужчину, который явно торопился уйти прочь.

Нет, конечно, против меня явно готовят какую-то западню. Тут к ворожее не ходи, я прямо чувствовала себя в главной роли в одной из старых сказок, что я читала в детстве, когда могучий воин стоял на распутье, а реклама на столбе обещала ему всяких благ, если он пойдет направо. Чтобы воин тут же провел сравнительный анализ, ему также перечисляли скудный список услуг, который ожидал его, если он пойдет налево. У сказки явно была какая-то извращенная мораль, потому что воин все же пошел по правому пути, и там его встретила миловид-

ная девица с округлыми формами, стала его потчевать различными яствами, а затем приготовила постель с постиранными свежими простынями и голой собой в качестве бонуса. Далее по сценарию воин должен был лечь на постель, и через полчаса кровать бы перевернулась таким образом, что падающий воин непременно наткнулся бы на ядовитые пики, которые, впрочем, не поразили бы его жизненно важные органы, а лишь впрыснули бы яд в его тело, который заставил его оцепенеть и чувствовать боль в несколько раз сильнее. И вот его искусительница спускается вниз, берет с собой хлыст... в общем, у автора явно были безграничные фантазии, которыми он с радостью готов был поделиться с любопытными детишками.

В конце сказки оказывалось, что воин откуда-то узнал про все это, в последний момент перевернулся на кровати, и на его месте оказалась та самая милостивая девица. Затем он спускается вниз, берет с собой хлыст... и вот тут уж меня извините, но мораль этой сказки я до сих пор понять не могу.

Но как бы то ни было, момент был определенно схожим. А значит, что если меня скоро насадят на пики, а эта нервная девушка вместе с тем странным мужчиной возьмут свои хлысты, то пусть меня хотя бы покормят и отмоют! А то что за дилетантство! Или бюджет у маньяков подсократили? Но я-то тут при чем? Клиент ведь всегда прав, так?

Поэтому я решила с ними больше не миндальничать. Ведь кто тут королева?

– И это все? – мой грозный взор обрушился на деловито подхватившего поднос и уже собирающегося уходить мужчину.

– Э, да, моя королева. Понимаете, наши запасы несколько... истончились в последнее время, – виновато пробормотал он.

Я решила не отступать.

– Только не говорите мне, что вы едите это каждый день... – мои глаза сузились.

Мужчина потихоньку, бочком отступал к двери. Девушка также явно хотела пойти за ним, но, похоже, они вытянули жребий, что кто-то должен был остаться со мной. Если так, то с ней я еще разберусь.

– Ну ладно, – примирительно сказала я.

Все на секунду расслабились.

– А где тогда мясо? – внезапно обронила я свой вопрос.

– Мясо, ваше светлость? – голос мужчины уже звучал довольно далеко.

– Да, мясо, и перестань отступать к двери, выглядит неприлично, знаешь ли.

– Прошу прощения, ваша светлость. Просто мне нужно кое-что сделать перед...

Ну да, смазать механизм кровати, подточить шипы... дел и правда невпроворот.

– Ладно, – я махнула рукой, отпуская его.

Мужчина словно не верил своим ушам. Одним быстрым движением он оказался у двери и...

– Но не забудь принести сыра. Любого, – вдогонку ему прокричала я.

– Сыра? – рука мужчины зависла буквально в дюйме от ручки двери.

– Ну, да... – я нахмурилась. – А как еще можно есть *гречку* без сыра? Просто так, что ли?

Плечи мужчины странно поникли. И тут...

– Ваша Светлость, низжайше просим прощения!!! – девушка склонилась передо мной так низко, что я перестала видеть ее лицо из-за стола. – Мы совершенно не подготовились к Вашему приезду!

– Что ж, это плохо, – холодно произнесла я.

Девушка распрямилась и теперь стояла с виновато опущенной головой. Я заметила, что по ее щекам бегут слезы. Что это за цирк, в конце концов? Но мне казалось, что если я продолжу быть рациональной, то они либо будут продолжать придуриваться еще пуше, что и так было невыносимо, либо обидятся до глубины души и насадят на пики меня прямо здесь – из-за плохого отыгрыша роли.

И почему мне так всегда везет на извращенцев? В этом мире вообще есть нормальные люди? Кроме меня, конечно.

Я повернулась в сторону мужчины и властно приказала:

– Можешь идти, спасибо за угощение. Но этот инцидент необходимо будет обсудить, чтобы такого более не повторялось. Ты понял?

Да, я уже перешла на «ты». Боюсь, тут хорошее воспитание никак мне не поможет... извращенцы, что тут сказать.

Он кивнул, пробормотал что-то невразумительное и мгновенно испарился. Я повернулась в сторону все еще хнычущей девушки.

– Ладно, не плачь, – утешительным тоном сказала я. – Первый блин всегда комом, слышала такую мысль? Садись, давай лучше отведаем это... угощение.

Девушка благодарно поклонилась. Лицо ее светилось от счастья.

– Благодарю Вас, моя королева. Ваша доброта не знает границ! Я буду счастлива разделить с Вами сегодняшнюю трапезу!

Я благодушна кивнула и аккуратно подцепила ложкой лежащую на тарелке кашу. Попробовала.

В принципе, очень даже хорошо, вкусно. Но как ее можно есть каждый день да еще без сыра, в моей голове решительно не укладывалось.

Мне как-то говорили, что человек может прожить целый год, питаясь лишь одной вареной гречей. Я была, конечно, солидарна с мыслью, что человек многое может, что возможности его подчас поистине безграничны, но гречку? Целый год?

Нет, вот это действительно фантастика. Я бы сдалась уже на второй день. Особенно, если без сыра.

К счастью, я была действительно голодна, да и каша была приготовлена с душой, поэтому жаловаться особо не приходилось. Особенно, если меня сегодня ночью будут насаживать на пики, то сильно объедаться тоже не стоит. Интересно – а в потустороннем мире есть сыр? Если нет, то получается, что люди умирают зазя? Ведь как это можно жить без сыра?

Покончив с самой питательной кашей в мире, я снова обратила свой взгляд на девушку. Она тоже мимолетно посматривала на меня, надеясь, что я не замечу. Когда я поймала один ее неосторожный взгляд, то она разом покраснела, как будто кто-то зажег внутри нее фонарик смущения.

Интересно, можно ли получить с нее какую-то полезную информацию? Или без толку и стоит просто перестать обращать внимание на сохранность своей жизни?

Кто же она такая? И что она делает в таком удаленном месте? Может быть?..

– А ты?.. – я оборвала свой вопрос на полуслове.

Девушка склонила голову.

– Меня зовут Шарлотта, моя королева!

– Шарлотта... и чем ты занимаешься в этом замке, Шарлотта?

В горле пересохло. Если в этом месте нет самого священного в мире продукта, как сыр, то на обыкновенный пошлый чай также надеяться не приходится? Ух, какая же это дыра... я пошарила глазами в поисках какого-то кувшина, сжимая в руке пустую кружку.

Шарлотта быстро вскочила с места, как ошпаренная.

– Моя королева, прошу вас, не тревожьтесь! Я сейчас принесу Вам воды!

Она подбежала к другой стороне стола, взяла в руки кувшин с водой и, благоговей, наполнила мою кружку.

– Спасибо, Шарлотта, ты очень добра, – великодушно произнесла я, отпивая из кружки прохладной воды. – Прошу, сядь рядом со мной и расскажи про себя. И налей себе тоже этой прекрасной... воды. Да...

Действительно, никогда я еще не чувствовала себя такой глупой. Интересно, так бедные люди живут *каждый* день? Они же, наверное, еще и *работают*? Полный мрак, конечно.

Девушка села рядом со мной, восхищенно смотря на меня, словно маленькая и энергичная собачка.

– Моя королева, мне нечего про себя особо рассказать... я совершенно непримечательная персона, которая обыкновенно проводит все свое время, углубившись в книги и различные записи.

– Так, книги, говоришь, – я задумалась. – А не бухгалтер ли ты часом?

Девушка испуганно ахнула, прикрыв рот свой миниатюрной белоснежной ручкой.

– Что Вы, моя королева, как бы я могла опуститься до такого? Нет, я всего лишь скромный ученый, ваша светлость.

Ученый? Женщина-ученый? Ученый в такой дыре?

Так, стоп. Первое, касательно дыры. Тут все вполне сходится, ведь многие ученые были крайне уважаемыми людьми, что в первую очередь означало, что они были бедными.

Теперь далее. Женщина-ученый. Немыслимо! Ведь у ученых есть... *гордость*? Конечно, если ты находишься невесть где, вдали от сообщества ученых мужей, то ученым может назвать себя кто угодно, но все же...

На самом деле, если честно, ученых я очень любила. Они, конечно, были теми еще чванливыми субъектами, старающимися любыми способами доказать, что ты идиот, но они, по моему мнению, принадлежали к *элите*, потому что двигали этот мир вперед. Пусть сейчас движение застопорилось, потому что даже самым чванливым субъектам нужно что-то есть, но все же оставались *энтузиасты*. Они не признавались мировым научным сообществом, но и научное сообщество теперь все меньше можно было приравнять к научному миру, ведь в их разговорах все чаще проскакивали такие ругательные слова, как бюджет, регламент, бизнес-процесс и прочие. То есть настоящие ученые на самом деле превращались в экономистов, тем самым предавая те идеалы, которым они поклялись служить, а оставшиеся ученые не получали должного признания и финансирования, поэтому становились нечто вроде изгоев-отшельников.

И один из таких милых отшельников сидел передо мной. В какую же безнадежную ситуацию попал мир, который экономисты заперли в стагнационной клетке, что теперь даже женщины... о боги. Я не могла высказать свою мысль в рациональном ключе, но всей душой чувствовала, что с миром происходит что-то не то.

Он был *болен*. И отчаянно искал необходимое ему лекарство. Уже было не до принципов, в дело шла вся артиллерия. Что же дальше? Может быть, королевы-одиночки, правящие всем королевством? Да это же просто!..

Постойте. Нет, вы только подождите...

Нет, это было решительно невозможно. Я отбросила революционную и крайне глупую мысль, что пришла ко мне в голову.

– С Вами все в порядке, ваша светлость? – обеспокоенно спросила Шарлотта.

– Да. Да... пожалуй. Извини, я ненадолго задумалась. Значит, ученая? И что ты... изучаешь?

– О, всякое, ваша светлость! Но пока я лишь нарабатываю для себя теоретические знания, надеюсь, что впоследствии они помогут мне сделать что-то полезное для общества! – с энтузиазмом произнесла девушка.

Да, точно ученый. То есть ученая. Черт возьми, просто невысказанно!

– Хорошо. Понятно, – я буквально чувствовала, что у меня начинает болеть голова.

Ладно, хорошего понемножку. Какая разница, что она мне говорит, если, в конце концов, это все может оказаться неправдой? Сколько времени? Они говорили, что это завтрак, но я пришла в замок ориентировочно после двенадцати. Почему они так поздно завтракают?

Интересно, мне разрешат вот прямо сейчас завалиться спать? Хотя, почему нет? Я же королева, в конце концов.

Удивительно, как долгая дорога выматывает. Я на ногах сегодня более пяти часов, а уже хочется спать. Или... меня отравили? Тогда хорошо, давайте побыстрее покончим с этим.

Я невольно зевнула.

– Моя королева, вы, наверное, жутко устали после дороги. Почему бы вам не прилечь?

Ага, вот оно. Интересно, тот мужчина уже приготовил пики, пока мы тут общались? Должен был. Я еще раз зевнула.

– Не знаю, Шарлотта, я вроде поспала в трактире после окончания путешествия, поэтому...

Кстати, откуда она знает, что я была в долгой дороге? Или мне просто стоит перестать удивляться?

– Но, ваша светлость, дорога была столь долгой и утомительной, а в этих тавернах совершенно невозможно выспаться! Там же постоянно шумно и плохо пахнет!

Зато не так холодно, как в замках, подумала я. И еда получше. Но идти обратно мне ровным счетом не хотелось, да и персонал будет удивлен, если я завалюсь спать в середине дня. А потом еще шептаться будут. Провинция все же...

Я вдруг почувствовала легкое прикосновение к своей руке. Видимо, эта девушка была не столь робкой, сколь хотела казаться.

– Моя королева, позвольте я провожу Вас в Ваши покои. Вам действительно необходим отдых. Здесь Вы восстановите утерянные силы, – она тепло улыбнулась, – ведь Вы, наконец, дома.

Ее голос словно убаюкивал, гипнотизировал, но последнее слово было для меня словно ударом. Я посмотрела на нее удивленно.

Дома? Что это такое? У меня теперь нет дома...

Нет, все же с этим стоит разобраться! Они меня точно с кем-то перепутали! Может быть, вместе с караваном путешествовала настоящая королева?..

Я посмотрела на улыбающуюся девушку. Ладно, это может подождать до утра. Или...

Я позволила провести себя по чередке коридоров, пока мы, наконец, не остановились у двери, которая ничем не отличалась от других, кроме выщербленной на ней в верхней части маленькой короны.

Дверь со скрипом отворилась, и я заметила обширную кровать, которая и занимала практически всю комнату. Из полураскрытых окон на кровать падали мягкие лучи солнечного света.

У меня не было сил осматриваться. Со мной точно что-то сделали. Может быть, в гречке что-то было? Что-то подсыпано? Как подло... отравить гречку. Крайне низко с их стороны.

И даже сыр не дали.

Мои глаза слипались, я уже ничего не соображала. Я заметила, что сижу на кровати и тупо смотрю на закрытую дверь, через которую мгновение назад вышла Шарлотта.

Я облокотилась на руки и почувствовала, как они проваливаются во что-то мягкое, но не совсем приятное. Вскрикнув и вырвав себя из расслабленного состояния, я мигом вскочила и с ужасом посмотрела на кровать, а затем на свои руки.

Пыль. Это была пыль.

Но она не лежала ровным слоем на одеяле, она покрывала его ровным полотном толщиной в несколько сантиметров. Как же давно тут не убрались?

Я с отвращением отдернула одеяло и обнаружила под ним белоснежную простыню и мягкие подушки. Видимо, кровать не расправляли по меньшей мере несколько сотен лет. Нет, что-то здесь не так... я принюхалась. Простыни явно были свежие.

Просто кто-то сменил простыни, но сделал это настолько аккуратно, чтобы не повредить верхний слой пыли? Зачем? Что это вообще за место?

Я невольно вздрогнула от внезапно раздавшегося стука в дверь.

– Моя королева, можно войти? – это был голос того странного мужчины.

Я ответила ему, и он осторожно вошел в комнату, осматриваясь и щурясь от яркого света.

– Я вижу, что вы тут потихоньку осваиваетесь, моя королева. Это хорошо.

– Смотри, – я указала ему на лежащее на полу одеяло. – Тут повсюду пыль.

Он посмотрел на пол, словно увидел нечто диковинное.

– Действительно, вы правы, ваша светлость. Пыли тут предостаточно.

Я мрачно обернулась в его сторону.

– И что? Убраться тут никто не подумал?

– Честно говоря, моя королева, у нас некоторый дефицит кадров в разрезе уборки помещений. Но леди Шарлотта любезно согласилась поменять белье перед вашим приездом.

Он спокойно взял одеяло и подошел к окну. В следующее мгновение, в воздухе за окном поднялся такой сноп пыли, что даже солнечные лучи перестали попадать в комнату.

– Я, пожалуй, закрою окно с вашего позволения, – спокойно сказал он, отдавая одеяло обратно мне.

Я, нервно сглотнув, кивнула. Пыльный смог за окном постепенно рассеивался, но и в текущем состоянии его было достаточно, чтобы сотворить из себя пару пыльных джиннов из сказок, что я читала в детстве.

– Прошу, ваше величество, располагайтесь. Если вам что-то потребуется, то я всегда к вашим услугам.

Он собирался уйти, но я жестом остановила его. Сил у меня оставалось уже немного, поэтому я позволила себя опуститься на кровать.

Мужчина застыл, вся его поза демонстрировала, как он был готов внемлить моим словам.

– Скажи мне... – я невольно закашлялась из-за скопившейся в воздухе остаточной пыли. – Скажи мне свое имя.

Мужчина элегантно склонил голову.

– Меня зовут Оман, моя королева. Всегда к вашим услугам.

– Оман? – удивилась я. – Ты что, с востока?

– Скорее с севера, ваша светлость, но, боюсь, что мое скромное происхождение вряд ли заинтересует вас.

– Хорошо, – раздраженно произнесла я, отмахиваясь.

Нужно было собрать все свои силы, чтобы меня более не мучали муки неопределенности.

– Оман, – уверенным голосом начала я, – ты, наверное, знаешь, что я прибыла в это... место... буквально вчера.

– Да, ваша светлость, вы проехали долгий путь вместе с торговым караваном, чтобы добраться до нас.

– Я не буду пока спрашивать у тебя, откуда это знаешь, потому что мне кажется, что уже практически всем в мире известно обо мне. Это неважно. Оман, – мои глаза уже слипались, но я собрала все свои силы в кулак, – ты, наверное, знаешь, насколько велик был тот караван.

– Да, моя королева, но я не совсем понимаю, куда вы клоните, – озадаченно произнес он.

– Если ты знаешь, что караван был поистине велик, – продолжала я свою логическую цепочку, надеясь, что она в какой-то мере образумит его, – то всегда есть шанс ошибиться, так?

– Ваша светлость... – начал он, но я резким взмахом руки оборвала его.

– Оман, я прибыла сюда вместе с караваном, но я не твоя королева. Я абсолютно случайно решила зайти в этот замок, чтобы... я не знаю, почему. Я ничего не успела понять, когда ты сказал мне одеть эту корону, – я пальцем указала на корону на моей голове, – я думала, что ты меня разыгрываешь, а потом... Оман, давай прекратим это, я слишком устала, чтобы играть

с вами. Пожалуйста, Оман... я не твоя королева, она, наверное, сейчас где-то в городе. Вот, возьми, и прости меня за то, что тебя запутала.

Оман с застывшим взглядом принял от меня корону. Словно восковый солдатик он прошагал к прикроватной тумбочке и аккуратно положил корону на нее. Он не смотрел на меня, а следующие его слова были абсолютно бесцветными, словно он забыл вложить в них свою душу:

– Моя коро... – он осекся и на мгновение замолк. – Если вы так говорите, то прошу, ответьте мне на один вопрос. И я больше не буду к вам приставать.

– Какой вопрос, Оман?

Он неожиданно повернулся и посмотрел мне прямо в глаза. Его взгляд обжигал, я чувствовала, словно меня касается некая древняя смертельно холодная энергетика. Мне сразу стало не по себе.

– Кто вы такая?

Вопрос застал меня врасплох. Неужели он настолько поверил, что я его королева, что сейчас почувствовал себя обманутым? Мне внезапно стало страшно.

– Я... – язык заплетался. – Я – Эвелинн.

– Это ваше имя. Не это меня интересует, – холодным голосом произнес он.

– Я... послушай, Оман, я ведь действительно не хотела ничего дурного! Прости, что ты принял меня за свою королеву, но...

Тут наступил его черед перебить меня резким жестом.

– Я знаю, что вы не хотели нам зла. Но вы ошибаетесь – я не принимал вас за нашу королеву. Ведь вы и есть наша королева.

Я моргнула.

– Что? – невольно спросила я.

– Конечно, если на то будет ваша воля. Если вы откажетесь, то так тому и быть, но, Эвелинн, пока вы здесь – вы наша королева. Потому что никем другим вы сейчас являться не можете.

– Я не понимаю... – пролепетала я.

– Вам и не нужно это понимать. Мы всего лишь просим вас быть самой собой. Быть нашей королевой. Царствовать. Отдавать приказы. Потому что я думаю, что у вас, Эвелинн, это хорошо получится. Это видно...

– Подожди! – воскликнула я. – Что это за... нельзя вот так просто стать королевой! И где тогда мое королевство? Где мои подданные?

Оман едва заметно ухмыльнулся.

– Один из них перед вами, моя королева. Леди Шарлотту вы уже видели. Есть и другие... слуги, с ними вы также сможете встретиться, если пожелаете.

– Но вы же меня не знаете! Как вы можете быть подданными человека, который даже не наречен официально? Как я могу быть королевой, если королевства нет? И как вы можете мне подчиняться, если мы видим друг друга только первый день?! – шквал вопросов обрушился на моего собеседника.

Но он остался невозмутим.

– Ваша светлость, касательно вашего последнего вопроса – некоторые подданные любого королевства вообще никогда не видят своего короля, ведь так? Им даже не дают право его выбрать. У нас же все обстоит получше... мы выбрали вас по своей собственной воле. И только от вас теперь зависит, вступите ли вы в свою должность, ведь мы свое решение уже приняли. А насчет того, что королевства нет... оно есть, моя королева. Я потом покажу его, если вы будете готовы. И также произойдет официальное наречение... потом. Это мировая практика.

Я пустым взглядом смотрела мимо него, в стенку. Происходящее никак не укладывалось у меня в голове.

– Моя королева, вам необходимо отдохнуть. Путь был тяжелым, а внезапность нашей встречи... прошу вас, отдохните. Давайте лучше поговорим обо всем утром, если вы, конечно, этого захотите. Но знайте, что пока вы здесь – этот замок ваш. Пока вы здесь – эта корона ваша. И пока вы здесь – мы принадлежим вам. А пока, моя королева, спокойного дня и спокойной ночи, – он, улыбаясь, прошел мимо меня к двери. – Ах да, еще кое-что...

Я невольно вздрогнула от его последних слов. Я думала, что он уже ушел.

Я посмотрела в сторону двери и увидела, как он стоит, прислонившись к косяку.

– Добро пожаловать в королевство Ногильск! – официальным тоном громко произнес он.

Затем дверь закрылась, а я обреченно рухнула на подушки и провалилась в забытие, не в силах более выдерживать сумасшествие этого мира.

4

Я никак не ожидала, что в замке будет так много сов.

Нет, не настоящих, конечно, но если бы они и были, я не особо бы удивилась – жители этого странного замка, который и замком-то язык еле поворачивался назвать, были явно не от мира сего.

Я проснулась на следующий день примерно в два часа дня и думала, что все уже где-то бродят, что-то делают, но «утром» меня встретил лишь Оман, да и то он так рано встал лишь потому, что он явно чувствовал себя виноватым за вчерашнее. Уж не знаю, почему. Возможно, из-за того, что меня неожиданно решили сделать королевой, особо не спросив моего мнения? Так это абсолютно нормальное явление в королевском мире, где вообще мало кто кого о чем-то спрашивает. Ведь по мнению царственных предпринимателей, если у тебя есть вопрос, значит, ты не особо и хочешь чего-то. Логика странная, но вполне жизненная.

Леди Шарлотта, как я узнала от Омана, еще спала, хотя скоро должна была встать, а двое других обитателей замка просыпались лишь вечером. Мне почему-то казалось, что они так долго лежали в кровати либо потому, что делать было особо нечего, либо потому, что нечего было есть. В итоге, я оказалась права по обоим пунктам.

Оман услужливо принес мне свежую воду и средства для утреннего умывания, а также, что меня больше всего поразило, поджаренные тосты вместе с маленькой баночкой джема. Покончив с чисткой зубов, я решила притронуться к тосту, который невинно лежал на тарелке рядом со мной. Делала я это с некоторой опаской, ведь, судя по горделивому виду Омана, тосты были из его личных запасов. Дескать, смотри, как дядя Оман решил о тебе позаботиться, юная королева! Не одной гречкой живы будем!

В итоге, конечно, голод победил страх, и я вонзила зубы в поджаренный хлеб, предварительно намазанный джемом. Зубы выдержали, но с трудом, я буквально чувствовала их натужный скрип, пока они усердно пытались расправиться с кусочком тоста. Через некоторое время они окончательно сдались, прежде всего, из-за пресловутого джема, вытянуть который из баночки представлялось не такой уж простой задачей, а уж проглотить его было решительно невозможно, потому что он намертво прилипал к зубам и деснам. Пришлось запивать маленький кусочек черствого хлеба целой кружкой воды, но зато тост с джемом спустя я почувствовала, что наелась досыта. Вот почему говорят – ешь часто, но понемногу! С такой королевской диетой я скоро стану такой стройной и звонкой, что даже смогу книгу про это написать. Надо же как-то юной королеве зарабатывать себе на новые тосты? А книгу назову: «Тост и я. История победы».

Потом я оделась, кое-как причесалась и отправилась на поиски Омана, разгуливая по всему замку и выкрикивая его имя во всю глотку. Немного вульгарно, согласна, но с провинциальными жителями по-другому никак. Надо же как-то вливаться в местную общину?

Через некоторое время он нашел меня и отвел в просторную и очень светлую комнату, до отказа набитую всяческими диванчиками, подушечками, мягкими игрушками и прочими разнообразными вещами, которые хорошо смотрелись бы в детской, но этот зал был одновременно несколько... официальным. Я не знаю, как ему это удалось. Возможно, из-за ровных стеллажей из дорогого дерева, на которых возлежали аккуратные стопки деловых папок? Или из-за того, что рисунок на стенах совершенно не соответствовал тому мягкому содержанию, что было разбросано по залу?

Оман участливо пригласил меня присесть туда, где мне будет удобнее всего, и сам с размаху завалился на один из бесформенных диванов, подняв столб пыли. Я аккуратно попыталась сесть на одну из подушек, которая лежала сверху чего-то мягкого и цветастого, и в следующую секунду с ужасом поняла, что проваливаюсь в пушистое болото. Оман помог мне привстать и занять более удобное положение, а затем сказал, что это комната в стародавние времена служила для проведения серьезных переговоров. Я еще раз подивилась тому, насколько продуман был дизайн той эпохи, когда возводили этот замок. Практически ни у кого не получится сохранять спокойную и уверенную ухмылку у себя на лице, когда ты полулежишь на горе подушек, а окружают тебя разные пушистые зверьки.

Оман еще раньше сказал, что я могу задавать ему любые вопросы, поэтому я решила начать свой первый день в королевском сане именно с них. Мне надо было хоть как-то прояснить ту ситуацию, в какую я умудрилась попасть. Мой собеседник обнял пушистого и совершенно неколючего ежа, уселся поудобнее и приготовился меня слушать.

Я прекрасно знала, что информация по сути своей может быть губительной. А еще, как системный человек, я также знала, что избыток информации может быть даже смертельным для здоровья. Обычно все обстоит так – ты начинаешь свой опрос с темы, которая тебя больше всего интересует, далее, нащупав знакомую тропинку, углубляешься, стараясь понять суть, и... попадаешь в одну из многих ловушек.

Во-первых, не зная своего собеседника и не зная ситуации, в которой ты находишься, ты начинаешь интерпретировать полученную детальную информацию, исходя из своего личного опыта, мировоззрения и различных психологических особенностей своего характера. Тем самым ты начинаешь себя обманывать, искажая информацию, которую тебе преподносит собеседник, чтобы эта самая информация начала казаться тебе понятной и близкой.

Во-вторых, ты получаешь такое колоссальное количество информации по одной из тем, присущих ситуации, что твой мозг не сможет воспринять и обработать другие темы. Ты будешь усердно обдумывать лишь одну сторону вопроса, оставляя без внимания еще пять-шесть и более факторов. Таким образом, картина получается неполной, а система незавершенной.

В-третьих, чем больше разношерстной и детальной информации тебе предоставляет собеседник, тем больше вероятности ее искажения. Это особенность многих экономистов, их сила заключается, прежде всего, в манипуляции словами, которые в совокупности могут привести вас совершенно не к тому результату, что вы хотели.

Именно поэтому, попадая в незнакомую ситуацию, стоит, прежде всего, поверхностно рассмотреть сразу несколько тем, не вдаваясь глубоко ни в одну из них, чтобы сохранить информационное беспристрастие. Если вы замечаете, что ваш собеседник начинает говорить общими словами слишком часто, то это значит, что либо вы зашли слишком далеко в своих вопросах, либо он пытается вас обмануть или увести от истины. В последнем случае лучше просто закрывать сознание от потока информации, оставляя его чистым.

Если у вас есть возможность вникнуть в ситуацию самому на практике, то лучше после многочисленного ряда коротких вопросов по разным темам именно так и сделать, а уже впоследствии вернуться к собеседнику, но уже с более профессионально сформулированными и грамотно составленными вопросами по текущей действительности. Таким образом, вам, вероятно, выкажут даже некоторое уважение. Хотя последнее не столь и важно на самом деле.

Придерживаясь этой весьма незамысловатой тактики, я решила сперва спросить у Омана, чем он, собственно, занимается в этом замке. Ответ меня несколько шокировал, хотя мне точно стоило уже перестать удивляться.

Оман был библиотекарем.

Нет, ну серьезно. Библиотекарь и ученая? Таких должностей уже давнее время не существовало в современных замках, когда экономисты хором объявили, что у нас, дескать, экономический кризис, из-за чего под общий шумок были уволены довольно порядочные и полезные для общества люди.

Библиотекарь... человек, смотрящий, чтобы книги были в порядке и сохранности. На первый взгляд абсолютно бестолковая и ненужная в современном мире профессия, но этот взгляд насажден теми же финансистами. В хорошем динамично развивающемся обществе библиотекарь был нужен. Без какой-либо причины, просто нужен.

И далее информация полилась рекой, хоть я и обещала быть с этим поосторожнее. Но это место было поистине загадочным и не похожим ни на одно, где я ранее бывала. Поэтому мой опыт не мог исказить окружившую меня плотным коконом информацию, я лишь способна была жадно вбирать все новые и новые слова, стараясь изо всех сил не захлебнуться в них.

Оказалось, что двумя другими постоянными резидентами замка были, внимание, свечник и кухарка. Кухарка меня поразила, прежде всего потому, что она стояла особняком из-за своей эдакой нормальности по сравнению с другими участниками этого нелепого маскарада. Хотя, что здесь делает женщина, которая должна готовить, если готовить уже ровным счетом не из чего, также было для меня непонятно.

Но свечник! Это уже явно переходило все границы. Во всех замках по всему миру свечи давно уже зажигали слуги, которые выполняли общую работу – уборку, помощь в готовке, доставку посланий и прочее. Такая профессия, как свечных дел мастер, отходила назад к той эпохе, все исторические источники которой были либо утеряны, либо серьезно повреждены, поэтому нельзя было точно и достоверно сказать, существовала ли такая профессия вообще. Сейчас свечи изготавливали в специальных мануфактурах, и некоторые из них отличались лишь по цвету, да и это явное излишество, по мнению многих экономистов, должно было скоро сойти на нет во имя рентабельности и маржинальной прибыли. Свечи были однотипными, изготавливались из дешевого жира, отвратительно пахли, но свою функцию касательно освещения помещения выполняли, хоть и скверно. И никто не задумывался о массовом производстве, к примеру, ароматических свечей, разноцветных свечей, долгоиграющих свечей, свечей с ярким огнем и прочих извращениях, которые шли в явный разрез с принципами капиталистического мироустройства, потому что они были... неприбыльными. А слово «неприбыльный» в современном мире отождествлялось со словом «мерзкий».

И именно тут, на самом краю мира, и обнаруживается свечных дел мастер, который просто... делает свечи. И все! Сейчас даже предприятия, занимающиеся производством свечей, не делают лишь одни свечи, потому что это... вы поняли? К примеру, они также производят мыло. Также крайне скверное.

Далее я уже слушала Омана с широко раскрытым ртом. Замок, как оказалось, по финансовым документам целиком и полностью принадлежал леди Шарлотте. Она приобрела его по довольно бросовой цене, но и ее оплаты хватило, чтобы юная леди растеряла весь свой накопленный капитал. Зачем она так сделала, я так и не поняла, да и не особо интересовалась.

Оман же, будучи гостем замка, решил превратить его путем нехитрых юридических манипуляций в... королевство. Да, по Общим Законам, это было возможно. Необходим был лишь Устав королевства и его Участники. И все.

Не думаю, что кто-либо, даже внимательно рассмотрев все документы, когда-либо признал бы эту маленькую крепость королевством, но с точки зрения закона Оман мог просто не обращать внимание на этих людей. Какая разница, признаешь ли ты что-то или нет, если в

Общем Законе это написано. Свободная трактовка Общего Закона – это уже были явные фантазии, по мнению Омана.

И хоть я поражалась смелости и новаторскому подходу сидящего напротив меня человека, но я все еще не понимала, зачем все это было нужно. Зачем юной аристократке тратить все свои деньги на экспонат из архитектурного музея? Зачем какому-то библиотекарю начинать играть с законом, словно это была песочница, если в мире на тебя никто не обратит внимания? И главное...

Зачем им нужна была я?

Я также спросила у Омана, ради общего развития, раз уж эта тема неожиданно всплыла на поверхность, имею ли я право царствовать в новообразованном королевстве, да еще и без короля? Напомню, что в исторической практике ни разу еще не было случая, чтобы женщина правила одна. Даже если короля убивали, то Совет должен был назначить нового короля-мужчину, даже если всех отпрысков королевского рода также убили. Пусть на троне сидит хоть грязный крестьянин, только что вернувшийся с полей, но только не женщина. Это был не закон, а скорее, нечто вроде непрописной истины.

Но Оман в ответ на этот вопрос лишь пожал плечами. Дескать, и что с того? Общий Закон ничего не говорит о поле, вероисповедании и расе правителя. Единственное пожелание, которое оговаривалось в Общем Законе, заключалось в том, чтобы новый правитель ранее принадлежал к королевской династии.

Оман не обмолвился, правда, что я являюсь самой настоящей принцессой, но судя по тону его спокойного голоса, он про это был осведомлен. То, что про меня все знают, уже не удивляло. Удивляло как раз таки все остальное.

Я почувствовала, как у меня начинает болеть голова, поэтому я быстро решила взять перерыв, попутно спросив разрешения у Омана взять с собой Устав, который он написал. Он с радостной улыбкой согласился, видимо, ему крайне польстило, что я заинтересовалась его трудом.

Остаток дня я провела, валяясь в своей кровати вместе с Уставом и гречкой. Отсутствие сыра меня несколько печалило, но это чувство быстро отошло на второй план, когда я погрузилась в чтение. В прикуску с новой и поразительно вкусной информацией даже гречка показалась вполне съедобной.

Конечно, Устав пестрил разнообразными юридическими осложнениями, поэтому пробираться сквозь его дебри было бы не так просто, но не в этом случае. Сейчас во мне почему-то проснулась бешеная мотивация. Я в запой читала про права наследования, про территориальную целостность и прочие моменты, которые описывались в Уставе любого королевства. Я также заметила, что некоторые главы пустуют, как будто автор специально оставил там место, чтобы при случае дописать. К примеру, пустовали главы о геральдике, о системе налогообложения и о национальном языке.

Но это было неважно. Вообще, теперь все было неважно.

Просто потому, что... это было *мое* королевство.

И я была его *королевой*. Без короля. Первой в мире, по крайней мере, согласно официальным источникам.

Я чувствовала, что меня буквально переполняет бешеная энергетика, как она струится по моим жилам. *Мое* королевство. Хм.

Я усмехнулась. Что ж... для начала совсем неплохо.

Первым делом, куда я направилась, встав с кровати *относительно* утром, была та самая таверна в прилегающем к замку городке, где меня так заботливо встретили и приютили, когда я приехала.

Я выкупила маленькую комнатку на несколько дней, но последние неожиданные события в моей жизни не позволили мне туда вернуться, поэтому я стояла с умоляющим взглядом перед хозяином трактира лишь через пару дней после моего ухода. Еще тогда я довольно беспечно передала ему все мои ценные вещи, включающие в себя некоторые детали моего скудного гардероба, а также практически все имеющиеся у меня деньги. Поступок, конечно, был весьма и весьма опрометчив, но после долгой дороги я откровенно была не в себе, плохо соображала и поэтому просто доверилась первому попавшемуся добродушному на вид человеку. К счастью, мне очень повезло, и трактирщик с улыбкой вернул мне все обратно, пожелав удачного дня и спросив напоследок, у кого я осталась. Я, вне себя от счастья, что мои сбережения оказались в целости, сразу же показала ему рукой на крепость, которая мрачно возвышалась над городом. Помню, как он удовлетворительно кивнул и сказал, что рад, как все удачно вышло, но тогда я не обратила особого внимания на его слова – вся моя голова была занята всевозможными проектами, которые можно было осуществить в недалеком будущем.

Простившись с хозяином таверны, я возбужденно начала свой длинный подъем в замок, уже не обращая внимания на крутость склона и быстро наступающую усталость. Я буквально вихрем ворвалась в тронный зал, вошла в боковой коридор, прошла несколько пустынных залов и поднялась по внутренней лестнице к себе в комнату. Там я и сбросила тяжелые сумки со своим имуществом, а приятной величины мешок с деньгами спрятала за неимением лучшего под матрас, предварительно положив несколько монет высокого достоинства к себе в карман.

Затем я направила свои королевские стопы в то место, которое интересовало меня больше всего на свете, точнее, должно было заинтересовать через ориентировочно пять часов, потому что хозяин таверны напоследок великодушно угостил меня плотным обедом раньше срока, когда он должен был официально начаться. Этот трактир, наверное, был практически единственным на весь маленький городок, поэтому хозяин, обладая своеобразной монополией, решил разработать свои собственные правила, согласно которым, например, невозможно было поесть в общем зале, если не наступало определенного времени. Или можно было, но... короче, все было несколько сложно, по-провинциальному.

Еда была простой, но в то же время чрезвычайно калорийной, а еще ее было довольно много. Стоило это удовольствие также недешево, даже комнату было снять дешевле, что мне, всю жизнь прожившей в больших городах, где цены на недвижимость были заоблачными, было первое время слегка непривычно. Скорее всего, это было связано с тем, что в этот весьма отдаленный от цивилизации край весьма редко кто-либо заезжал, а производить абсолютно все виды продуктов местные жители попросту не могли. Или все было даже еще проще: так как по слухам городок был промышленным – неподалеку была разработанная шахта – а конкуренции у этого заведения, как я уже говорила, не было, то все рабочие, заезжающие иногда на местный рынок фермеры да и оставшиеся два-три жителя регулярно заходили в таверну, чтобы промочить горло, обсудить последние невероятные новости, а также просто чтобы банально поесть. Вот хозяин, видимо, и наживался на постоянно высоком спросе.

Денег у меня с собой, благодаря моим дорогим родителям, а также принцу Нарлу, было предостаточно, чтобы я могла практически каждый день трапезничать в таверне вместе с простым людом, но дорога туда и обратно была для меня крайне утомительной, а сама еда, как уже упоминалось, крайне обильной и калорийной. При таком каждодневном рационе я могла очень быстро поправиться, что было... не совсем правильно. Пусть я и потеряла теперь всякую надежду выйти в будущем замуж, но теперь, неожиданно став королевой, я хотела, по крайней мере, выглядеть хоть как-то нормально. Просто так, не вникая в причины.

И была еще одна причина, почему я не хотела ходить в тот трактир, что находился в городе. Зачем пользоваться чужими услугами, когда у тебя есть собственная кухарка? Поэтому сразу же после возвращения в мой замок я пошла на кухню, где, как сказал Оман, и ждала меня кухарка, с которой я горячо хотела побеседовать. На повестке дня у меня стоял очень важный разговор о полезности гречки, а также о пренебрежении правами тех, кто очень любит сыр.

Кухня располагалась в подземном помещении и была очень даже просторна, что было типично для тех времен, когда воины устраивали пиры в честь каждого значимого события. Победа ли была или поражение, свадьба или громкий развод, рождение наследника или его неожиданная смерть – все это необходимо было отметить. В остальных случаях, когда особого повода не было – его необходимо было придумать. Для этого, по-моему, при дворе существовал даже отдельный человек, который и заправлял устройством всех праздников в замке.

Мне очень понравилось, что при текущем положении кухня выглядела крайне чистой и опрятной, даже паутина со стен была содрана, а вся утварь была вычищена и отражала собой свет многочисленных свечей. Печально было смотреть на пустоту и безнадежную тишину, которая царила в этом помещении – казалось, что даже в обширной библиотеке, которую показал мне Оман, было намного шумнее. Среди многочисленных, доходящих до потолка, полок таинственным образом слышался сухой переливчатый шепот. Это страницы некоторых открытых книг шелестели от легкого ветерка, что проносился по залу из приоткрытого окна.

Но в кухне было крайне тихо. Она словно была мертва – даже запах ранее готовящейся здесь еды выветрился прочь, поэтому комната казалась одновременно безжизненной и всеми покинутой.

В центре зала, читая какую-то толстенную книгу, сидела внушительных размеров женщина. Маленькая кухонная табуретка была совершенно незаметна под ее массивным телом, руки, как было принято в старину, были оголены до плеч и в обхвате подходили по размерам медвежьей ноге.

Я невольно вздрогнула. Такой представительный человек, казалось, сам мог забить медведя голыми руками, а затем преспокойно подать вам его на ужин.

Она явно заметила мое осторожное к ней приближение, но лишь слабо взмахнула рукой в мою сторону, продолжая смотреть в книгу. Видимо, она хотела выглядеть важнее, чем была на самом деле, или просто устала от творящегося в этом месте безобразия. Почему-то, несмотря на ее внушительные формы, она показалась мне самым нормальным человеком среди всех прочих жителей этого чудного замка.

– А, вы пришли, наконец, – выдохнула женщина.

Ее голос был спокойным и ровным, но даже так он разносился по всему пустынному залу, отражаясь от стен и как будто набирая силу. Я боялась представить, что будет, если она решит повысить голос. Бедным поварятам и прочим помощникам, ранее работавшим рядом с ней, можно было посочувствовать, но зато они, наверное, никогда не повторяли своих ошибок. Конечно, ценой этому был потерянный слух и всякие остатки самоуважения, но какой прок от всего этого, когда на кону стоит хороший обед? На протяжении многих веков простейшие физиологические потребности человека стояли превыше всего, служа источником многих искушений и манипулятивных ловушек.

Я решала стоять настолько твердо, насколько это было возможно в сложившейся ситуации. Ведь кто, в конце концов, тут королева? Вот и я про то же.

– Вы, как я понимаю, Дора? – спокойным голосом спросила я.

Мне очень повезло, что предложение было достаточно коротким, я очень старалась, чтобы мой голос звучал спокойно, но когда она повернула ко мне свои глаза, то я будто заглянула в печку из самой преисподней. Эта женщина в стародавние времена действительно была бы хорошим инквизитором – ведьмы бы скорее сварились заживо в своих собственных котлах, чем попали бы к ней в руки.

Я чувствовала, что мои силы оставляют меня, поэтому мне пришлось опереться рукой на стол для разделки мяса, чтобы не упасть. Все мое тело и инстинкты слезно просили меня плюнуть на придворный официоз и в ужасе забиться куда-то под стол, желательно в другом конце замка.

– Да, – кивнула женщина, и ее подбородки многозначительно заколыхались. – А вы, *как я понимаю*, новая королева?

Я слотнула. Постаралась успокоиться. Не получилось, поэтому я слабо улыбнулась.

– А что, была старая? – улыбка вышла какой-то нервной.

– Да вас не сосчитать, постоянно приходят да уходят. Не в этом месте, конечно, я тут недавно... милая, да что вы стоите, возьмите себе табуретку в том углу да сядьте. В ногах правды нет, так говорят.

Последнее предложение прозвучало, скорее, как приказ, но у меня не было никаких сил, чтобы спорить, поэтому я послушно, словно малое дитя, направилась в дальний угол кухни, взяла табуретку и села рядом с моей властной собеседницей. Она, в свою очередь, отложила книгу в сторону и внимательно осмотрела меня.

– Да уж, милая, что ж у вас молодых за новая модная причуда появилась? Так обтягиваться корсетом, зачем себя так мучать, особенно в таком отдаленном от нормального мира месте?

Я удивленно осмотрела себя. Может быть, я что-то пропустила?

– Но... на мне нет корсета... – почему-то неуверенно произнесла я.

– Да? – брови женщины поднялись вверх. – А, да, теперь вижу, просто платье такое обтягивающее. Здесь крайне темно, милая, эти дурацкие свечи ничего не освещают. Но, боги мои, какая же вы худая!

Да, ради разнообразия я решила надеть одно из моих платьев, которое я привезла с собой. Оно было довольно удобным да и более под стать королеве, чем какой-то мужской костюм. Хотя на самом деле я бы хотела, чтобы мне сшили на заказ какой-то более женственный вариант костюмов, которые обычно надевали аристократы былых времен при дворе. Но пока портной был для меня явно излишней роскошью, нужно было разобраться с остальными вопросами. Например...

– Конечно, не особо растолстеешь, если каждый день есть одну гречку, – с улыбкой встала я, решив сразу взять быка за рога.

Дора в ответ лишь фыркнула.

– А что вы хотели? Скоро и этого не будет. Вы как-нибудь на досуге прогуляйтесь по замку, а по пути загляните в кладовку, она тут неподалеку. Если найдете что-то съестное, то я с радостью приготовлю, мне не сложно.

Сказано это было с усталым вызовом, но у меня не было сил с ней спорить. В ответ я достала из наплечной сумки, что взяла с собой, массивную книгу, которую звучно и водрузила на стол между нами.

– Вот касательно этого я и пришла поговорить, – решительно произнесла я.

Дора недоуменно посмотрела на книгу, а затем хрипло рассмеялась.

– Это же фантазии нашего Омана? Королевский Устав? И что вы хотите им сказать? Следуй Закону, и, возможно, Он нас накормит? – голос ее был полон сарказма.

Я более не чувствовала себя неуверенной. Не обращая внимания на ее слова, я поднесла одну из свечей поближе и стала шерстить страницы в поисках... ага!

– Дора, я не хочу утомлять вас мелкими деталями, оставьте все административные вопросы мне. Но я хотела узнать, – тут я резко повернула книгу в ее сторону и указала своим ногтем на параграф, – вы читали это?

Женщина нависла над книгой, заслонила своей тенью свет от маленькой свечки. Прочитав небольшой абзац, она громко усмехнулась.

– Теперь прочитала. Там идет речь о моей зарплате, так? Но я ее не видела с тех пор, как...

Я посмела перебить ее резким взмахом руки. Эта женщина должна была понять, что исполнителю лучше не думать, когда думает королева. Ведь если все будут активно думать, то кто будет что-то делать?

Я начала активно листать страницы, пока не дошла до конца книги. Именно там содержались все приложения. Я пропустила табличку с табельной ведомостью и обратила внимание женщины на строчку в приложении к зарплатному листку.

– Дора, здесь, напротив вашей должности я написала зарплату, которую я могу вам платить первое время. Если вы согласны, то, пожалуйста, поставьте свою подпись напротив, а это, – я порылась в своем мешочке, где хранились деньги, – аванс за первую половину месяца.

Дора ошарашенно смотрела на меня, ее лицо на время окаменело. Потом она взглянула в книгу и окончательно замерла всем телом.

– Зарплата, да? – только и смогла вымолвить она.

– Да, Дора, именно. Эта книга, как вы правильно сказали, представляет собой Закон. А согласно Закону никто не должен работать бесплатно, ведь так?

– Мне никогда не платили зарплату... – угасающим голосом сказала Дора.

Тут был мой черед удивиться.

– Но как же вы раньше работали? Оман мне рассказывал, что вы побывали во многих королевствах...

– И там везде не платили зарплату, – теперь уже твердым голосом произнесла она. – Мне платили, но... неофициально...

Я кивнула. Я не задумывалась, что так называемая черная оплата добралась и до государственных служащих, которые включали в себя и работников на королевской кухне, но, похоже, что экономисты совершенно обнаглели, решив исказить реальность вокруг себя. Неофициальное оформление означало нестабильную оплату, а деньги не проводились по официальным документам... это было крайне темным делом, что явственно отображало состояние душ работников в финансовой сфере.

Беспощадные. Бесчувственные. И откровенно бесполезные.

Я еще раз пообещала себе, что в идеальном мире, который я постараюсь выстроить, не будет существовать таких паразитов. Они будут служить лишь великой цели.

– Я понимаю, Дора. Но это было неправильно, несправедливо. Давайте сейчас и здесь постараемся все сделать по Закону, чтобы нам уже было от чего отталкиваться. Хорошо?

Женщина безмолвно кивнула и поставила неловкую черточку напротив своей должности.

Затем она посмотрела на меня, и я снова ощутила на себ ее пламенный взгляд. Как будто огонь заново разгорался и уже грозил прорваться сквозь стальные заслонки, чтобы спалить всех окружающих. Но я уже не боялась этого огня – я была в системе. И поставив свою подпись, Дора вогнала себя в мой мир, в мою систему.

Теперь она была полностью в моей власти. Я улыбнулась пламени, ведь оно уже не могло меня обжечь.

– И что вы хотите за это? – ровным голосом спросила она.

Я обвела рукой все помещение.

– Мне нужно, чтобы кухня функционировала, чтобы все здесь работало. Я хочу, чтобы у меня и у других на столе каждый день была сытная и разнообразная еда. Чтобы мы ходили в трапезную, как на праздник. И чтобы... был сыр, много сыра! Вы понимаете?

– Это нетрудно сделать, но на это все нужны деньги.

Я покачала головой.

– Это сейчас не основная проблема. Скажите сколько нужно, и я позабочусь об остальном. Только... сможем ли мы купить все необходимое в этом месте? Это... – неуверенно пробормотала я.

– Это дыра, милая, сушая дыра, но даже здесь можно из-под земли достать, что угодно – были бы деньги. Сейчас весь мир крутится вокруг этих золотых кругляшек, и ради них люди готовы на многое.

– А доставка? – решила уточнить я.

– Я видела, что в городе крутится много бездельников – они помогут.

Я устало, но с облегчением вздохнула и облокотилась спиной о боковую часть стола.

– Теперь бы еще разобраться с уборкой...

– А вот тут... – послышался скрип от низкой табуретки, на которой сидела Дора.

Женщина встала, и я заметила, как улыбка перекосила ее лицо, что в полумраке она стала казаться демоном во плоти.

– А тут я, похоже, смогу вам кое-что подсказать. Если вы соблаговолите немного прогуляться со мной, – она быстрым движением сгребла монеты, все еще лежащие на столе.

Затем она с громким хлопком закрыла Устав и передала его мне.

– У вас есть какие-то идеи, Дора? – спросила я, убирая тяжелую книгу в наплечную сумку.

– Да, есть... *моя королева*.

Я удивленно воззрилась на нее.

– Королева? – глупо повторила я.

Но она лишь пожала плечами.

– Тот, кто платит, тот и достоин уважения. Ведь любовь действительно выражается не в словах, а в полезных для другого человека поступках. Пойдемте, ваше величество, я вам кое-что покажу.

Я послушно засемила за своей огромной спутницей.

Кем же она была раньше, если своей властной аурой она походит на человека, который держал в порядке и страхе не только кухню, но и весь дом?

В последний момент перед уходом я бросила взгляд на книгу, которую Дора читала перед моим приходом. Неровный свет свечи дал прочитывать лишь часть ее названия, но и его хватило, чтобы узнать работу одного из великих мыслителей прошлого.

Что здесь происходит?

Откуда Оман набрал всех этих людей? И почему они готовы мне подчиняться?

Я еще раз вспомнила вопрос Омана, когда он оставил протянутую ему корону на моей прикроватной тумбе.

Кто я такая? И чем мне суждено заниматься в этом мире?

6

Дора действительно подала мне хорошую идею – сама бы я до нее никогда не додумалась.

Проходя ранее сквозь крошечный городок за считанные минуты, мой взгляд всегда касался богато украшенного здания, которое очень сильно выделялось среди остальных своей величиной, отделкой и материалом, из которого оно было сделано. Здание было каменным трехэтажным, в то время как остальные приземистые постройки были сделаны из грубо оетсанного дерева и в редком случае могли иметь что-то вроде подвала.

На фасадной части здания я не нашла никакой вывески, которая бы могла помочь определить его предназначение, окна же были постоянно закрыты красными шторами из явно дорогих тканей. У меня не было времени разбираться, кто и зачем здесь живет, а по приходу в

замок я постоянно забывала спросить об этом Омана, который, казалось, знает об окружающих краях практически все.

И в тот самый день... мое первичное удивление, что Дора уверенным шагом направляется именно к этому зданию, быстро сменилось сильным смущением, которое за считанные мгновения сковало мое тело, что я не могла пошевелиться, а так и застыла на пороге, раскрыв рот.

Я неожиданно поняла, что находилось в этом здании.

Я поняла, куда я попала.

Заходя издали, могу сказать, что мое отношение к представителям этой, кхм... профессии... довольно нейтральное. То есть оно остается нейтральным, пока я не сталкиваюсь с этими самыми профессионалами, которые постоянно вводят меня в состояние культурного шока. Именно поэтому в больших городах я обхожу такие места, а, бывает, и целые кварталы не потому, что презираю этих людей... нет, ну...

Кто, интересно, в давние времена вообще *придумал* эту профессию? Или все это возникло спонтанно, как остаточный пережиток непродолжительной по меркам истории эпохи рабства? То есть рабы восстали, свергли своих хозяев, ввели новый порядок наемного труда, который мало чем отличался от рабства, но, по крайней мере, *назывался* по-другому, а затем...

Нет, ну девушки шли на данную работу *добровольно*. Хотя вряд ли можно назвать добровольным акт вынужденности, когда рынок перенасыщен малооплачиваемыми рабочими местами, которые, правда, требуют колоссальных вложений труда и времени, а все мало-мальски приличные профессии заняты не пойми кем. Но все равно у них был выбор!

Ладно, если рассматривать эту работу совершенно беспристрастно, то это нечто сродни сфере услуг. Услуги интимного характера, если называть вещи своими именами. Работа предполагала под собой полную занятость на территории работодателя, без каких-либо дальних и продолжительных командировок. Официальная зарплата, хороший социальный пакет, регулярные отпуска, бонусы за выполненный, кхм, план... в общем, не работа, а мечта, правда?

Не знаю, как в отдаленных провинциальных регионах, но в больших городах о девушках заботились, их часто навещали врачи, а сама работа лишилась своего криминального очарования, которое царило буквально сотню лет назад. Если что-то полезное экономисты и сделали для всего мира, так это были легализация таких профессий, как наемники, искатели приключений, торговцы оружием и куртизанки. И хотя они это сделали преимущественно ради того, чтобы самим нажиться на новых налоговых поступлениях, но тут, как я считаю, произошел равноценный обмен.

Ирония лишь заключалась в том, что работа проституткой была более оплачиваемой и гораздо лучше обеспечивалась со стороны государства, чем работа того же плотника. То есть никто не против, чтобы плотнику платили меньше, но иногда ведь вообще не платили... экономические реалии народ понимал даже лучше, чем политические ухищрения государства, которые многим были откровенно не интересны, поэтому такие способы уклонения от налогов, как зарплата «в черную», стали случаться повсеместно и даже на государственных должностях, в чем я уже успела убедиться на примере Доры.

В общем, все это было прекрасно и крайне интересно, но это не отменяло того факта, что я очень смущалась при виде раздетых девиц, которые отдавали свое тело в почасовую аренду. Дело, как говорится, хорошее, пусть люди зарабатывают, занимаются, чем хотят, но я лучше посижу где-нибудь вдали от этого места, лучше даже в горячей ванне, старательно отскребая со своего тела липкую и неприятную энергетику публичного дома. Действительно, те, кто управляют такими, кхм, системами, должны обладать колоссальной устойчивостью и философским взглядом на жизнь. Почему-то мадамы, стоящие на верхушке иерархии в таких местах, мне чем-то напоминали врачей, часто сталкивающихся со случаями летального исхода

в своей практике. Одну яркую победу над суровым миром тут же сменяет десяток поражений, и тут, главное, не сорваться, не заглядывать слишком часто в бутылку...

Мадам Синтия чем-то напоминала Дору. Возможно, своей комплекцией, а, вероятно, и негибаемой волей и уверенностью в себе. Я на тот момент уже устала притворяться, поэтому одного прямого взгляда в глаза Синтии хватило, чтобы у меня начали подкашиваться ноги. Атмосфера этого места действовала на меня крайне угнетающе.

Рядом с массивной Дорой и с представительной Синтией я, наверное, выглядела, как робкая девчушка, которая все детство мечтала постичь и проникнуться одной древней профессией. Я не пыталась производить впечатление гордой и уверенной в себе королевы, я, скорее, хотела убраться отсюда подальше, завалиться в свою кровать и не вылезать из нее по меньшей мере неделю.

Но Синтия через мгновение смягчила мой взгляд и склонила передо мной голову, как равная. Конечно, на моей голове в тот момент была корона, но это место было явно за пределами замка, поэтому... честно говоря, надо уже махнуть рукой на попытки объяснить происходящее. Пусть идет как идет.

С этими мыслями меня посадили в объемное и очень мягкое место, а милая девушка подала мне крепкий черный чай. Я поблагодарила ее, стараясь не обращать внимание на то, что ниточки ее одежды не очень-то и старались прикрыть ее нагое тело. Почему-то мне казалось, судя по появившейся недавно моде у современной молодежи на откровенные и привлекательные наряды, именно такая, кхм, *униформа*, как у местных дам, станет повсеместной у молодых людей во всем мире. И что тогда придумают куртизанки? Станут в противовес одевать побольше одежды?

Пока я, стараясь сосредоточить свое внимание на некоторых довольно интересных деталях интерьера парадного зала и одновременно полностью игнорируя мельтешащих вокруг легко одетых девушек, две женщины ушли в боковую комнату и принялись что-то жарко обсуждать, оставив меня в компании весело щебечущих девиц, словно я была маленькая девочка, пришедшая с мамой на производственное предприятие своей знакомой.

Пусть и так, мне на самом деле было практически все равно, поэтому я терпеливо стала ожидать результатов переговоров. Наконец через каких-то полчаса Дора победоносно вышла из кабинета, ведя за собой двух молодых девушек, которые даже носили какое-то подобие одежды – видимо, они собирались в дорогу и не хотели смущать своим откровенным видом окружающих людей. Попытка была милой, но откровенно провальной, потому что, думаю, смутить кого-то в этом городке мог только человек, разбрасывающий по улице золотые монеты. Похоже, что это здание знали и посещали практически все в городе, кто относил себя к мужскому роду. Или даже к женскому, гулять так гулять, как говорится.

Девушек, как я потом узнала, звали Соня и Хлоя, и именно они стали моими первыми служанками, которые помогли навести в замке относительный порядок. Они были очень молоды и очень энергичны – постоянно куда-то бежали, говорили быстрым и веселым речитативом, а работа спорилась в их маленьких ручках, поэтому идеальнее работниц я бы вряд ли нашла за такой короткий срок. Конечно, их милое и быстрое щебетание изрядно начинало действовать на нервы под конец дня, но в то же время они придавали всему замку некую оживленность, поэтому я старалась закрывать глаза на их чрезмерную суетливость.

Они были словно милые котята, постоянно бегающими за собственным хвостом, и мне даже было страшно представить, что какой-то мужчина делал с ними... всякое. Когда я записывала их в приложение к Уставу, то узнала, что им обоим около четырнадцати лет, и хоть возраст согласия повсеместно начинался с тринадцати, мне все равно становилось как-то не по себе, когда я представляла их в публичном доме. Дора, правда, заверила меня, что их совсем недавно привезли, что их семья была убита, а дом сожжен злыми людьми, но я уже научилась не верить печальным рассказам простолюдинов, которые имели обыкновение обнажать

одну душераздирающую деталь своей жизни за другой, обреченно съедая при этом десятый бутерброд с колбасой. По неизвестной мне причине многие люди просто обожали жаловаться, а иногда несправедливая жизнь была слишком хороша, чтобы предоставлять многочисленные поводы для этих жалоб, поэтому приходилось что-то придумывать, приукрашивать. Дело житейское, как говорится, но я старалась сосредоточить свои усилия на будущих результатах, а не на прошлых неудачах, благо так было намного полезнее.

И Соня с Хлоей крайне удачно влились в мою систему совершенствования королевства, за что я была им очень благодарна. Зарплату я им, правда, установила не такую большую, но мои средства были далеко не бесконечны, а пока я не видела признаков обещания Омана рассказать мне о том, как выдуманному новому королевству можно также выдуманно заработать. Я старалась не думать об этом, хотя меньше всего мне хотелось услышать разгневанные стук в дверь моих покоев, за которой люди сокрушались бы о задержке оплаты. Начинать свое правление с бунта вряд ли кому хотелось.

Через какую-то неделю замок буквально преобразился в лучшую сторону. Хоть людей было и немного, но помещения удивительным образом заполнились оживленными разговорами, в некоторые залах можно было рискнуть дышать без приложенного к носу платка, чтобы не задохнуться от ранее царствующей там пыли, а трапезный стол буквально ломился от различных яств, ради которых ты старался ничего не есть между завтраком и ужином (обед мы успешно пропускали из-за позднего подъема), чтобы твой желудок мог вместить в себя как можно больше вкусов. За стол садились все вместе, оживленно обсуждая последние события, что происходили вокруг.

Я стала все чаще спускаться в город, беседовать с местными немногочисленными жителями. Дора и мои новые служанки по очереди сопровождали меня, знакомили с нужными и не нужными людьми и всякий раз представляли меня как королеву. Я хотела сказать людям, что я королева лишь одного замка, что город пока не входит в подчиненные мне земли, но они не давали мне вставить и слова, принимая, как данность, что я действительно была королевой. Это меня вначале сильно удивляло, но затем я, перестав сильно задумываться, стала интересоваться их жизнью, повсеместным бытом, профессиями, занятиями в свободное время и прочее. И мне живо, с интересом рассказывали, как будто только и ждали человека, который был готов выслушать их незамысловатые истории.

И кто знает, во что бы вылилось все это странное течение событий, если бы в него не вмешалось одно веское обстоятельство.

То, о чем я ранее не задумывалась, беспечно бросив всякие попытки вообще хоть как-то задумываться о происходящем. Кто знает, если бы я оставила свою голову включенной, то исход был бы другим. Возможно, я смогла бы подготовиться...

Но о надвигающейся опасности я узнала лишь в самый последний момент, когда предпринимать что-то системное было уже поздно.

Хотя... возможно... это как раз и было одно из системных проявлений сторон этой странной жизни.

Своего рода... наказание.

7

Это случилось рано утром, когда все люди с благими намерениями еще спали. Только человек, которого вынудила к этому сама жизнь, мог добровольно встать в такой ранний час. И очень маловероятно, что у такого человека было благодушное настроение.

Тревожный звон колокольчиков раздался по всему замку. Видимо, кто-то нажал на скрытую кнопку в тронном зале, которая активировала странные механизмы, построенные еще в незапамятные времена. Должно быть, это был своеобразный механизм, подающий общий сиг-

нал тревоги, или просто таким образом король собирал своих сонных подданных на внезапное собрание.

Как бы то ни было, но звук был явно немелодичным, а его громкость не оставляла никаких надежд на последующий спокойный сон. В такую рань я мало что соображаю, поэтому я вышла из своей опочивальни в одной ночной рубашке и направилась к источнику этого безобразного шума. Вполне вероятно, что одна из беспокойных служанок случайно нажала на кнопку, хотя в последнее время они также не вставали рано... да и про кнопку они знали.

Я зевнула на ходу. Надо было поскорее выяснить, что случилось, а затем опять лечь спать. Мне как-то говорили, что моя жизнь при таком ее образе пройдет совершенно бездарно, что если я буду вставать так поздно, то я ничего не успею сделать, что в старости мне не о чем будет вспомнить... несчастные людишки. Зачем мне в старости помнить, как я каждый день вставала в пять утра? Какие-то до жути грустные воспоминания, вы не находите?

Я окончила спуск в тронный зал по боковой лестнице и, протирая глаза рукой, боковым зрением заметила выходящего из двери Омана. Он был одет по обыкновению хорошо, собран, а полы его длинной одежды развевались от быстрого и целеустремленного шага. Ни намек на сон не было заметно в его глазах, хотя я была уверена, что встал он буквально недавно. Неужели случилось нечто серьезное? Я вспомнила про свою ночную рубашку, но затем махнула на это нелепое обстоятельство рукой. Корона была на мне, поэтому какое значение имеет, во что я одета? Я королева, поэтому пусть все и вся крутятся вокруг меня, а я буду держаться царственно, пусть и в одной ночной рубашке.

Войдя в тронный зал, я, шаркая тапочками, которые были мне слегка велики, присоединилась к Оману, который стоял в центре зала. Он, сцепив руки за спиной, не сводил взгляда с молодого человека, который с наглой ухмылкой нажимал на незаметную для стороннего человека кнопку, которая представляла собой часть стены, сливавшуюся с окружением.

Наконец парень отпустил злосчастную кнопку и со злорадством воззрился на нас. Вид у него было откровенно идиотский.

Тревожный звук прекратился, но в моих ушах еще гуляли отзвуки множества колокольчиков, звучащих в унисон. Я с некоторым раздражением посмотрела на паренька – кто он такой, чтобы беспокоить мой королевский сон?

Парень в это время приближался к нам, подпрыгивая от возбуждения, как дурачок.

– А, встали, наконец! Дрыхните тут вечера, тля, пока остальные работают. Не стыдно вам, ась?

Парень, судя по выговору, был явно не из самых просвещенных уголков этого мира. Почему он позволяет себе так нагло вести в моем замке? Оман угрюмо молчал, поэтому я решила сама перевести разговор в правильное русло.

– Молодой человек, а, позвольте спросить, кто вы такой? И что вы делаете на территории частной собственности?

Да, наверное, сложновато для него будет. Но адаптировать свою речь под сельский выговор в такое раннее время суток у меня не было никакого желания.

Парень, который все это время буравил взглядом Омана, посмотрел на меня.

– А ты кто, тля, такая? Новая чикса? – он похабным взглядом осмотрел меня с ног до головы. – Нормальный такой прикидон, подруга. Чо ты енто так вырядилась, соблазнить меня хошь? Ну, тля, могла бы так и не стараться, у меня он, тля, всегда в боевой готовности, смекаешь?

И он демонстративно начал указывать своим грязным пальцем с обгрызенными ногтями в район своей паховой области. Я слегка поморщилась. И решила обратиться к более образованному человеку.

– Оман, ты знаешь, что это за субъект?

Оман слегка поклонился в мою сторону.

– К сожалению, да, моя королева, я имею несчастье знать этого молодого выскочку. Парень аж запрыгал от возмущения.

– Эй, дед, ты кого там выскочкой назвал, а?

Оман не обратил на него внимания.

– Понимаете ли, моя королева, главное, не кто этот человек, а к какой, позвольте так выразиться, *организации* он принадлежит.

– Эй, вы меня слышите ваще? Але? – парень все никак не унимался.

– Организации? – недоумевающе переспросила я. – Оман! Ты, по-моему, что-то не договариваешь! Или ты забыл меня о чем-то *предупредить*?

Оман виновато склонил голову.

– Вынужден сообщить, что все именно так, как вы говорите, ваше величество. В прошлых наших разговорах я совершенно позабыл сказать вам об одном, крайне важном моменте...

– Вы чо мне мозги трахаете? – вскричал парень, комично топая ногами. – Я, чо, тут ждать до посинения буду? Бабки гоните, а потом балакайте сколько душе угодно.

Он подошел ко мне очень близко. Я почувствовала, как Оман напрягся.

– Девка, давай-ка дуй за бабками да побыстрее. Или ты хочешь, чтобы я оприходовал тебя прямо здесь? – он ухмыльнулся и жутко облизал губы. – Можно. Только сначала бабки! Сколько можно ждать уже? Могли бы уже, тля, подготовиться, я же, тля, каждый раз в одно и то же время прихожу. Задолбали уже телиться, чес слово.

Я невольно отступила от парня на шаг – от него крайне противно несло потом и перега-ром.

– Оман, быстро и кратко. Разъясни мне ситуацию.

– Если очень кратко, моя королева...

– ЧТО?!

Парень перебил нас своим крайне удивленным восклицанием.

– Королева? – тихо повторил он.

Казалось, что до него буквально только что дошло. И тут он громко рассмеялся, разбрасывая слюни во все стороны.

– Дед, вы чо тут, с дуба, шо ль, рухнули? Катюшки совсем полетели, а? Вы тут от безделья ролевку решили уделать? Пипец просто, мне как пацаны рассказали, я ж не поверил сначала. Типа какая-то фифа по городу разгуливает, королева типа, говорят. А нет! Смотри-ка, во прикол, тля!

Он по-шутовски глубоко поклонился мне, оттянув левую руку в сторону, как делают вельможи в некоторых королевствах.

– Моя королева, шо б я сдох! Нет ну...это ж ваще никуда не годится! – он еле смог разогнуться от обуревавшего его смеха.

Наконец он закончил смеяться и громко хлопнул в ладоши. Лицо его вмиг стало серьезным.

– Лан, королева или еще какая фифа, ваще пофиг. Ты, вестимо, та самая чикса, что раньше и платила, просто не показывалась. У деда отродясь денег не водилось...кароч! Рад знакомству, меня зовут Федий. На те лапу! – и он протянул мне свою руку, на которую он предварительно для острастки хорошенько плюнул.

Так мы и застыли в немой сцене. Слюна с руки Федия потихоньку стекала на ковер. Через несколько секунд он, нахмурившись, убрал руку, вытерев ее о засаленные штаны.

– Как хошь, я тут, понимаешь, халантным быть пытаюсь. Хренасторкратишным. А? Ну лан, давай еще раз.

И он протянул мне свою руку.

– Не хошь знакомиться, так бабки гони. И побыстрее давай!

Я уже успела осознать сложившуюся ситуацию. Она выглядела со стороны относительно простой, пускай и не совсем приятной.

– Оман, а кто отдавал деньги этой самой организации все это время? – сказала я, не обращая внимания на протянутую мне руку.

– Леди Шарлотта, моя королева. Но более денег у нее не осталось.

– А, ну это логично. Как раз к моему приезду все сошлось. Как обычно, – недовольно пробурчала я. – Оман, тогда последний вопрос.

Я видела, что парень опять начал нетерпеливо подпрыгивать.

– Да, моя королева? – покорно спросил он.

– По твоему мнению, мне нужно отдать деньги или нет?

– Это, ваше величество, целиком ваше решение. Мы будем действовать в соответствии с вашими действиями, я не хочу влиять на вас в такой ситуации.

Странно как-то он все это произнес. Скорее, как пророк, который раскрывает перед человеком его странное будущее, где судьба решила отдохнуть и оставить на совести человека право правильного выбора.

Я пожала плечами. Для системного мышления тут не так много информации, поэтому я решила действовать сообразно тому, что сама хочу.

К примеру, стоящий напротив меня парень мне крайне не нравился.

– Как тебя там? – с легкой улыбкой произнесла я. – Хредий? Никаких денег мы тебе не дадим, поэтому иди-ка ты отсюда. Смекнул?

Не получается у меня никак говорить по-простому. Интересно, рассматривал ли кто-то в своих социологических или психологических исследованиях, что образование может также мешать?

Но парень как раз-таки смекнул. Буквально через мгновение выражение его лица стало бешеным, и он одним быстрым движением подскочил ко мне, взяв меня за воротник рубашки. Мое лицо оказалось в неприятном соседстве с его.

– Ты чо, сука, умничаешь, шо ль? Типа крутой себя возомнила? Да я тя щас грохну, тля, если через минуту денег не будет здесь. Смекаешь? А?

Наверное, я бы успела испугаться такому мерзкому повороту событий, если бы Федий не ослабил хватку, а затем и вовсе отпустил меня. Я поправила свою ночную рубашку, с интересом смотря, как Оман небрежно сжимает запястье парня. Парень попытался выхватить руку из захвата, но через несколько попыток понял, что это безнадежно, и волком уставился на Омана. Я заметила, что сжатый кулак парня начинает белеть и с изумлением представила, какой же силой должен обладать человек, чтобы его противник не мог даже сдвинуть *всю* руку.

– Молодой человек, – спокойным тоном произнес Оман, – нападение на мою королеву в данном месте абсолютно недопустимо. Вы слышали ее приказ – вам лучше уйти.

Парень все пытался высвободиться, но тщетно.

– Блин, отпусти, больно же!

Оман резко отпустил его руку, и Федий отскочил на шаг от мужчины, сердито растирая свою руку, восстанавливая кровообращение.

– Ладно, хорошо!

Парень начал пятиться назад, к выходу.

– Я вам енто припомню! Сукины дети! Прямо щас вернусь к своим, чтобы они вас всех порешали! – последние слова он прокричал на весь зал.

– Будете захлебываться в собственной крови, поняли? – продолжал свои угрозы Федий, постепенно отступая к воротам.

Я уже успела оправиться от потрясения, связанного с тем, что в мое личное пространство так внезапно вторглись. Я презрительно махнула на семяющего к выходу и выкрикивающего оскорбления молодого человека и обратилась к Оману:

– Оман, скажи-ка мне одну вещь: мы можем остановить этого крайне приятного и общительного молодого человека? – невинно задала я свой вопрос.

– Остановить? – переспросил Оман.

– Именно. Обездвижить. Обезвредить. Связать. Допросить. Извлечь пользу. Что-то в таком духе.

– Моя королева, при всем моем почтении к вам, но я не могу этого сделать.

Я нежно положила руку ему на плечо и повернула его к себе лицом, чтобы я могла смотреть ему прямо в глаза.

– И почему, Оман? Я же твоя королева, неужели ты забыл? – мелодичным голосом спросила я.

Это была идеальная ситуация, чтобы узнать больше о его границах компетенции. А также попытаться выведать, для чего он или кто-то еще использует меня в своих целях. Очень приятно быть марионеткой, когда тебя кормят, одевают и рассказывают интересные истории, но гораздо веселее взять в руку нож и обрезать все ниточки над своей головой, предварительно задушив своего прежнего хозяина.

Я очень не любила, чтобы кто-то ограничивал мою власть. И в данный момент этот кто-то явно скрывался в тени. Под чудесные звуки смертельных угроз о нашей скорой кончине я посмотрела Омани в глаза и первый раз за долгое время увидела, что ему *неуютно*.

– Это так, ваше величество, но я... в этом замке вы в безопасности, моя королева, и эту безопасность я вам обязан обеспечить. Все вопросы, касающиеся... окружающего мира... я не могу влиять на него...

Мои брови невольно поползли вверх.

– Да неужто, Оман? – сладким голосом проворковала я, все еще держа его за плечи. – Так ты, оказывается, двойной агент?

Я буквально чувствовала его смятение.

– И ты даже не можешь остановить этого милого человека, который имел наглость напасть на меня рано утром? – я указала на парня, который уже почти подошел к главным воротам. – Настолько *ограниченна* твоя преданность?

Последнюю фразу я произнесла крайне презрительным тоном, чтобы уже через мгновение с наслаждением лицезреть, как он корчится от приступов осознанной неопределенности. Да, это было немного некрасиво с моей стороны, но должна же я была как-то получать удовольствие в этом богами забытом крае?

Я отпустила, наконец, Омана и посмотрела вслед парню, который уже достиг замковых врат. Еще и эта ситуация... какая-то организация. Как же скучно, однако. Я зевнула. Интересно, Оман служит той же организации, откуда этот паренек? Вероятно, конечно, но неужели все так прос...

Я подавила свой зевок на середине, потому что парень все же не смог выйти из замка. Он грузно осел на колени, прислонившись к приоткрытой створке гигантских ворот.

Из его плеча торчала небольшая арбалетная стрела с зеленым оперением.

Надо все же как-нибудь прочитать книгу по психологии: «Как никогда не удивляться и сохранять положительный жизненный настрой». А если такой книги не существует, то надо будет ее написать, благо материала для исследования в этом месте до неприличия много.

И почему все происходит так рано? Может быть, все злодеи встают, когда еще солнце не восходит, чтобы увеличить свою злобность? Есть же такая фраза, что даже святой человек рано утром превращается в серийного убийцу. Я думаю, что некий смысл в этой фразе все же есть...

Так, если подумать... если *постараться* подумать. Я ударила себя ладонями по щекам, чтобы стряхнуть с себя сонливость и чувство странной безразличности, которое овладевало мной, когда события грозили выйти за рамки допустимого.

Так. Это точно не мог быть Оман. Все остальные вряд ли даже встали со своих кроватей, поэтому...

Неужели?

Я оглянулась в ту сторону, где тени в зале сгущались в невыносимой темной концентрации, и, наконец, увидела, как серая тень потихоньку, как будто нехотя, вылезает из мрака. Да, добро пожаловать, как говорится. Последний участник нашего нелепого маскарада.

Конечно, мне были интересны все, хоть и малочисленные, обитатели этого замка. И я бы поступила совершенно несправедливо, если бы обделила вниманием человека столь диковинной профессии, как свечных дел мастера. И я не обделила его вниманием. О чем вскоре и пожалела.

‘Итч, как его звали, был крайне неприметным субъектом. Достигал он такой неприметности по той причине, что меньше всего в жизни вы хотели его замечать.

Ходил он медленно, сторбившись, словно преклонный старик. И все равно оказывался раньше вас в месте, куда вы хотели попасть.

Улыбка его была рваной, крайне неприятной, словно черная дыра смотрела на вас, протискиваясь сквозь ряд гнилых зубов, которых оставалось не так уж и много. Но в трапезной он все равно съедал свою порцию раньше вас.

Он никогда никуда не спешил, а вот вы по сравнению с ним постоянно опаздывали.

Находясь рядом с ним, человек словно попадал в трясину неопределенности, из которой он хотел как можно скорее выбраться, чтобы потом весь день чувствовать себя дураком.

В общем... словами не передать. Начиная от имени и внешности, заканчивая образом жизни и тому, как окружающий мир словно подстраивается под него – все было в нем странно. Он был той загадкой, которую вам никогда не хотелось бы разгадать.

И именно сейчас он как ни в чем ни бывало вышел из теней, держа в руках миниатюрный одноручный арбалет. Арбалет был разряжен.

– Обещвредил–шс, – шепеляво прошептал он, смотря на меня из-под своего капюшона.

Почему-то мне он всегда напоминал крысу. Конечно, лично я бы ему это не сказала, но...

– Отличная работа, ‘Итч! – ликующе произнесла я. – Хоть кто-то в этом замке не только языком молоть горазд!

Я с немым укором взглянула на Омана, который сейчас старался не обращать на меня внимания.

– Шпашипо.

Я неуверенно подошла к сидящему на коленях парню и ткнула его носком своего тапка. На тапке были вышиты розовые котята, но это я так, к слову.

Парень мучительно застонал.

– О, живой еще! – радостно воскликнула я. – ‘Итч, дорогой мой, а ты сможешь его допросить с помощью... ну, у такого способного, кхм, человека, каким ты, несомненно, являешься, наверняка есть какой-то подходящий для этого дела *инструментарий*?

‘Итч, шаркая, подошел ко мне. Почему-то, идя хоть и медленно, но до парня он дошел довольно быстро.

– Не нушно, – прошелестел он.

– Жалко, что ли? – с досадой произнесла я.

– Не. Не шалко. Уше все штеланно. Штрела шпециальная.

– Ты имеешь в виду, что эта стрела заставит его говорить правду? – удивилась я.

– Та.

– А потом что? Мы его быстренько допросим и отпустим? Никаких побочных эффектов?

– Потомм он уммретт.

– А, – я растерянно кивнула. – Ну, можно порадоваться, что побочный эффект всего один, так?

Парень, слыша весь наш разговор, протестующе замычал. Почему-то таким мне он нравился куда больше. 'Итч безжалостно нажал своей лап... рукой на навершие стрелы, и парень закричал от боли.

И почему мне это так нравилось? Может быть, в душе я всегда была отъявленной садисткой?

Вдруг парень затих и словно окоченел.

– Ятт подештвовалл. Мошшно спрашшиватть. Но нетоллго...

Так, значит, времени у меня особо нет. Какие же самые важные вопросы? Ответы на которые будут однозначно полезными.

– Скажи-ка мне, – начала я. – Скажи-ка мне...

Что же спросить?

Об Омане? Он, конечно, тот еще предатель, но постепенно он вынужден будет рассказать мне все, если он хочет, чтобы я дальше с ним сотрудничала.

Об организации? Зачем она собирает дань?

Так это понятно – обычная преступная группировка, которая управляет городом. Я за все это время, честно говоря, вообще не понимала, какое королевство отвечает за этот городок, кому он принадлежит в итоге? Может быть, Нарлу? Но управлять отдаленной шахтой, а вся экономика города явно произрастает от нее, находясь в двух неделях пути от нее? Как тогда защищать свои владения? Нет, тут явно замешано одно из ближних королевств, а Нарл лишь поставляет необходимые товары с помощью государственных караванов. Может быть, контрабанда? А этот город – это ее склад? И Нарл, и остальные правители платят здешним преступникам, чтобы те держали здесь порядок?

Даже забавно. Мафиозный город? Преступники и составляют здесь государственную верхушку, которая собирает фиксированный налог с жителей? Однако...

Предположений действительно много, но это лишь общие гипотезы, а в условиях ограниченного времени, когда человек рядом с тобой стоит на грани жизни и смерти, нужно... достать из него хоть какую-то конкретику, пока он не пересек эту грань.

И поэтому я не нашла ничего лучше, как спросить следующее. На самом деле вопрос был действительно глупым, но придумывать что-то быстро редко было моей сильной стороной.

– Скажи мне, Федий, какое самое важное и интересное для тебя мероприятие готовит твоя организация в ближайшее время?

Лицо Федия напоминало маску, но сквозь нее стала прорисовываться ухмылка.

– Наш босс уехал далеко и надолго, тля... мы с ребятами задумали дело...

– Какое дело, Федий? – ласково спросила я.

Голос парня напоминал какой-то ржавый механизм и лишь сохранившийся образ речи давал понять, что передо мной сидит Федий, а не бездушный манекен.

– Людишки в етом, тля, городе чот... обнаглели в последнее время, понимаешь?.. нужно было давно, тля, преподать им... урок.

Голос его становился все слабее. Мне пришлось нагнуться, чтобы расслышать его. Свои последние слова он прошептал мне в ухо.

– Вы захлебнетесь в крови, подруга... слохните... все вместе... а мы... повеселимся...

Кривая улыбка застыла у него на лице. Из уголков рта стали проявляться кровавые капельки. Долго ему жить не осталось. Я встряхнула его словно тряпичную куклу.

– Когда? Черт возьми, когда? – я кричала ему в лицо.

Я уже видела, как последний свет уходит из его глаз, но в последний момент он прошептал одно слово, настолько тихо, что я смогла прочитать его лишь по губам.

– Сейчас...

Силы покинули его, и он безвольно повис у меня на руках. 'Итч потянулся к его шее и проверил пульс.

– Мерттв. Долшшенн б'л проддершататся доллшше. Неддоработтошка.
И почему в его голосе слышалось некоторое злорадное удовлетворение? Нет, я тут на самом деле самая нормальная из всех. Так ведь?
Я поднялась с колен и мрачно осмотрела тронный зал.
– Оман, скажи мне, – тихо и грозно произнесла я, – на чьей ты стороне?
– На вашей, моя королева, – сказал он, а затем слегка задумался. – По крайней мере... в допустимых пределах.
– Всею городу, что находится внизу, угрожает опасность, Оман. Ты поможешь ему? – также тихо спросила я его.
– Моя королева, нет, это неразумно. И вам не советую.
– Но если я пойду, то остановишь ли ты меня?
Он нахмурился.
– Нет, ваше величество, я не имею права. Но что вы сможете сделать, если...
Все это время я неспешно шла в его сторону и теперь оказалась к нему вплотную.
– Что я могу сделать? Что я могу сделать с людьми, которые вслух называли меня своей королевой?! Которые признали меня своими подданными?! ЧТО Я МОГУ СДЕЛАТЬ, ОМАН? – я угрожающе нависла над ним.
– Ваше величество... – пролепетал он.
– Я могу все. Ради моих людей я готова на все, – сказала я, отходя от него и поправляя рубашку. – Пока это *мои* люди, ты меня понимаешь, Оман?
Он сглотнул и обреченно кивнул.
– Да, ваше величество, но я...
Я величественно взмахнула рукой.
– У каждого есть свои причины, Оман. У каждого. Ты не обязан во всем подчиняться мне, если *в душе* ты предан мне, помни об этом, Оман. А сейчас...
Я ослепительно улыбнулась в лучах восходящего солнца.
– Подайте мне мою одежду. И все остальное. Ваша королева идет спасать этот чертов мир.

8

Конечно, со мной никто не пошел. У каждого нашлось свое оправдание, но зато все пообещали «болеть» за меня на расстоянии. Мило.

Я оделась в свои уже привычные мужские одежды, которые хоть мне и очень шли, но я, как королева, хотела все же большую часть дня пребывать в каком-нибудь роскошном платье. К сожалению, в сложившейся ситуации платье было явно не к месту.

Оман перед уходом вручил мне несколько маленьких кинжалов, непонятно как у него оказавшихся. Я тогда, как помню, недоуменно посмотрела на него, подразумевая, что я не очень хорошо владею каким-либо оружием, но он ответил, что парочка кинжалов в хозяйстве всегда пригодится. Особенно, если они незаметны для постороннего взгляда. Философия была правильной, поэтому я их приняла.

Шарлотта, в свою очередь, отдала мне небольшой мешочек, завязанный каким-то крайне хитроумным узлом. Его она попросила открывать только в крайнем случае, а также кратко рассказала инструкцию по использованию. Его я тоже приняла – изобретения безумных, хоть с виду и милостивых ученых, также никогда не бывали лишними.

Но последний и самый важный дар был от старого 'Итча, который он передал мне еще несколько дней назад. Этот подарок был незримым, неосызаемым, но от этого не менее ценным. Это была информация, без которой я бы вообще не стала высовывать носа из замка. Не поймите меня превратно, но судьба жизни многих людей меня мало интересует, если у меня

самой крайне малые шансы на выживание. Не полезу я в горящий дом, чтобы спасти малыша, нет, даже не просите. Даже плакать над ним не буду, зачем? Я ведь его не знала.

Нет, тут расчет был совершенно иной. Если многие жители этого городка и признавали меня королевой, то какой смысл мне терять столько подданных в самом начале правления, если их потеря не принесет пользы ни мне, ни тем более королевству. Людские ресурсы должны быть использованы рационально, хоть это и звучит довольно холодно и бесчувственно. Но я давно заметила, что все те люди, которые на словах пекутся и заботятся о других, на деле выжимают из остальных все соки, чтобы исполнить свои мелкие тщедушные желания. Человек очень редко может заботливо и с любовью относиться к людям на словах и на деле – обычно выбирают что-то одно. Да и сами люди чаще всего злоупотребляют оказанным доверием, тут без жесткого порядка никак...

Но это неважно, это лишь философия. Важно было то, что я, сломя голову, мчалась вниз по обрыву напрямиком к городу, потому что я хотела и могла спасти находящихся в городе людей. Поверьте, всякая философия и теоретизация летят к черту, когда у вас появляется стойкое желание что-то сделать. Логические объяснения своим действиям, как ни странно, придумывают после.

Я сумасшедшим вихрем вбежала в нужное мне здание, которое представляло собой ту самую таверну, где меня приютили после долгой дороги. Я ошалело, тяжело дыша, посмотрела по сторонам – народу в зале было много, видимо, из-за раннего завтрака. Краем глаза я заметила знакомую фигуру, которая сидела в самом углу и что-то оживленно рассказывала своим внимательным слушателям. Хорошо, это может пригодиться. Наверное.

Хозяин, стоявший, как всегда, за стойкой, сразу же заметил меня и приветственно поднял руку.

– Эй, ваше величество, прошу вас, не стойте в дверях, заходите! Выпейте чего-нибудь холодненького, на улице ведь такая жара!

И правда. Пот тек с меня ручьем, неприятно застилая глаза и покрывая противным жидким слоем всю спину. Но у меня не было времени даже отдышаться. Я заметила, что громкое приветствие трактирщика привлекло внимание всех сидящих в зале людей. Что ж, хорошо.

Я выпрямилась, прошла чуть вперед, закрыв за собой входную дверь.

– Приветствую всех. Не отвлекайтесь, пожалуйста, на меня. Также очень прошу никого не покидать это помещение, буквально через пару минут мне нужно сделать всем вам крайне важное заявление.

Все еще чувствуя на себе любопытные и озадаченные взгляды, я быстрым шагом подошла к трактирщику, обошла стойку, за которой он стоял, и взяла его под руку.

– Покажи мне, где у тебя подвальные помещения, только быстро! И не задавай лишних вопросов, пожалуйста, – прошептала я ему.

К счастью, он не стал задавать лишних вопросов, а лишь скорчил недоуменную мину и проводил меня в маленький погреб, где в прохладных условиях хранились несколько бочек с пивом. Когда он зажег факел, который тускло осветил помещение, я, не дав ему успеть опомниться, сунула в руку листок бумаги:

– Держи. Можешь найти место, отмеченное на схеме?

Этот листок бумаги передал мне 'Итч, и на нем был представлен довольно точный чертеж погреба трактира, но у меня сейчас не было никакого желания разбираться в нем. Главное правило в управлении людьми – если можешь переложить дело на плечи профессионала, то зачем делать все самому?

– Я не пони... – пытался возразить хозяин заведения, но я оборвала его.

– Не надо понимать. Просто найди здесь место, которое на схеме обозначено крестиком. Это же не очень большое помещение, и ты здесь бываешь чаще, чем я.

Трактирщик еще раз посмотрел на карту своего погреба.

– Ну, если так, то вот оно... наверное.

Он подошел к участку стены, рядом с которым рядом лежали на специальных подставках бочки с драгоценным напитком.

– А конкретнее? – решила уточнить я.

– Вот эта область, но я до сих пор не...

Я не слушала его. Так, здесь, получается. Но одна бочка загорает часть стены, поэтому... или так специально сделали?

– Эту бочку можно подвинуть? – спросила я, указав на мешающийся мне предмет носком сапога.

– Да можно, она сейчас пустая, но...

Я уже начинала терять терпение, поэтому я обхватила бочку руками и притворилась, что напряглась.

– Блин... я, что, должна сама ее поднимать? – сгоряча спросила я у стоящего рядом мужчины.

Ненавижу пользоваться такими гнусными приемчиками, но сейчас времени было совершенно в обрез. Эта простая манипуляция заключалась в том, что... какой бы привести пример... допустим, один мужчина подходит к другому и просит помочь перенести пару ящиков с каким-то добром. Наш экспериментальный объект отказывается, ссылаясь на лень, но тут к ним подходит девушка и гневно говорит что-то вроде: «Да давай я помогу, это ж плевое дело, развели тут обсуждение! Пойдем!». В девяноста процентов случаев тот мужчина, которого попросили о помощи, резко встанет и понесется таскать ящики в одиночку, чтобы только девушка не пошла сама и не *рассказала* потом всем о случившемся. А девушка, чтобы придать такой толчок и привить чувство вины мужчине на весь оставшийся день, может напоследок вернуть что-то вроде: «Вот мужчины пошли в последнее время...».

Ситуации могут быть разными, но общую концепцию вы, надеюсь, поняли. Работает безотказно, можете ради эксперимента попробовать сами, желательнее только, чтобы кто-то третий посмотрел на ситуацию со стороны. Именно этот сторонний человек и заметит, что мужчинами в таких случаях движут некие молниеносные инстинкты, привитые, думаю, с воспитания, когда им говорят об уважительном отношении к противоположному полу. Конечно же, это открывает безграничный простор для гнусных манипуляций, которые с удовольствием используют многие девушки. Некоторые мужчины пытаются перевоспитать себя, чтобы противодействовать таким женским ухищрениям, но это, поверьте, делает ситуацию только хуже.

Я сама, правда, не особо люблю прибегать к таким приемам, а если вы девушка, то и вам не советую – замечено, что повторение таких действий оказывает ровно тот же эффект на организм, что и алкоголь, и наркотики, то есть деструктивное. Все-таки природой задумано так, что если один человек сознательно унижает другого, то страдают от этого оба участника действия. Это я тоже называю системой, благо тут есть четкая мера наказания за совершенные действия – униженный человек теряет достоинство и самоуверенность, а вредитель становится крайне несчастным и одиноким в будущем, потому что видит в людях лишь слабаков, не достойных его внимания, не понимая, что если ты метафорически колешь в другого человека острым предметом, то при любом раскладе пойдет кровь.

Да, я понимаю, что я слишком долго оправдываюсь, но тогда у меня и правда не было иного выбора. Трактирщик, наконец, отбросив все условности и недомолвки, решительно оттолкнул меня от бочки и одним резким движением переставил ее дальше от стены. Я поблагодарила его и начала прощупывать холодную стену в поисках чего-то... ага!

Я нажала на выступающий от стены блок и...

– Слушай, – сказала я трактирщику, вытирая пот со лба, – можешь еще раз помочь? Пожалуйста?

Наконец, мы управились, и перед нами предстал секретный подземный проход в замок, о котором трактирщик явно не знал, судя по его раскрытым на пол-лица глазам.

Да, именно про этот проход и сказал мне в свое время 'Итч, но мне почему-то казалось, что это лишь малая часть всех секретов, которые кроются в стенах этой крепости на возвышенности. Она действительно была необычной. Надо будет, когда время выдастся, почитать про ее историю – возможно, где-то она упоминается?

Так, почитать, конечно, можно, но сейчас приоритетной задачей было просто выжить. От трактирщика все еще раздавались странные булькающие звуки – я его понимаю, не каждый день обнаруживаешь в своем доме, в котором ты живешь не один год, такую вот скрытую конструкцию – но времени у меня было в обрез, поэтому я его хорошенько встряхнула и кратко объяснила про надвигающуюся на город опасность.

Объяснять долго не пришлось – похоже было на то, что про местную так называемую организацию местные знали куда больше, чем я. И их ненависть к ней была настолько высока, что он понял меня с полуслова.

Оказывается, что их также называли сборщиками налогов или просто налоговиками, что для меня очень хорошо отражало их подлинную темную сущность. Налоговики действительно были мерзкими людьми наравне с экономистами и бухгалтерами, только в отличие от последних они творили свои темные дела на передовых линиях, а не за кулисами. Хуже всех этих людей могли быть только аудиторы, но их я практически не видела.

Далее без каких-либо лишних слов и движений хозяин трактира вернулся в общий зал и поведал всем посетителям о сложившейся ситуации. Видимо, трактирщик у местных представлял своего рода авторитет, поэтому мне оставалось только сесть в дальний угол да наблюдать за нескончаемой вереницей людей, которые входили в трактир, а затем исчезали в глубинах погреба, перебегая, таким образом, под относительную безопасность крепостных стен.

В самом начале люди разбежались по разным концам города, призывая к себе близких, родных, друзей и знакомых, а затем вся эта разношерстная толпа вбегала в трактир, где трактирщик громким криком и вескими подзатыльниками выстраивал из них организованную колонну по двое и провожал в подземелье. Почему-то невольно складывалось впечатление, что многие люди уже ранее подсознательно готовились к такому дню, что сейчас достаточно лишь было какого-то слова-сигнала, чтобы все организованно начали бежать. Возможно, так оно и было, а этот трактир и был точкой сбора мини-революционного движения, где простые граждане обсуждали несправедливость сего мира. Поэтому для меня все вышло крайне удачно.

Я решила немного понаблюдать за нашей импровизированной спасательной операцией со стороны, сев за стол рядом с той знакомой фигурой, которую я заприметила в самом начале. Ее собеседники уже исчезли в секретном проходе в замок, поэтому мы фактически остались вдвоем.

– Значится, королева, да? – лукаво спросила Фиона, любопытно наклоняя свою изящную головку.

Да, это была моя старая знакомая попутчица, с которой я имела честь ехать в торговом караване.

– А ты, значится, стражница, которая почему-то не захотела уезжать из этого города вместе с караваном, хотя согласно уговору наемники должны были сопровождать его туда и обратно? – контратаковала я.

– Хмм, уела, однако! – хитрая улыбка все не сходила у нее с лица. – И как там поживает твоя больная мать, Эвелинн?

– А как там поживает твой малый возраст и странный деревенский выговор, который ты в пути словно насильно из себя вытягивала?

Мы злобно и с прищуром посмотрели друг на друга.

– Я вообще-то из деревни, – обиженно произнесла Фиона, откидываясь на спинку стула.

– А я вообще-то принцесса, – я также откинулась на спинку стула и слегка расслабилась. Глаза у Фионы загорелись фанатичным блеском.

– Правда? Самая настоящая? А можно потрогать? – она протянула ко мне свои руки.

Странно, но в ее тоне не было ни капли сарказма, лишь ребяческий энтузиазм. Я протянула ей одну руку, и она живо обхватила ее своими ладонями.

– Хмм... а на ощупь ничем не отличается... – Фиона даже высунула язык от любопытства.

– А чем должно отличаться? – спросила я, смеясь.

– Интересно, а правда ли у людей королевской крови голубая кровь? – спросила она с энтузиазмом, не обращая на мои слова внимания.

– Хочешь проверить? – сказала я и тут же застыла от ужаса.

В ее руках откуда ни возьмись появился крайне острый нож. Я попыталась высвободить свою руку, но хватка была чрезвычайно крепкой.

– Проверить мне всегда хотелось, Эвелинн, всегда, – ее взгляд неожиданно сменился с задорного на убийственно серьезный. – Ведь вы только пьете из народа кровь, ничего не отдавая взамен.

Она резко отпустила мою руку. Я краем глаза заметила бледные отметины у меня на ладони, которые постепенно приобретали розовый оттенок, когда кровь вновь начала поступать к моим онемевшим пальцам. Какая же сила была заключена в этом женственном и маленьком теле?

– Эвелинн, ты можешь сказать мне, зачем ты это делаешь? Зачем спасаешь людей? Никто из королевского рода на твоём месте такого бы не сделал...

Я смотрела на нее невидящим взором, все еще разминая пальцы онемевшей руки. Что-то в том, что она только что сказала...

– Постой! – воскликнула я. – Так ты знала?..

Фиона крайне недоуменно посмотрела на меня.

– Знала что? Про нападение? Хей, я вообще сначала думала, что это *ты* заодно с ними, поэтому все удивлялась, почему никто из бандитов не ходил в ту крепость. Но сегодня...

Я уже не слушала ее. Судя по ее озадаченности, хоть она и была прекрасным актером, но ей можно было доверять. Это был один из моих любимых психологических приемов – резкая перестройка разума таким образом, чтобы ввести оппонента в заблуждение. Дело было не только в том, чтобы спросить, знала ли она про нападение, но и *уверить* себя, что ты точно знаешь, что она знала, и поэтому очень боишься. Тон вопроса также играл большое значение. Если не поняли, то не заморачивайтесь.

– Да, сегодня ко мне приходил один из этих бандитов, чтобы собрать ежемесячную дань. Я ему отказала, – объяснила я ей.

– Вот оно как, – Фиона задумчиво погладила подбородок. – А, может, ты сейчас ведешь всех жителей в замок, чтобы затем пытаться их в своих личных казематах?!

Я закатила глаза.

– И зачем мне убивать всех этих жителей? – резонно спросила я.

– Потому что ты королева. А все королевичи крайне кровожадные сволочи, – резонно ответила она.

Мы снова злобно взглянули друг на друга.

– Фиона, – в знак примирения я подняла руки, – твое субъективное восприятие этого мира не определяет его настоящую сущность, понимаешь?

– Чо? Попроще можно? – Фиона раскрыла глаза и надула губы, словно выброшенная на берег рыба.

– Короче, незачем мне убивать этих людей, – опустив руки и сдаваясь, тихо произнесла я.

– Но и незачем спасать, верно? Поэтому мы и возвращаемся к вопросу о...

Но тут наш крайне философский диспут неожиданно прервали. Какой-то мужик с выпученными глазами ворвался в зал и закричал словно резанный, задыхаясь на каждом слове.

– Там... заперли наших... эти педерасты пришли...

Собравшийся народ, который еще не успел смыться, окружил этого деревенского гонца, посадил его на стул, а кто-то даже налил ему кружку пенистого пива. Вот как несчастье сближает людей!

Я подождала, пока все успокоятся, и подала голос.

– Сколько там людей? Насколько они хорошо вооружены?

Мужик ошалело взглянул в мою сторону, словно не веря, что женщина может интересоваться подобными вопросами. Но тут трактирщик положил свою огромную лапу, которую он называл рукой, на плечо мужика и сказал:

– Отвечай, о чем тебя спрашивает королева. Без этой дамы многие из нас отсюда не выбрались бы живыми.

Огромная рука стиснула плечо бедняги для большей доходчивости, и мужик поведал нам факты, а не экспрессивные домыслы. Судя по его словам, там было всего четыре вооруженных бандита, которые, видимо, первыми добрались до города. На самом деле много людей и не нужно, если у них есть оружие и они умеют его использовать. Да и операция, исходя из слов пойманного мною паренька в замке, была сугубо развлекательного характера – ну, там парочку мужчин сжечь, парочку женщин изнасиловать, ничего такого серьезного. Если всех людей убить, то кто будет работать? Но дисциплина у них все равно хромала, если такое началось твориться ровно в тот момент, когда их начальник решил уехать.

Я повернулась к Фионе и посмотрела ей в глаза.

– Им надо помочь, – твердо сказала я.

– Да? – дурашливо спросила Фиона. – И как ты это сделаешь? Умеешь пользоваться оружием?

– Нет. Но я думала, что ты... окажешь содействие.

– Я? – Фиона начала смеяться, но, посмотрев на меня, перестала. – Ты, что, серьезно?!

– То есть ты только что говорила, какие плохие люди сидят в замках, что они никому не хотят помогать, а сама...

– Эй-эй, ты тут не переводы стрелки! Я имела в виду, что из-за вас сейчас житья нормального нет, но про то, что я обожаю делать бесплатную и смертельно опасную работу, речи не было!

– Ты наглая врунья, Фиона, и эгоистка. Ты даже про свой возраст соврала. Вот сколько тебе лет, мне интересно?

– Ну, восемнадцать, но какое это имеет...

Я заметила, что вокруг нас собралось приличное количество зевак. Любой деревенский человек скорее умрет, чем пропустит интересное зрелище.

– Господа! – обратилась я к собравшимся вокруг меня людям. – Эта прекрасная воительница наполнена опытом жарких сражений, а ее многочисленные шрамы на прекрасном и утонченном теле говорят о бесчисленных славных победах! И в сей крайне неблагоприятный для нас час она отказывает нам в предоставлении своей силы, чтобы разрубить финансовых злодеев, которые преступили своими грязными ногами порог этого достопочтенного города!

Вышло немного сумбурно, но общее впечатление, похоже, все уловили. Смысла в моем высказывании совершенно не было, но народ правильно уловил настрой.

– Какая же бесстыдница, вы только посмотрите! – высказал свое авторитетное мнение один.

– Действительно! В мое время молодежь всегда старалась помогать старшим, – сухой старческий голос добавил масла в огонь.

– Что может быть хуже, когда друзья оказываются настоящими предателями по сравнению с врагами, – третий немного загнул, конечно, но направление все равно было верным.

– Эй, вы что, тут все с ума посходили! Стоят тут здоровые лбы и рассуждают про то, как девушка должна идти на бойню с четырьмя разбойниками! – пыталась возразить Фиона, но это уже было бесполезно, благо против гласа народа хрен поспоришь.

– Да мы же, енто, не профессионалы, барышня. Мы, енто, простые мужики, только землю умеем возделывать, войны не про нас, – загундил один мужик, а его начали подхватывать остальные.

Фиона в смятении и ярости снова посмотрела на меня, а я ей лукаво подмигнула.

– Как насчет этого, Фиона? Я могу и заплатить, – тут я подняла руки, подавая всем знак умолкнуть. – А точнее заплатят эти достопочтенные граждане, всем своим видом показывающие, как они хотят помочь своим товарищам! Давайте, ребята, не стесняйтесь, с каждого по монетке, так и соберем!

Народ, мигом осознав, что на них откровенно бесчестным образом перевели стрелки да еще и принудили платить за внезапно разыгранное представление, начал под всякими благодвидными предложениями направляться в сторону погребка. Некоторым удалось смыться, но через несколько секунд у погребка встал трактирщик, который всем своим видом недвусмысленно показывал, как несправедлив может быть мир, когда все перед тобой прошли бесплатно, а именно тебя заставляют платить. Но делать было нечего и поэтому на стол вскоре посыпались монеты разного достоинства, причем каждый участник принудительных поборов зорко высматривал, чтобы никто другой не увильнул от уплаты. Эдакая саморегуляция системы в действии.

Фиона ошарашенно смотрела на сыплющийся на стол водопад монет, а я ловко разделяла монетки по кучкам, поэтому в конце девушку окружал пустынный зал, аккуратные стопки монет на столе и моя язвительная улыбка в качестве бонуса.

Фиона бездумно начала сгребать монеты в свой мешочек, а затем облокотилась руками на стол, словно задумалась. Через минуту она ожила и посмотрела на меня со странным видом:

– Ладно, дорогая моя королева, твоя взяла. Я сделаю это. Но только с одним условием.

– С каким? – с улыбкой промурлыкала я, уже ощущая сладость яркой победы.

– Ты пойдешь со мной, – сказала Фиона, резко хватая меня за руку.

Моя улыбка погасла, а сладость яркой победы приобрела странный неприятный привкус, как будто песок застрял на зубах.

– Давай, выйдешь на минутку из комфортного замка, где о тебе все заботятся, и попробуешь на вкус дерьмо настоящего мира, которое мы едим каждый день. Пойдем, королева, будет весело, хе-хе.

И почему мне было вовсе не смешно?

9

Я действительно сошла с ума. Насчет Фионы давно все было понятно – у девочки явно были не все дома, – но почему я решила присоединиться к ней?

Куда я попала? Зачем я сюда попала? Что я делаю так далеко от дома? Я, человек крайне образованный и с крайне деликатными взглядами на жизнь, пошла на поводу у каких-то странных и мутных людей, чтобы остаток жизни прозябать в этой дыре? Куда смотрели мои родители, когда они отдавали, пускай и не совсем любимую, но все же дочь, на волю судьбе?

И если отбросить все эти пустые измышления, то какого черта я делаю здесь, на рыночной площади, среди рыдающих и испуганных людей, которые сжались в маленькие комочки у стены одного из пустых домов, словно пытаюсь раствориться в стене, спрятаться от жутких бандитов, которые самодовольно и самозабвенно избивали ногами очередного мужичка?

Еще раз: что я тут делаю? Что мне сделать с этими бандитами – раздавить их своим интеллектом? Направить на путь развития, когда у них в голове осталось меньше мозгов, чем у моллюска?

Нет, мне все это порядком надоело. Правда. И я не дрожу. Нисколечко. Просто ветер подул.

– Ладно, я здесь, – яростно прошептала я Фионе. – И что дальше? Мне просто постоять и повосхищаться, пока ты будешь убивать этих негодяев?

– Нууу, – девушка очень мило положила пальчик себе на губы. – Знаешь, Эвелинн, я не уверена, что я справлюсь.

– То есть как? – удивилась я. – Какие-то четыре бандита? Это же пустяки!

– Давай тогда сама попробуешь! – обиженно возразила Фиона. – Это только в книжках воины разрубали по десять человек за раз! В реальной жизни клинок попросту застря...

– Да-да, хорошо, – нетерпеливо перебила я ее. – Но еще раз давай вернемся к главному вопросу. Какого. Черта. Я. Делаю. Здесь. Может, тебе по слогам сказать?

– Так весело же, – хихикнула девушка.

Нет, действительно, меня окружают одни сумасшедшие. Незачем было даже стараться привнести в ее несчастное сознание зерно рациональности.

Но наша яростная перепалка все же возымела свой эффект, пускай и не самый для нас благоприятный – нас, наконец, заметили. Четыре ухмыляющиеся рожи отвлеклись от избивания давно уже мертвого селянина и обратили свои похабные взоры на нас.

– Эй, ты только посмотри, – один разбойник ткнул другого в бок. – Девки пришли.

– Ага, – хмыкнул другой. – Эй, бабы, вам, чо, мужика настоящего не хватает? Оно и понятно – где тут найдешь нормального среди этого сброда, – он для подтверждения своих слов еще раз изо всех сил пнул мертвеца.

Со стороны раздался жалобный вопль. Наверное, это была жена или дочь лежащего на земле крестьянина. Не повезло им, однако.

Теперь надо быстро сообразить что-то полезное, чтобы мне повезло больше.

– Эй, вы там, заткнулись быстро! – один из бандитов подскочил к группке сжавшихся у стены людей и рявкнул на них, угрожающе замахнувшись рукой.

Вопли прекратились, сменившись всхлипами.

– То есть ты не сможешь с ними справиться? – продолжила я шепотом допытывать свою боевую спутницу.

– Да что ты ко мне пристала! – капризным тоном воскликнула Фиона. – Как можно предсказать исход боя заранее?

– Совместив вместе все имеющиеся на руках факторы, – уверенно заявила я.

– Ну, так и совмещай, раз такая умная! – она, похоже, обиделась.

– Эй, девки, шо вы там балакаете! Идите сюда, мы вам окажем хороший прием, хе-хе! – сострил один из бандитов.

– Заткнись, мешаешь! – практически в унисон сказали я и Фиона.

Бандиты крайне озадаченно посмотрели на двух миловидных и хрупких девушек, стоящих перед ними.

– Так как я могу что-то соединять, если я не имею представления о твоих возможностях! Слишком много вариантов, которые нужно рассмотреть из-за такого недостатка информации, понимаешь? – пыталась достучаться я до своей несообразительной собеседницы.

– Так давай сократим эти варианты, вот приставучая, а! – раздраженно закричала Фиона, плавно доставая из пазухи изящного вида клинок.

Следующим резким движением он полетел напрямик в лицо ближайшего бандита, где и окончил свой прелестный полет. Бандит через несколько мгновений тяжело рухнул на землю, на лице его так и застыла мерзкая гримаса вождения.

– Теперь довольна? – Фиона сложила руки на груди и обиженно надула губки.

– Так это все эффект неожиданности, а что мы будем делать в контактном бою? – осторожно спросила я, видя, как бандиты яростно достают длинные клинки из ножен и направляются к нам.

– Блин, тебе, что ли, подробно это описать? – Фиона вынула из маленьких ножен еще два клинка, с лезвиями попроще, и взяла их в обе руки.

– Знаешь, а я читала, что человек не может эффективно использовать оба клинка, что это вроде показушничества...

Фиона быстрым движением оттолкнула меня, потому что я по своей неопытности вряд ли бы успела увернуться. Буквально в сантиметрах от моего плеча просвистела острая сталь. Я сумела удержать равновесие, но Фиона уже не могла мне помогать – она была занята смертельным танцем с двумя бугаями, которые безнадежно пытались дотянуться до нее своими длинными мечами. Им явно не хватало скорости...

Я почувствовала, как нечто тупое вонзилось в мое солнечное сплетение. Боль была настолько сильной, что заполняла все сознание. Похоже, скорости не хватало и мне самой.

Кто-то сильно оттянул меня за мои длинные волосы с такой грубостью, что я подумала, что с меня сейчас снимут скальп. Я закричала, но сопротивляться было бесполезно – стало бы только хуже.

– Чот ты больно смелая, девка. Безоружной прийти сюды, думая, шо твоя подружка всех нас порешит. Да ты...

Он не успел закончить своей фразы, потому что, видимо, почувствовал нечто острое в своей голени. Я действительно не умела управляться ножом, но оружие ведь для того и создано, чтобы даже новичок мог причинить боль, так?

‘Итч почему-то решил, что негоже отпускать королеву с таким ненадежным оружием, как обычный острый кинжал. Поэтому он и Шарлотта передали мне разработанные ими специальные сапоги, в которых можно было спрятать парочку кинжалов, смазанных тем самым ядом, который ‘Итч решил проверить на бедном пареньке Феди. Я чувствовала себя крайне неудобно в таких высоких сапогах, постоянно представляя, как кинжал выскочит из пазов и вопьется мне в ногу, чтобы потом кто-то нашел мой хладный труп на дороге, но ‘Итч уверил меня, «шо етто апшшолутно бешопашно». У меня же почему-то складывалось впечатление, что он и Шарлотта попросту хотели протестировать их изобретение на мне. Безумные ученые, что тут еще скажешь.

Но бандит все же совершил роковую для себя ошибку, оставив мои руки свободными. Все же в чем полезность образования, так это в том, что все необразованные люди почему-то считают тебя беспросветно тупым и ничего не смыслящим в жизни. Парадокс, однако.

Сначала я испугалась, что яд не подействовал, что бандит сейчас от ярости свернет мне шею, но через секунд десять я почувствовала, как хватка на моих волосах слабеет, а затем и вовсе исчезает. Следующим положительным кадром было для меня то, как бандит отлетает в сторону на пару метров и с тяжелым ударом ложится на землю.

– Все в порядке, ваше величество? – спросил мой альтернативный спаситель, который оказался трактирщиком.

Все же приятно осознавать тот факт, что даже если бы ты сам не справился, то тебя бы все равно подстраховали. Жаль, что в жизни так редко происходит.

Я оперлась на галантно протянутую руку мужчины и поблагодарила его.

– Спасибо, – хрипло произнесла я.

– Практически все переведены в ваш замок, ваше величество. Остались лишь только люди на этой площади.

Я взглянула в сторону Фионы и облегченно вздохнула. Она уже покончила со своими ребятами, деловито вытирая кровь с клинков об их одежды. Тот изящный клинок, которым

она убила первого разбойника, уже находился в ее ножнах. Почувствовав мой взгляд, она привстала и приветливо помахала мне рукой.

Она что, хотела, чтобы я прошла боевое крещение, чтобы стать ко мне ближе? Вот дура.

Тут я услышала вблизи от себя не самый приятный звук в своей жизни. Трактирщик крайне звучно выругался и указал на боковую улицу, которая шла от площади.

К нам бежали еще несколько бандитов. И, судя по шуму, из других боковых улочек также шло подкрепление.

– Надо отступать, – приказала я трактирщику. – Помоги встать тем людям. Быстрее!

– Но мы... – начал протестовать трактирщик.

– Скажи всем отрезать кусочки ткани и закрыть нос и рот, понял? Не смотри на меня так, просто верь мне!

Фиона подошла ко мне и присмотрелась к мешочку у меня на руках. Затем она отрезала от своей рубашки здоровый кусок, которым плотно обмотала всю свою голову, оставив лишь щелочку для глаз. Получилось несколько эксцентрично и даже сексуально, благо надрезанные края рубашки теперь наглядно демонстрировали ее гладкий тренированный живот.

Трактирщик, к счастью, намек понял и побежал к стонущим людям, придавая им пинками и ругательствами верное направление. Вскоре все они представляли из себя парад огородных пугал с неровными дырами по всей одежде. Кто-то даже в приливе энтузиазма разрезал себе штаны.

Я, заранее подготовившись, повязала себе на лице широкий фиолетовый шелковый платок, который отдал мне Оман. Затем я храбро вышла на центр площади, куда уже подбегали первые группы бандитов. Некоторые из них заметили убегающих во главе с трактирщиком крестьян и приготовились ринуться в погоню.

Я подождала еще немного и...

– Давай! – крикнула Фиона.

Я с размаху кинула мешочек на землю, и через мгновение плотный белый дым заполнил собой всю площадь.

У меня неприятно заслезилась глаза. Черт бы побрал этих ученых, они вообще проверяли эту штуку?

Фиона подбежала ко мне сзади и схватила меня за руку. Повсюду раздавались вопли чихающих и кашляющих людей, которые катались по земле, как будто пытаясь сбросить с себя этот противный дым. Но он уже был внутри них, сопротивляться было бесполезно.

Я почувствовала, как мягкая рука уводит меня назад, к безопасности, и позволила Фионе вести себя.

И расслабилась. Слишком рано. То ли я споткнулась о треклятого бандита, который держал меня за волосы и, видимо, даже после смерти пытался мстить мне, то ли сообразившие, в чем дело, бандиты, стоящие за первой группой неудачников, бросились в погоню. Я почувствовала на своих ногах неприятный давящий вес, как будто кто-то обхватил меня сзади, а тепло держащей меня руки куда-то делось, когда я упала. Я в панике ударила каблуком сапога голову держащего меня человека, и он ослабил хватку, не в силах сражаться одновременно со мной и с окружающим слезоточивым дымом.

Я встала, тяжело дыша и осматриваясь, но, конечно, это не принесло никаких положительных результатов. Тогда я побежала, не понимая куда, потеряв всякое понимание об ориентировании, на боковую улочку и дальше, и дальше. Дым здесь уже рассеялся, поэтому я с ужасом осознала, что выбрала неправильную сторону, отличную от той дороги, что вела к трактиру. Но делать было нечего, надо было бежать дальше, потому что возвращение назад сулило верную смерть.

Я сопоставила свое текущее местоположение с мысленной картой у меня в голове. Да, точно, впереди лес, а если забежать в него и сойти с тропинки, то можно затаиться, спрятаться... да, надо бежать в лес, он тут буквально рядом, ведь...

Буквально рядом со мной раздался оглушительный рев одного из бандитов. Да кто они такие вообще?! Это и не люди вовсе, никто не может так быстро оклематься от этого дыма!

Я прибавила ходу, чувствуя, что сердце уже готово выскочить из груди.

Выбежала из города. Надо бежать дальше, не останавливаться. В боку неприятно колело, но я знала, что если бежать дальше, то боль исчезнет. Все равно эта боль была откровенно ничтожной, по сравнению с той, которая постигнет меня, если я остановлюсь.

Да, останавливаться нельзя. Ни за что. Надо бежать. Быстрее. Еще быстрее.

Нет, я так задохнусь. А что делать? Сдаться без боя? Так не пойдет!

Рядом со мной раздался неприятный свист. Они что, стреляют в меня? Придурки, однозначно. И зачем я им так нужна? Они же пришли сюда развлекаться, зачем гнаться за мной через весь город? Это же совершенно невесело!

Вот она, кромка леса! Наконец-то! Интересно, если я выживу и дам себе обещание после этого случая постоянно заниматься спортом, сдержу ли я его?

Вряд ли. Я же себя знаю.

Отлично, вот я и у...

Стрела вонзилась в кору дерева, расщепив ее, буквально в шаге от моей головы. Я шарханулась от нее, и другая стрела пролетела рядом. Я от ужаса пригнулась, а мои ноги запутались на ровном месте, и я грохнулась на землю.

Ко мне уже подбегали бандиты. Все же я оторвалась от них на приличное расстояние, благо мои легкие одежды давали мне некоторую фору по сравнению с их жирными телами, облаченными в тяжелые кольчуги. Зачем вообще так одеваться, если ты идешь на простых крестьян? Или это было не развлечение? Возможно, это... геноцид?

Ухмыляющиеся рожи были совсем близко. На бег у меня не осталось более энергии и духа, особенно когда я увидела пару лучников, которые не стреляли ровно по той причине, что я оставалась на месте. С живой девушкой можно больше позабавиться, так?

Моя рука скрылась в сапоге и сжала оставшийся клинок с ядом. Прошлый я оставила на площади, но, может, с этим мне удастся забрать парочку засранцев с собой? Потому что если я вообще не буду сопротивляться, то моя смерть будет крайне унижительной и долгой.

Да, верно, надо...

Тут из лесу до нас донесся нечеловеческий вой. Я невольно заткнула уши, убрав свою руку со смертельного клинка. Что за...

Я скорее почувствовала, чем увидела пролетающее у меня над головой коричневое нечто, которое с яростью вонзилось в неровный строй бандитов, расшвыривая их в стороны. Удары этого существа были настолько быстры и смертоносны, что бандиты разлетались в разные стороны, более не пребывая в качестве единого целого.

Кто-то даже пытался дать отпор, полетели по нелепой траектории неверные стрелы, но все было тщетно.

Буквально через минуту существо покончило с бандитами и повернуло свой кровожадный взор в мою сторону. С его раскрытой пасти, смешиваясь со слюной, падала свежая кровь.

Мое сознание, наконец, смогло достучаться до меня, вежливо предупредив, что мой лимит сильных впечатлений на сегодня уже превышен.

Я криво улыбнулась, помахала чудовищу ручкой, тихонько засмеялась и с облегчением упала в обморок.

Яркий свет буквально ослеплял мои закрытые глаза.

Где я? Возможно, это потусторонний мир, о котором мне рассказывали дома?

– О, Эвелинн, вы проснулись, – в ушах раздался мягкий голос.

Так, насколько я помню, эти самые потусторонние миры, согласно современным теориям, представляют собой своеобразные мультивселенные, поэтому душа человека может спокойно кочевать из одного мира в другой. Некоторые жрецы, правда, спекулируют этой мыслью, заявляя, что грешные души обязательно попадут в те миры, где ты каждый день вынужден есть одну гречку, а праведным душам будет разрешено есть сыр.

Если принимать во внимание только необходимую мне сейчас информацию о возможности души перемещаться между мирами, то надо немного подождать и выяснить, как мне попасть в тот мир, где меня не спрашивают, проснулась ли я, а ласково просят поспать подольше. И где есть сыр. Много сыра.

– Эвелинн, я же вижу, как у вас ресницы трепещут. Ну же, не будьте ребенком, просыпайтесь.

Ага, сейчас, разбежался. Только проснешься, так все и начнется – все начнут бегать, суесться, что-то просить, требовать... нет, лучше продолжать спать.

– Эвелинн!

Блин, как же он меня достал! Еще голос такой неприятный! Кто ж знал, что в потустороннем мире меня встретит такой занудный проводник.

– Отстаньте! Нельзя разве девушке немного отдохнуть?

Вот тебе мой самый грязный гендерный приемчик, получай! Конечно, не очень вежливо вешать на незнакомого мужчину чувство вины, но он ведь сам напросился, так?

Мужчина рядом вдруг мягко рассмеялся.

– Эвелинн, но ведь вы не девушка, а королева.

Я резко открыла глаза, о чем вскоре пожалела, так как резкий свет тут же не преминул отразиться на моих сетчатках. Зажмурившись, я попыталась слегка повернуть голову, но ничего не вышло – все тело словно не хотело слушаться меня.

Я сдалась увидеть моего собеседника.

– Я устала. Даже королевы устают, знаете ли, – сонным голосом произнесла я.

Королевы? Постойте...

– К тому же, – лукаво произнесла я, – я никакая не королева. Если я королева, то где же моя корона?

Все верно, ведь корону я отдала трактирщику перед тем, как идти с Фионой. Это была слишком драгоценная вещь, чтобы ее потерять, ведь она символизировала... символ? В общем, он должен был передать ее Оману или кому-то другому в замке, поэтому сейчас ее на мне не было.

Но мой собеседник снова рассмеялся. Что ж он такой веселый-то?

– Эвелинн, вам не нужна корона на голове, чтобы быть королевой. Вы не просто являетесь королевой в данный момент, вы ее *олицетворяете*.

Олицетворяю? Звучит довольно угрожающе.

– Ну хорошо, – сказала я. – Если уж я такая вся из себя королева, то приказываю тебе, жалкому смертному, подчиниться моей воле и дать мне немного поспать.

Да, я снова резко перешла на «ты». Это уже становилось чем-то вроде привычки.

– Но вы и так слишком долго отдыхали.

Вот нахал!

– Как ты смеешь, о раб моей воли, сметь оспаривать мой приказ? Как ты смеешь оценивать мое состояние и говорить, что я уже достаточно отдохнула?

– Я бы и не смел, Эвелинн, но твое королевство в опасности.

Опасность? А, он про этих бандитов? Да ладно, какая уж там опасность...

– Ты тоже решил перейти на «ты»? – решила я его запутать резкой сменой темы.

– Да, я вижу, что тебе так проще. Но давай не отходить от темы.

Черт, не вышло! Интересно, а если я не буду вставать специально, то бросит ли он свои попытки и перестанет ли донимать меня?

– Если ты, Эвелинн, захочешь лежать здесь весь день, то твое королевство может погибнуть, хотя окончательный выбор все равно за тобой, – сказал он, словно прочитав мои мысли. – Но честно тебе скажу, что мне не очень выгодно держать такую ленивую девушку, как ты, у себя дома, поэтому оставшийся день ты можешь поспать в холодном лесу на своем королевском ложе из сухих листьев.

Жестоко! Сначала приютил, а затем выгоняет! Изверг!

– Постой, – произнесла я, задумавшись. – Почему ты сказал «погибнет»? Как королевство может погибнуть? Ты имел в виду «исчезнет» или «будет разрушено»?

– Нет, Эвелинн, – возразил незнакомец. – Это королевство не исчезнет и не будет разрушено. Разбойникам вряд ли нужны камни, из которых состоит крепость или сама крепость. Также маловероятно, что они заинтересуются одной из многочисленных книжек в библиотеке.

Так, значит, он знает про Устав. Хорошо, что дальше?

– Поэтому эти слова не подходят, Эвелинн. Нет, если ты не встанешь с кровати, то королевство именно что погибнет. Ведь королевство – это прежде всего...

– Люди, – вздохнув, закончила я за него мысль.

Мужчина одобрительно хмыкнул.

– Верно. И поэтому я и сказал, что тебе не нужна корона, Эвелинн, что ты и без нее королева. Потому что ты помнишь то, про что многие правители сейчас забыли.

– Хотя Оман не любил, когда я ее снимала... – задумчиво произнесла я, пытаюсь осторожно выведать у собеседника больше информации.

Но тон его голоса подразумевал, что он раскусил меня, и я почувствовала себя маленькой девочкой, которая пытается обмануть профессионального шулера. Впрочем, как я поняла, он не имел стремления скрыть от меня все.

– Оман всегда был педантичен в этом вопросе. Насколько я его помню, – собеседник словно ушел мыслями в далекое прошлое.

Я, невольно заинтересовавшись, оперлась на локоть и привстала. Боль скрутила мое ослабевшее тело, но в целом я чувствовала себя нормально. Как будто по мне прошла стая кабанов. А так нормально. Вполне даже.

– Осторожно, Эвелинн, не так резко. Ты еще до конца не восстановила силы. Вот, выпей это, – он, аккуратно придерживая меня, подал мне дымящуюся кружку.

Я неловко взглянула на кружку, и он, видимо, поняв, взял маленькую ложечку и стал аккуратно поить меня с нее. Теперь я действительно почувствовала себя маленькой девочкой, но делать было нечего – уж очень было приятно, когда после трудного дня о тебе так заботились.

– Так вы знаете его? – спросила я, стараясь растянуть этот момент участия и заботы.

– О да. И довольно долгое время.

С каждой ложкой я все больше чувствовала разрастающееся по всему моему телу тепло. Оно невиданным способом не только согревало меня, но и придавало силы. Возможно, это был какой-то наркотик, который кратковременно заряжал энергией, а затем оставлял человека без сил на неделю? Не знаю, но ощущение все равно было слишком приятным, поэтому я решила оставить такие мысли на границе сознания.

К тому же, мне надо было еще кое-что узнать у моего странного собеседника. Я, наконец, повернула к нему голову и заметила, что его одежды очень похожи на форму, которую постоянно носил Оман, если не по внешнему виду, то, по крайней мере, по стилю. Думаю, что они вышли из моды даже не сотню лет назад, а все пятьсот, хотя сейчас выглядели очень

хорошо, пусть и странно. На вид он был даже моложе Омана, я бы могла дать ему лет сорок, хотя если бы он сбрил свою аккуратную бородку, то еще пять лет спокойно можно было бы сбросить со счетов.

– Как тебя зовут? – решила начать я издалека, хотя обычно этот вопрос вежливые люди задают первым.

– Зигмунд. Так, осторожно, не пролей, мы почти допили, – сказал мужчина, протягивая мне ложку с напитком.

Я послушно выпила и задумалась. Имя мне ничего не говорило, кроме того, что Оман и Зигмунд были явно не из здешних краев. Оман как-то упоминал, что он с севера, но... хотя какая разница? География никогда не была моей сильной стороной.

– Зигмунд, а можно я задам тебе один вопрос насчет Омана? Пусть и странный?

– Эвелинн, ты очень умело манипулируешь словами, я вынужден признать. Такой человек, как ты, очень редко смущается, чтобы задать какой-либо вопрос, потому что твоя любознательность и жажда знаний всегда берет вверх. Но ставя вопрос таким образом, ты достигаешь эффекта, что собеседник невольно хочет помочь тебе, ведь ты как будто заранее извиняешься за свой вопрос, поэтому человек хочет ответить на него, чтобы избавиться от чувства неловкости. Bravo, Эвелинн.

Он с довольно улыбкой по-отечески посмотрел на меня. Блин, нашлись тут еще лесные психологи, только их не хватало.

– Прости, Эвелинн, что ты хотела спросить? – невинно спросил он, используя тот же прием, что и я.

– Я хотела спросить, – сказала я, игнорируя его выходку. – Правда ли, что Оман настолько силен? Просто по его внешнему виду не скажешь, но...

Брови Зигмунда медленно поползли вверх.

– А ты крайне наблюдательна, Эвелинн! К тому же с виду твой вопрос кажется абсолютно пустячным, но каким-то образом ты умудряешься приближаться к истине так близко, насколько это возможно. Отвечу тебе, Эвелинн, да. Он действительно очень силен.

– Тогда если в замке остались он и Фиона... – начала я.

– Фиона? – недоуменно произнес он.

Похоже, про нее он не знал.

– Да, одна моя знакомая воительница. В общем, если они остались в замке, то они вполне могут организовать оборону, а затем...

– Оман ничего не станет делать без тебя, – мягко перебил меня Зигмунд.

Теперь настал мой черед удивляться.

– Как так? Просто еще раньше он отказался выполнять мой приказ, когда я сказала, что нам необходимо пойти в город вместе.

– Все верно. Понимаешь, Эвелинн, Оман лишь может действовать в соответствии с твоими приказами в твоём королевстве, которое, как ты сама уже знаешь, ограничивается границами замка. Он не может влиять на окружающий королевство мир согласно... другому приказу.

– Тогда кто отдал ему такой приказ? – я приподнялась с кровати.

– Этого я не могу тебе сказать, – спокойно ответил Зигмунд.

В принципе, я особо на это и не рассчитывала. Хотя было и слегка обидно.

– То есть, если я вернусь, то Оман будет подчиняться мне в пределах замка? И если бандиты зайдут в замок, то...

– Именно, – подтвердил мою гипотезу Зигмунд.

Я устало рухнула на подушку. Как же все сложно. И почему именно я? По той нелепой причине, что сказал Зигмунд? Что я помню то, что другие правители забыли? И некто хочет помочь мне взойти на престол? Тогда получается, что я...

– Я просто марионетка... – устало произнесла я.

Зигмунд аккуратно приподнял меня, чтобы я могла облокотиться спиной о стену. Затем он принялся растирать мне ноги быстрыми движениями, разгоняя кровообращение. Было немного неловко, но в то же время приятно.

– Мы все марионетки, Эвелинн, – задумчиво произнес Зигмунд. – Или правильнее будет сказать, что мы все кому-то подчиняемся. А мудрые люди понимают, что подчинение идет по циклу, ведь народ подчиняется своему правителю, так же как и правитель своему народу. Ты знала, что в некоторых античных государствах именно народ признавался правящим. Они называли такую форму правления демократией.

– Да, – кивнула я. – Власть большинства. Но это лишь утопия, ведь огромное скопление народа не может ничем управлять. Это лишь своего рода манипуляция, чтобы заставить поверить людей в их собственную важность.

– А людям разве не нужна эта вера, Эвелинн? – мягко возразил мне Зигмунд. – Ведь манипулируют все друг другом без исключения. Это основа жизни. Даже такое явление, как ложь, подтверждает, что мы живые существа со своими желаниями и амбициями.

– Это софистика, Зигмунд, – зевнув, сказал я.

– Скорее философия, Эвелинн. Подумай над этим на досуге. Я просто хотел сказать, что мы все в итоге управляем друг другом. Можешь называть всех марионетками, если угодно, ведь у каждого человека есть нити, которые связывают его с окружающим миром – его правитель, его желания, его семья... но прошу тебя, Эвелинн, не называй марионеткой себя, мне это больно слышать.

– Почему? – удивленно спросила я.

– Потому что марионетки движутся в этой жизни навстречу импульсам, которые их тянут. Ты же движешься сама по себе, независимо ни от кого. Если говорить проще, то если бы меня попросили поспорить о твоём возможном будущем, то я бы воздержался.

– Все люди имеют неопределённое будущее! – возразила я. – Зигмунд, не надо вешать мне на уши фаталистическую чепуху!

– А я и не собирался, – сказал он, хитро взглянув на меня. – Но тогда ты только что доказала, что ты, как и многие люди, не марионетка. Ведь только у марионеток можно безусловно предсказать дальнейшие действия, ведь так?

Я гневно воззрилась на него. Не люблю проигрывать в философских спорах. Вдруг мой нос уловил вкусный запах готовящейся еды. Похоже, это было вареное мясо.

– О, да ты тут еще и обед решил приготовить! – с энтузиазмом произнесла я, забывая про наш философский диспут.

В первый раз за время нашего разговора Зигмунд замялся.

– Да, но это не я... кхм, это Рестар. Тот, кто тебя спас, если быть точным.

Я с ужасом посмотрела на Зигмунда.

– Постой, то есть ты хочешь сказать, что в соседней комнате в этом тихом деревянном домике у тебя...

– Эвелинн, ты неправильно все понимаешь...

– МОНСТР?!

– Эвелинн, не надо, пожалуйста. Рестар такой же человек, как я и ты... по крайней мере, сейчас он выглядит таковым. Послушай, ведь именно он спас тебя от этих бандитов, поэтому...

– Зигмунд, он съедал людей живьем!

– Возможно, он был немного голоден? – он натянуто улыбнулся.

– Голоден, ага, – кивнула я саркастически. – Теперь я понимаю, почему я вся в синяках да ушибах. Если этот зверь тащил меня всю дорогу, то...

– Да, возможно, пару раз ты падала, – задумавшись, произнес Зигмунд.

– ПАРУ РАЗ? Да я сама на себя не похожа!

– Зато ты жива, Эвелинн, – Зигмунд сделал отчаянную попытку усмирить мое возмущение.

– Ага. Жива, чтобы и далее выполнять незримые приказы вашего незримого начальника. Просто супер!

– Эвелинн... – опять завелся мой собеседник.

– Не хочу ничего слышать! Ладно, давай сюда вашу мясную похлебку, и я пойду в замок. Пойду! Ты понял? Никаких больше поездок верхом на чудовищах!

– Эвелинн, кхм, боюсь, что я не смогу тебя угостить... понимаешь, я сам обычно не ем, что готовит Рестар, хотя, надо признать, что повар из него отменный. Просто, понимаешь, его вкусы, как бы тебе сказать, не совсем... кхм...

– То есть он любит острую пищу? Это нормально, я сама люблю поперчить, – вальяжно произнесла я, осторожно сползая с кровати на пол.

– Тут дело не в пряностях, Эвелинн. Понимаешь... давай я так тебе попробую объяснить. Вот ты, как человек, ешь мясо коровы, иногда лося, можешь не побрезговать свининой или крольчатиной. Верно?

– Зигмунд, ты так расписываешь, что еще больше есть захотелось. Давай к делу!

– А теперь давай попробуем перевернуть с тобой пищевую цепочку... если бы ты была кроликом, то что бы ты ела?

– Траву, – недоуменно сказала я, ощущая себя немного идиоткой.

– Это понятно, – отмахнулся Зигмунд. – Но я же не зря сказал про переворачивание пищевой цепочки. Что бы ты ела, если бы ты была очень и очень сильным кроликом?

Я хотела уже сказать «много травы», но что-то в его тоне заставило меня насторожиться.

И когда до меня, наконец, дошло, то я почувствовала острый приступ тошноты, а лицо мое все побелело.

– Эвелинн, если ты хочешь прочиститься, то выйди, пожалуйста, на улицу.

Я оперлась рукой о стену и постаралась сосредоточиться на чем-то другом. Не получалось – назойливый запах теперь отчаянно сообщал мне о своей истинной природе, рисуя неприятные картинки в моем воображении. Я решила дать выход своему гневу, чтобы заглушить этот смрадный запах.

– Зигмунд, ты вот так спокойно хочешь сказать, что у тебя дома обитает... каннибал?!!

– На самом деле мясо человека, Эвелинн, довольно питательное и вкусное.

– Ты пробовал?!!!!

– Нет, кхм... просто так говорят. Ну, понимаешь?

Я так резко встало, что у меня на мгновение закружилась голова.

– Не понимаю. Не хочу понимать. Зигмунд, спасибо за приют, спасибо за угощение.

Я повысила голос.

– Рестар, спасибо за мое чудесное спасение! Приятного тебе аппетита! Приходи потом в замок, там будет еще много сочненьких питательных бандитов! – прокричала я в направлении другой комнаты, скрытой от меня, к счастью, деревянной перегородкой.

Из другой комнаты раздался утробный рык, который я приняла за благодарность за мое приглашение.

– В общем, я пойду, Зигмунд, еще раз спасибо тебе. Ты можешь, пожалуйста, подсказать, как отсюда дойти до замка?

– Путь отсюда довольно долог, но подсказать, конечно, подскажу, – миролюбиво ответил Зигмунд. – К сожалению, мы потеряли предостаточно времени, но, думаю, что ты успеешь вовремя. Можешь, пожалуйста, встать вот сюда, мне надо тебя осмотреть на предмет каких-то заноз... кхм, или ссадин.

– Да ты меня целый день осматриваешь! – почему-то в какой-то момент я стала общаться с ним, как с другом.

То же самое происходило и с Оманом, хоть немного и по-другому.

Я удивленно оглянула угол, куда он попросил меня встать. И зачем тут этот круг? Еще какие-то странные письма на полу...

– Боюсь, что твоя одежда полностью пропиталась кровью, поэтому я ее выкинул, Эвелинн. Сама понимаешь – даже после очистки она сохранит на себе отрицательную энергетику.

– Да ничего страшного, все равно она была старой. А у тебя, кстати, не найдется запасной верхней одежды, чтобы я могла дойти до замка?

– К сожалению, нет, Эвелинн, придется обходиться, чем есть. К тому же, ты сможешь попросить одежду у себя в замке. Так, готова?

– То есть мне придется идти всю дорогу практически голой? И к чему я должна быть готова...

Вдруг у меня очень сильно закружилась голова, а неизвестно откуда взявшийся ветер своим холодным естеством словно пронзил мое нутро. Я почувствовала, словно на мгновение зависла в воздухе, а затем мир вокруг меня приобрел мрачные очертания, а я рухнула на колени.

Головокружение было настолько сильным, что я уже не могла сдерживаться.

Меня вырвало.

Прокашлявшись, я брезгливо приподнялась, отступая по холодному полу своими босыми ногами. Неожиданно моя спина уперлась во что-то твердое и прохладное, и я вскрикнула от неожиданности.

Повернувшись к препятствию с раскрытыми от ужаса глазами, я подняла руку и коснулась той темной стены, с которой столкнулась. Мои пальцы пробежались по чему-то очень знакомому.

Книги.

Я прислушалась. Шелестение страниц, завывание холодного ветра, что проникал сквозь незакрытые окна.

Я была в библиотеке. Я судорожно оглянулась.

Точно. В библиотеке моего замка.

Не думая больше ни о чем, я побежала к выходу. Оказавшись у двери, я в последний раз оглянулась и увидела, что красный круг, отмечающий место моего прибытия, озарился красным светом, еле заметно моргнул и потух. Среди вечерней темноты его теперь было совершенно невозможно заметить. Я неожиданно вспомнила мягкое покрытие, которого коснулись мои пальцы, когда я очутилась здесь.

Ковер. Да, именно он. Поэтому круга не было заметно и при дневном свете.

Я пожалала плечами и выбежала из библиотеки, направляясь напрямиком в тронный зал.

11

Я думала, что сейчас как раз настал тот момент, когда нужно было воспользоваться той самой скрытой панелью в тронном зале, чтобы пронзительный и неприятный перезвон колокольчиков призвал всех ко мне. Но, как оказалось, в этом не было ровно никакой необходимости – все уже были здесь.

Они столпились у главных ворот замка, о чем-то возбужденно переговариваясь. Я вышла из боковой двери, которая находилась ближе к трону – именно через эту дверь Оман провел меня в мой первый день пребывания в этом чудном месте.

Как странно, подумала я, неспешно продвигаясь к высокому трону, сложенному из цельного камня.

Как странно, еще раз пришла мне в голову навязчивая мысль, когда я, поморщившись от боли во всем теле, грузно села на холодный камень.

Как странно...

И почему именно здесь и сейчас я чувствовала себя, словно я дома? Нет, не словно я у себя дома, рядом с родителями, а словно я нашла *свой* дом. Настоящий.

Интересно... возможно, поэтому люди хотят остепениться, завести детей, жить спокойной жизнью? Или таким образом они просто сдаются, готовясь к приближающейся смерти?

Я всегда думала – есть ли какое-либо продолжение после этой самой свадьбы? Все сказки и любовные романы, которые я читала у себя дома от скуки, заканчивались одним и тем же – «поженились они и жили долго и счастливо...».

То есть... был ли в этом некий скрытый смысл? Например, что до женитьбы этой самой жизни не было или... она было совершенно иной? И после свадьбы одна жизнь кончается и начинается другая?

Но мне не суждено это было узнать. Я печально улыбнулась и откинулась на спинку высокого трона. Почему-то жизнь решила дать мне иное развитие событий, отличное от жизни многих девушек моего возраста и статуса.

Кто я же я была такая? Если Зигмунд прав, и ни один человек не может считаться марионеткой, то кто я такая в большой игре под названием жизнь?

Я почувствовала, как слезы текут у меня по щекам. Странный я человек все же. Слабый, не имеющий возможности пережить множество впечатлений за раз. Мне всегда нужен отдых, остановка, передышка, комфорт...

Система...

Да, в этом, пожалуй, единственная моя сила.

Все же... я крайне системный человек.

А в текущей сложившейся системе так получилось, что именно я являюсь королевой. Отбросив в сторону стандартное будущее, что было предназначено мне с рождения, я стала официальной королевой пусть небольшого, но все же королевства.

Это было... приятно. Я улыбнулась и смахнула выступившие слезы на глазах.

Да, приятно, когда тебя оценивают по достоинству. Но способен ли мир принять те изменения, которые я хочу с ним сотворить? Впрочем... когда я кого-то о чем-то спрашивала?

Я развела руки и громко хлопнула в ладоши. С удовольствием про себя отметила, что маленькие фигурки у входа в замок все разом вздрогнули и повернулись лицом к трону.

Да, надо признать, что удивлению их действительно не было предела. Считали ли они меня умершей? Вероятно.

Была тут и Фиона, которая радостно меня обняла, словно мы стали неожиданно давними и хорошими подругами. В принципе, я не была против.

А вот и Шарлотта, которая подпрыгивала от возбуждения и хлопала в ладоши, словно маленькая девочка.

И старина Йтч, куда же без него. Он по своему обыкновению снова вышел откуда-то из теней, но длинный нос, выступающий из его капюшона, забавно шевелился, что я сочла за некое удовлетворение.

Дора просто кивнула мне, как царственная особа своей сотоварке – видимо, в глубине души она всегда считала, что настоящие королевы никогда не умирают.

Старина трактирщик был явно преисполнен боевого духа, а, увидев меня, сразу же пообещал, что после славной битвы нужно будет обязательно закатить не менее славный пир, восславляя меня и его дешевые цены на пиво, которое он горел желание продать оптом.

И наконец... да, более всего, признаюсь, меня интересовал именно этот человек. Хотя, судя по тому, что я услышала от Зигмунда... был ли он действительно человеком?

Оман стоял вдали от всех и нервно перебирал в руках корону, а когда я, обнявшись со всеми, подошла к нему, то он церемонно встал на одно колено и протянул мне мой царственный головной убор. Принимая корону, я невольно улыбнулась, потому что поняла, наконец,

слова Зигмунда про живое королевство. Судя по оживленному обсуждению, которое я преврала своим присутствием, все намеревались защитить замок от посягательств бандитов.

Все... и даже Оман. Похоже, он понял, что даже в случае гибели монарха королевство продолжает жить, стараясь отстаивать те интересы, которые были заложены во время правления государя. И если эта теория была верна, то чем дольше будет продолжаться мое правление, тем дольше составит инерция продолжения моих дел после моей смерти. Ведь королевство – это не замки и крепости. Королевство – это, прежде всего, люди. А люди всегда вдохновляются другими людьми, которых они считают своими заклятыми врагами и в то же время лучшими друзьями.

Я надела корону и вернулась обратно на свое законное место. Согласно последним донесениям, многим жителям удалось спастись, что было довольно хорошо, но в то же время к замку в этот самый момент приближались крайне воинственно настроенные бандиты, которые вряд ли могли быстро пробить толстые деревянные ворота, не имея при себе ничего напоминающего таран, но их гнусные рожи и обыденные разговоры, перемежающиеся с гневными выкриками в нашу сторону, могли помешать нам спокойно провести остаток ночи.

А этого позволить было никак нельзя. Я очень и очень хотела спать. Более того, я страстно желала вообще не вылезать из кровати как минимум неделю. Значит, выбора не остается – придется с ними разобраться, причем быстро и беспощадно. Без суда и следствия. В таком случае приятно все же быть королевой – обходишься без лишних проволочек.

К счастью, мои верные подданные разделяли мое мнение, и у них даже созрел очень хороший план ко времени моего прихода. Не знаю, почему Зигмунд меня так торопил, – они и без меня прекрасно бы справились, любо дорого было на них смотреть.

Ну конечно, раз я не преминула объявиться, то они с робкой решительностью решили взвалить на меня самую опасную часть плана, которую ранее хотели поручить Шарлотте. Я видела, как молодая леди с облегчением вздохнула, – каким бы безумным ни был бы ученый, он никогда не захочет рисковать своей собственной жизнью. Даже у безумия были свои четкие пределы.

Впрочем, что приятно, ничего особо сложного мне делать не надо было. Точнее говоря, мне вообще не было необходимости даже вставать со своего места.

Я с интересом наблюдала, как Шарлотта раздала всем специальные очки с крайне футуристическим дизайном. Она не стала вдаваться в подробности, но упомянула какой-то редкий камень, который после шлифовки и обработки специальным веществом в *определенных* условиях приобретал новые свойства. Среди них особенно полезным было то, что человек, взглянув через такое стекло при окружающей его темноте, мог удивительным образом видеть слабые очертания сквозь тьму, пусть и в странном бутылочно-зеленом окрасе. 'Итч решил усовершенствовать это крайне полезное изобретение, нанеся на каждого из нас немного раствора, который, как сказал, использовался при изготовлении некоторых из его свечей. Теперь любой человек, надев очки Шарлотты, мог различить в темноте своих друзей, которые мерцали разными оттенками зеленого.

Выполнив свою работу, заключавшуюся преимущественно в подробных инструкциях касательно использования ее изобретения, она деловито попрощалась со всеми, попросив по возможности (читай: если мы выживем) сообщить о результатах пробы опытных образцов. Затем она удалилась в свой кабинет, пожелав всем удачи напоследок. Что я вам говорила насчет ученых, да еще и безумных?

Затем 'Итч зажег несколько свечей, которых хоть было и немного, но их яркий свет освещал добрую половину зала. И на этом все наши приготовления были завершены.

Оман приоткрыл одну из створок ворот и вежливо пригласил в зал крайне сердитых бандитов. Не пойму, почему они так спокойно ворвались в тронный зал навстречу полной неизвестности... хотя, возможно, именно так и ведутся многие войны и именно так и совершаются

рейдерские налеты? Тогда понятно, почему смертность в войнах настолько высока – абсолютно нерациональное использование людских ресурсов. Впрочем, что еще ожидать от экономистов и военных генералов современности?

Я громким голосом поприветствовала наших уродливых гостей, краем глаза подмечая, как Оман закрывает за ними ворота. Был ли у этих ворот специальный механизм с применением рычага или действительно Оман был настолько силен?

Налитые кровью глаза бандитов устремились ко мне – беззащитной девушке без оружия, вальяжно сидящей на троне и мирно улыбающейся.

Их было... сколько? Человек двадцать? Действительно много. И почему они решили напасть на этот маленький городок? Кто же отдал приказ? Ладно, с этим можно разобраться позже...

И тут 'Итч потушил свечи, погрузив весь зал в крошечную тьму.

Да, признаюсь, что именно в этот момент мне нужно было спрятаться за обширный трон, на который я залезла с ногами, и спокойно ожидать окончания битвы. Но мне почему-то было лень. Смертельно лень, если можно так выразиться в такой ситуации.

Я с любопытством водрузила себе на нос очки, подаренные Шарлоттой, и принялась с интересом наблюдать за схваткой. Были видны, к сожалению, только очертания бандитов, но даже по их колеблющимся силуэтам было понятно, насколько сильно они были удивлены.

Первая пара легла замертво от двух метких попаданий с одноручных арбалетов 'Итча. Особенностью его подлого оружия было то, что особо не было важно, куда он выстрелит, ведь смертоносный яд быстро довершит начатое.

Больше всего меня интересовал Оман, конечно.

И он полностью оправдал мои ожидания. Прыгал от цели к цели, словно цепная молния из античных мифов – он представлял собой живое олицетворение небесной кары. И удивительным образом обходился без оружия. Да... с ним у меня предстоит крайне серьезный разговор в будущем. Подожди, Оман, стоит мне выпастся и...

Мое внимание также неожиданно привлекла Дора. Я вообще забыла о ее присутствии, думая, что она также ушла с Шарлоттой, но... о боги, у нее в руках, что, *скалка*? Да еще и *железная*?

Нет, это совершенно нечестно с нашей стороны. Лучше уж быть убитым ядом 'Итча, чем оказаться с размежеванной головой, когда мозги вытекают из ушей явно не от умственных усердий. Даже здесь, вне кухни, она профессионально разделявала на куски свежее мясо, пусть и не отличающееся особым желанием к этому. Это неважно, ведь кролик также не хочет быть убитым, а рыба – освежеванной. Дело лишь в перспективе и вкусе.

Трактирщик, что приятно, также держался молодцом, дерясь по-деревенски – слегка нечестно, но зато с полезным исходом для себя. Казалось, что он уже присматривается к оброненным кошелькам у трупов бандитов, намереваясь пожить после битвы. Возможно, так оно и будет.

Но если говорить честно и откровенно, то... я была глупой.

Очень глупой.

Только маленькая несмышлёная глупенькая безмозглая девчушка может с интересом наблюдать за ходом разыгравшейся битвы на смерть, не позаботившись об укрытии.

Зигмунд как-то сказал, что я очень любознательна. И любопытна.

Что я не марионетка.

Что я сама определяю свою судьбу.

Но как бы то ни было, но в системе жизни всегда есть свое наказание. Я не хочу верить в это, я хотела бы верить в лучшее. На самом деле.

Зигмунд, лучше бы я была марионеткой. Маленькой, глупой, но живой марионеткой. Меня бы дергали за ниточки, а я бы улыбалась в такт неслышной никому, кроме меня, музыки.

Зигмунд... почему я так глупа и неосторожна? Почему я расписываю себя всем, как системного человека, который всегда думает о будущем, но в итоге этого не делает?

Почему я всегда говорю, что люблю заботиться о других людях, но в итоге забочусь лишь о самой себе?

И почему... почему остальные меня так любят? Я ведь...

Кто я такая, Зигмунд?

Я совершенно не учла, что в группе бандитов могут быть лучники. И что они могут запаниковать, оказавшись в полной темноте.

Шальная стрела, выпущенная по нелепой траектории...

Нелепой...

Может быть, именно я нелепая?

Я слабо улыбнулась. Никто не услышал мой тихий стон. Моя голова безвольно покачнулась и ударилась о спинку бездушного, бесчувственного к моим страданиям каменного трона.

Тело мое покрыл липкий жар, перемежающийся с дикой болью в районе живота. А затем я словно начала коченеть, начиная с кончиков пальцев, которые робко ощупывали древко длинной стрелы.

Такое мягкое оперение...

Зигмунд, я... спасибо тебе. Я и правда не марионетка. Теперь больше нет. Все мои нити постепенно обрываются, а силы уходят.

Не марионетка. Да. Теперь да. Абсолютно свободный человек.

Я прикрыла глаза, все еще чувствуя сильную пульсирующую боль в моем теле, но она постепенно приглушалась каким-то сладостным предвкушением.

Да, теперь я могу, наконец, осуществить свое желание. Теперь я могу поспать столько, сколько захочу. Так хорошо...

Боли больше не было. Было ощущение невесомости, легкого парения над землей. Как же хорошо, что я могу отключаться, если пережитые впечатления оказываются слишком сильны.

Интересно, а смерть – это сильное впечатление? Или действительно просто переход в другой мир? В другую жизнь? Как замужество, только проще и без обязательств?

Что ж, смерть... приветствую тебя.

Надеюсь... что ты покажешь мне нечто совершенно интересное. А то зачем люди умирают?

Улыбка застыла у меня на кровавых устах. Звуки прошлого брэнного мира более не доносились до моих ушей.

Я...

...

...

...

...умерла.

Послесловие от автора

Привет всем!!!

Надеюсь, что вам очень понравилась эта книга!

Напоминаю, что этот роман из цикла «художественных исторических описаний», которые выходят параллельно с моими работами по описанию истории нашего с вами мира! В этом цикле я беру в качестве главного героя совершенно незначительного по историческим

меркам человека, чтобы на его фоне показать вам культуру, обычаи, политические перипетии и экономическую ситуацию описываемого периода!

В данном примере вы смотрели на мир глазами королевы Эвелинн, упоминание которой можно найти лишь в двух источниках, которые с огромной долей вероятности являются выдумкой, написанной через несколько десятков лет после описываемых событий. И даже если бы эта королева и существовала, дорогие мои, то я бы назвала ее «королева Эвелинн, Которая Ничего Не Достигла». Хе-хе, остроумно, да?

Итак, мы с вами в художественной и нескучной, как я полагаю, форме рассмотрели маленький временной отрезок из периода Великой Раздробленности. Тогда весь наш мир был разделен на великое множество различных государств, которые находились в состоянии постоянной войны друг с другом. Сегодня это действительно трудно представить, но в то время многие девушки и молодые люди вступали в брачный союз, исходя из пожеланий своих родителей, причем такая традиция существовала не только в царских семьях, а повсеместно. Суицидное нарушение свободы выбора, дамы, вы только представьте!!

Напоминаю, что подробнее про этот период вы можете прочитать в моем трактате: «Великая раздробленность. Эпоха уныния», где отражены все даты, основные события этой исторической эпохи, а также выдающиеся деятели.

И помните: важно не только любить, но и знать свою историю! Ведь из нее вы можете почерпнуть много чего интересного!

А пока... до встречи! До новых книг! Приходите на слет читателей в Ривертоне, где я буду беседовать с вами на исторические темы и раздавать автографы!

Чай и печеньки также будут!!!

До скорого!

*С уважением,
Лира-историк.*

P.S. Пожалуйста, не путайте меня с Лайрой-историком! Она суицидная самозванка, которая еще поплатится за свои выходки! Мое имя кратко и благозвучно, как музыка вашего сердца на первом свидании со своим любимым человеком. Не ведитесь на выходки мошенников, читайте только правильную историю!